АЛЕКСАНДРА МАРИНИНА

СТЕЧЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

ЭКСМО

Стечение обстоятельств
Александра Маринина

Аннотация
Александра Маринина. Стечение обстоятельств
К читателю
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12

Аннотация

Интересно съесть ужин, приготовленный убийцей. Что Настя Каменская и делает: причем в компании самого «повара». Таково стечение обстоятельств: она вычислила киллера, его сообщников, но для того, чтобы получить неопровержимые доказательства, ей надо «раскрутить» расчетливого и хладнокровного профи по всей программе. Вот она и старается, отчетливо понимая, что любое неосторожное слово или движение может стоить ей жизни. За окном поздний вечер, и до утра еще целая вечность…

Александра Маринина
Стечение обстоятельств

К читателю

В декабре 1992 года я уезжала в отпуск, держа в одной руке дорожную сумку, в другой — портативную пишущую машинку «Унис». Я собиралась написать первую книгу о Насте Каменской. В голове на тот момент не было ничего толкового и связного, кроме единственной картинки: женщина примерно моего возраста и моего служебного положения (в то время я была старшим научным сотрудником отдела анализа и прогнозирования преступности) оказалась обманутой человеком, который попросил написать ему за деньги диссертацию и, получив выполненную работу, скрылся, не заплатив. Женщина (впоследствии у нее появилось имя — Ирина Филатова) не стала прилагать усилия к тому, чтобы искать обманщика, обиду проглотила, но не забыла. И когда судьба случайно свела ее с этим человеком, стала методично превращать его жизнь в медленно нарастающий кошмар. «Зачем вы это делаете, Ирина?» — спросил высокопоставленный мошенник. «Я вас ненавижу. Я хочу вас уничтожить», — ответила та.

Эта картинка стояла у меня перед глазами многие месяцы, задолго до того, как мне вообще пришла в голову мысль попробовать написать детективную повесть. В нашей системе МВД (но знаю точно, что не в ней одной) практика написания за деньги или за покровительство диссертаций существовала давно и цвела пышным цветом, я была знакома со многими истинными и «подставными» авторами подобных научных трудов, знавала и людей (не стану лгать, их было крайне немного), обманутых так же, как и моя Ирина Филатова. Особенно больно мне бывало, когда «жертвой» обмана оказывалась женщина, ибо я понимала: недобросовестный заказчик рассчитывал именно на то, что женщина не станет связываться с его поисками и выколачиванием денег, женщина слаба и беззащитна, а если у нее вдруг случайно оказались неплохие мозги, то вполне можно попробовать поэксплуатировать их бесплатно.

Постепенно из бессвязной картинки проросла мысль: самую большую ошибку мужчины совершают тогда, когда недооценивают женщину. Вот тогда и родилась Настя Каменская, но в декабре 1992 года я ни на мгновение не предполагала, что ей предстоит долгая жизнь в двух десятках

книг. «Стечение обстоятельств» писалось ради интереса (хотелось в неподсудной служебным разбирательствам форме выплеснуть негодование в адрес начальников, жаждущих заполучить вожделенную степень кандидата или доктора наук), азарта и любопытства: а сумею ли?

Сегодня закончен двадцать первый роман о Насте Каменской и ее коллегах, друзьях и родственниках. Журналисты часто спрашивают меня, откуда берутся сюжеты моих детективов, уж не из моей ли собственной милицейской практики. Я долго и нудно каждый раз объясняю им, как обстоит дело, и все жду, когда же кто-нибудь спросит меня: зачем я пишу свои книги?

До сих пор никто об этом не спросил. А если бы спросили, я бы ответила, что пишу не ради того, чтобы рассказать о преступлении, потому что в самом преступлении нет ничего интересного. Мне интересны люди, их мысли, чувства, переживания, побуждения и мотивы, которые толкают их на те или иные поступки, и не имеет значения, в чем эти поступки выражаются: в совершении ли преступления или в выборе пути поиска преступника.

И есть еще одна вещь, которая для меня важна и о которой каждая моя книга. Нет в мире

ничего абсолютно хорошего и абсолютно плохого, все положительное, доведенное до абсурда, превращается в негативное, точно так же и все плохое имеет свои положительные стороны. Все переплетено и взаимосвязано столь тесно, что человечество за многие столетия так и не смогло дать точное определение, что же такое добро и что такое зло.

Спасибо вам, всем тем, кому нравятся мои книги и кто любит мою Настю. Спасибо и тем, кому эти книги не нравятся, потому что эти люди взяли на себя труд как минимум открыть книгу и прочесть хотя бы несколько страниц. Удачи вам, успехов и радости!

С уважением
Александра Маринина

Глава 1

Убийц было трое — Заказчик, Организатор и Исполнитель.

Лучше всех в эту ночь чувствовал себя Заказчик. Он принял решение, дал нужные указания и теперь ждал, когда ему доложат о результатах. Нет, конечно, само решение далось ему трудно, после долгих раздумий и расчетов, после многочисленных попыток решить дело другими, более мягкими мерами — деньгами, уговорами, угрозами. Заказчик вовсе не хотел становиться убийцей, но рисковать своим статусом он хотел еще меньше. К нынешнему служебному положению Заказчик пришел из крепкого комсомольско-партийного прошлого и к своим сорока двум годам стал профессиональным начальником. Это означало, что главным для него было родить идею, с которой можно выслужиться перед вышестоящим руководством, правильно выбрать человека, который сможет организовать воплощение идеи в жизнь и с которого, кстати, можно спросить за невыполнение указаний. Заказчик, как и все такого рода начальники,

никогда ничего не делал сам. Дав указания, он облегченно вздыхал и не тревожился мыслями о возможной неудаче, ибо был твердо уверен: раз он велел — все будет сделано. Основа исполнительности — страх. А заставить исполнителей бояться себя он умел. И на этот раз он, приняв решение, переложил все заботы на Организатора, а сам впервые за последние полгода спал спокойно.

Организатор, наоборот, потерял сон. С того самого дня две недели назад, когда Заказчик внезапно объявился и потребовал встречи. Организатор занимал теперь положение, пожалуй, повыше, чем его старый знакомый, и с неудовольствием думал, что тот будет о чем-нибудь просить, слегка шантажируя их прошлыми отношениями. Но все оказалось куда хуже. Вокруг Заказчика мог разгореться скандал, и в орбиту этого скандала, если дело заварится круто, может попасть и он, Организатор. Все зависит от того, насколько глубоко будут копать. А уж если выплывет имя Организатора или хотя бы даже намек на него, то эти шакалы из группы Ковалева сгрызут его в мгновение ока на радость себе и газетчикам. Прошлое у Организатора было, прямо скажем, грязноватое. Просто пока никому и в

голову не приходило в нем разбираться. Но если начнут — конец.

Получив заказ, Организатор нашел Исполнителя и передал ему все сведения, которые получил от Заказчика. Срок Исполнителю дали до понедельника. Сегодня пятница, вернее, уже суббота. Пока он не звонил. Организатор четвертую ночь не спит, плетет жене какую-то чушь о срочном докладе в аппарат Президента, сидит на кухне и с ужасом ждет. Чего он ждет? Сообщения о том, что опасность устранена и скандала не будет? Или о том, что у Исполнителя ничего не вышло и нужно искать другой выход? Какое бы известие он ни получил, для него это будет означать только отсрочку: либо его скинут политические противники, либо посадят за соучастие в убийстве. Вопрос только в том, кто быстрее обернется. Конечно, Исполнитель — парень надежный, с хорошими рекомендациями. И сейчас только от него зависит, превратятся ли Заказчик и Организатор из респектабельных должностных лиц в банальных уголовников. Все в его руках. Все.

Исполнитель тоже не спал, но не от тревоги и беспокойства. Он был на работе. Он ждал жертву.

Исполнитель знал, что человек, которого ему

поручили устранить, находится в командировке и на работу выйдет в понедельник. В такой ситуации, как он рассудил, люди приезжают домой или в четверг, а пятницу прогуливают, или в пятницу-субботу. На всякий случай Исполнитель занял свой пост в квартире жертвы в четверг днем. Он был уверен, что никто другой сюда не придет. Уже тридцать шесть часов он сидит здесь, натянув на руки хирургические перчатки и обвязав кроссовки полиэтиленовыми пакетами. Исполнитель был истинным охотником, и томительное ожидание его не нервировало. Он мог часами сидеть неподвижно, словно погрузившись в анабиоз, не издавая при этом ни малейшего шороха. Периодически он вставал, разминался, пил чай, жевал принесенные с собой бутерброды и шоколад, заходил в ванную, умывался и снова садился в кресло. Иногда он снимал перчатки и, держа руки на весу, давал коже подышать. Исполнителя развлекала мысль о том, что прямо напротив дома, где он находился, располагалась Московская школа милиции. Под влиянием этого факта он внес небольшие коррективы в продуманный заранее план убийства и слегка развеселился. Вообще-то Исполнитель был человеком серьезным, даже суровым, и юмор

у него был мрачным.

Он совсем не думал о том, что от успеха операции зависит чье-то благополучие, даже жизнь. Он был на работе и думал только о том, что от исхода дела зависит его репутация и, стало быть, будущие заказы и плата за их выполнение. Он никогда не имел дела с теми, кого пресса называет «мафиозными группировками», считал их людьми недалекими и неинтересными. Он работал на больших людей, для которых важно, чтобы даже само слово «убийство» ни у кого в голове не возникло. Исполнитель был специалистом по несчастным случаям и скоропостижным смертям. До сих пор у него не случалось осечек, хотя в последний год работать стало неизмеримо труднее. Год назад умер человек, который был его, Исполнителя, крестным отцом — в том смысле, что учил его мастерству: выдержке, аккуратности, терпению, предусмотрительности. Он был не только учителем, но и первым заказчиком, проверившим его в деле и давшим ему своими рекомендациями «путевку в жизнь». По части безопасности и заметания следов он был блестящим специалистом. Когда он умер, Исполнитель понял, что за этой «скоропостижной» смертью стояло тщательно спланированное убийство.

Работу профессионалов опытный глаз видит сразу. Что ж, большая политика грязи не любит. Пока крестный был жив, Исполнитель имел дело с людьми его круга, многократно проверенными и стопроцентно надежными. Теперь же осторожность приходилось удваивать, потому что новым заказчикам рекомендаций никто не выдавал. Вот и это задание он получил неизвестно от кого. Просто обнаружил в почтовом ящике открытку с приглашением в Москву на пятидесятилетний юбилей, который будет праздноваться в ресторане гостиницы «Белград» 6 июня в девятнадцать ноль-ноль. Он сел в поезд, приехал в Москву и в указанный день в одиннадцать часов вечера подошел к гостинице (ко времени, написанному в приглашении, следовало прибавить четыре часа). Дальше все шло по годами отработанной схеме. Уже через десять минут Исполнителю изложили заказ, продиктовали медленно и четко нужные сведения и передали задаток. Вот и все. Никаких лишних разговоров. В этой среде испокон веков существуют свои правила, здесь не ведут разговоров о гарантиях и не пытаются друг друга надуть. Отлаженная система контроля никому не позволяет выкидывать фортели, и Исполнитель знал: есть люди, которые позаботятся

о том, чтобы оплату за свой труд он получил вовремя и полностью, и которые проследят за тем, чтобы он не схалтурил.

Дурные предчувствия не томили Исполнителя. Он не тешил себя мыслями о своей исключительности и неуязвимости, прекрасно понимая, что рано или поздно либо сам совершит ошибку, либо обстоятельства сложатся особенно неблагоприятно, и относился к этому философски. Он не был садистом и не получал удовольствия от своей работы. Просто он умел ее делать хорошо и нашел среду, в которой на эту работу всегда есть спрос.

* * *

Толпа у стойки регистрации поредела, и Захаров тронул за локоть своего спутника.

— Пойдемте, Аркадий Леонтьевич. Регистрация на ваш рейс заканчивается.

Пожилой субтильный Аркадий Леонтьевич нервно поправил очки и двинулся к стойке.

— Ну, спасибо, Дима, — напряженно улыбнулся он, забирая у девушки-регистратора свой билет. — Мне было приятно с вами общаться. Передайте вашему шефу благодарность от меня. У вас чаевые, как я понимаю, не приняты?

— Ни в коем случае, — подтвердил Захаров. —

Оплата только через фирму.

— Жаль, — огорченно вздохнул Аркадий Леонтьевич. — Я хотел бы отблагодарить вас лично. Вы мне очень понравились. Но нельзя так нельзя.

— Для нас лучшая благодарность — повторное обращение в нашу фирму.

Произнося эту дежурную фразу, Дима легонько подтолкнул своего клиента к выходу на посадку. «Иди уж наконец, — устало подумал он. — Время два часа ночи, я хочу спать, а ты мне своей благодарностью голову морочишь».

— Счастливого пути, Аркадий Леонтьевич! Будете в Москве — мы к вашим услугам.

— Да-да, непременно, Дима, непременно. Буду иметь дело только с вашим агентством. Еще раз спасибо!

Расставшись с Аркадием Леонтьевичем, Дима Захаров облегченно вздохнул. Нелегкая это работа — обеспечивать охрану трусливого миллионера.

Выйдя из здания аэропорта, Дима бегом припустился к машине. За те без малого два часа, что он проторчал с клиентом в аэропорту, дождь не только не прекратился, но стал, кажется, еще сильнее. Захаров завел мотор и уже начал было трогаться, когда заметил женщину, медленно

бредущую со стороны зоны прилета. Она была без зонта, несла в руке большую спортивную сумку и показалась Диме ужасно несчастной. Автобусы до городского аэровокзала уже не ходили, и Дима сочувственно подумал, что женщине придется либо ждать в аэропорту до утра, сидя на своей сумке в насквозь мокрой одежде, и наверняка получить простуду, либо ехать на такси, выложив за это сумму, раза в два превышающую ее зарплату.

Захаров мигнул фарами и медленно подкатил к женщине.

— Вам в город? — спросил он, опустив стекло на задней двери.

— Юго-Запад, улица Волгина. Подвезете? — В голосе ее Дима не слышал ни радости, ни облегчения. Какая-то безысходная покорность судьбе.

— Садитесь. — Дима быстро поднял стекло и открыл ей дверь.

Прежде чем тронуться, он спросил:

— Знаете, сколько это будет стоить?

— Догадываюсь, — усмехнулась пассажирка, пристраивая сумку на коленях.

— Штуку, — уточнил Захаров, выжидающе глядя на нее. Про себя он решил, что все равно повезет женщину в город, даже если денег у нее

нет, потому что ехать-то из Внукова так или иначе придется через Юго-Запад. Но равнодушие пассажирки, которой на голову свалилась такая редкостная удача — доехать глухой ночью из аэропорта до дома за треть цены, — его задело.

— Да-да, конечно, — рассеянно бросила женщина. — Обычно берут дороже. Или я ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, — улыбнулся Дима. — Таксисты и частники берут за такой маршрут ночью минимум три тысячи.

— А вы?

— А я не частник. Я товарища провожал и собирался ехать домой. Увидел вас, такую промокшую, несчастную, с тяжелой сумкой, и стало мне вас жалко чуть не до слез. Ведь за три тысячи вы бы не поехали, правда?

— Правда, — сухо ответила пассажирка. И все-таки Дима Захаров был уверен, что денег у нее нет, даже тысячи.

В свете фонарей Дима пытался исподволь разглядеть свою попутчицу. Лет тридцать или чуть больше, лицо усталое, сильно накрашенное, короткие черные волосы, одежда недорогая, украшения — бижутерия. На повороте женщина чуть качнулась к нему, и Дима уловил запах редких дорогих духов «Циннабар», а уж в духах он разби-

рался неплохо. «Надо же, — удивленно подумал Дима, — духи у нее стоят столько же, сколько вся одежда, вместе взятая».

Женщина между тем открыла «молнию» на сумке, достала маленькое полотенце и стала вытирать волосы.

— Как же вы без зонта в такой-то ливень? — посочувствовал Дима.

— Не люблю в командировку лишние вещи таскать, — коротко ответила пассажирка. Потом, видно, спохватилась и решила быть повежливее: — Никогда не знаешь, где окажешься, поэтому сумка должна быть легкой. Верно?

— Часто приходится ездить? — поинтересовался Захаров.

— Когда как. — Женщина пожала плечами. — Случается, целый год сидишь в Москве, никто тебя не трогает, а потом командировки начинают сыпаться одна за другой, не успеваешь сумку разобрать, как уже надо опять собираться.

— Что же это у вас за работа такая? — Дима был вовсе не прочь потрепаться «ни о чем», чтобы дорога не была скучной.

— Обычная работа. Якобы научная.

— Почему якобы? — удивился Дима.

— Потому что те, кто этой работой занимается,

считают ее научной. А все остальные полагают, что мы проедаем государственные деньги без всякой пользы и занимаемся не наукой, а болтологией.

— Но вас же посылают в командировки, значит, в вашей работе какую-то пользу все-таки видят. Разве не так?

— Не так. Нас используют не как научных работников, а как дешевую рабочую силу. Например, при проведении инспекторских проверок, когда нужны лишние рабочие руки. Как это ни грустно, наши знания никому не нужны.

— Но почему?

— Да потому, что есть три сферы, в которых каждый считает себя специалистом: политика, воспитание детей и борьба с преступностью. Все почему-то считают, что в этих вопросах все совершенно очевидно на уровне обычного здравого смысла. И никакая наука здесь не нужна. Вам приходилось видеть, как люди гадко усмехаются при словах «кандидат педагогических наук»?

— А вы кандидат именно педагогических наук? — Дима не смог сдержать улыбку.

— Нет, я юрист. Но мое положение ничем не лучше. Знаете, как министерские чиновники смотрят на нас, когда мы им приносим докумен-

ты? Как на попрошаек-графоманов. Мол, опять принесли какую-то чушь, все пишут и пишут, прямо спасу от вас, ученых, нет, нам надо вал преступности останавливать, а вы у нас, таких занятых, время отнимаете, заставляете всякие глупости ваши читать. А потом, недели так через две-три, откроешь газету, а в ней — интервью с сотрудниками министерства, где черным по белому твои же слова из этого самого документа приводятся, только авторство уже не твое. И гонорар не ты получаешь.

— И большие гонорары?

— Копеечные. Да не в них же дело! Просто противно, когда тебя считают полным дерьмом, ничтожеством, у которого можно украсть мысль и даже не поблагодарить, я уж не говорю об извинениях. И знаете, что самое забавное? Большинство таких начальников очень даже не прочь заиметь кандидатскую степень. Сами они, конечно, написать диссертацию не могут. Их пристраивают соискателями к какому-нибудь маститому профессору, который и пишет им в обмен на ящики с коньяком, дары юга и отдых на взморье. А после защиты эти новоиспеченные кандидаты с еще большим рвением начинают давить науку, приговаривая: «Я сам кандидат

наук, я не хуже вас знаю!» Смешно?

Дима промолчал. Он мог бы тоже разоткровенничаться и рассказать своей случайной попутчице, что больше десяти лет работал в милиции, что среди практических работников отношение к милицейской науке было именно таким, как она рассказывает. Мог бы посетовать на недальновидность начальников и несправедливость судьбы. Мог бы рассказать ей, что, уйдя из милиции, он начал работать в частной фирме, занимающейся тем, что весьма обтекаемо называется «коммерческой безопасностью». Их разговор, возможно, стал бы более профессиональным и более доверительным, они, несомненно, нашли бы с дюжину общих знакомых, может быть, даже прониклись бы друг к другу симпатией, и их знакомство закончилось бы совсем по-другому. Все это могло случиться. Но не случилось. Дима Захаров промолчал.

Машина стояла перед светофором на залитом светом перекрестке.

— Я знаю, о чем вы сейчас думаете, — вдруг сказала пассажирка. — Вы пытаетесь прикинуть, есть у меня деньги или нет.

— Я решил, что денег у вас нет, — честно признался Захаров, оторопев от неожиданности.

— Почти правильно. С собой действительно нет, а дома есть. Так что не переживайте. — Она улыбнулась. — Я понимаю: если судить по моему внешнему виду, трудно заподозрить меня в расточительности.

Через несколько минут они подъехали к зданию школы милиции на улице Волгина.

— Сейчас налево, — сказала женщина, — и еще раз налево вдоль дома. Вот здесь, возле арки.

Вдоль фасада шел широкий газон, и Дима подумал, что, пока она дойдет до подъезда, опять вымокнет. Ему стало жаль ее, женщину, которая мотается по командировкам, которую никто не встречает и которая, судя по всему, привыкла надеяться только на себя.

— Давайте я въеду под арку, до подъезда будет ближе, — предложил Захаров.

— Спасибо, — благодарно сказала женщина, открывая сумочку. — Я вам паспорт оставлю в залог, ладно? Или, может быть, подниметесь со мной?

— Ну нет, — хмыкнул Дима, — в наше время машину и на секунду оставить нельзя — раздену. А закрывать ее, снимать зеркала и дворники, потом снова надевать — дольше выйдет. Давайте паспорт.

— Я быстро, — пообещала пассажирка, выходя из машины.

Дима развернулся, поставил машину так, чтобы было удобно выезжать из-под арки, заглушил мотор и притушил фары. Сидя в теплой машине, он курил и неторопливо прикидывал распорядок на завтрашний день. В десять надо быть на работе, в двенадцать тридцать забрать Веру из школы и отвезти к бабушке на дачу, успеть обернуться до пяти, потому что в пять семнадцать на Белорусский вокзал поездом Берлин — Москва приезжает очередной сумасшедший клиент, напуганный разговорами о разгуле преступности в русской столице. Клиента надо будет отвезти в гостиницу. Вечер пока трудно планировать: шеф дал понять, что клиент непростой и ему, кроме личной охраны, могут понадобиться услуги, как он выразился, информационного характера…

Дима посмотрел на часы. Без двадцати три. Он ждет уже пятнадцать минут. Странно. На «динамистку» она не похожа, да и паспорт оставила. Не может деньги найти? Уехала в командировку, а муж-пьяница все пропил. Или сын-балбес все на жвачку истратил. Дима пролистал паспорт. Филатова Ирина Сергеевна, москвичка, фотография, безусловно, ее, штамп о регистрации брака,

штамп о расторжении брака, прописка. Дети в паспорте не записаны, стало быть, их нет.

Дверь подъезда открылась, на асфальт упал прямоугольник света. Дима потянулся было к рукоятке, чтобы опустить стекло, но из дома вышел какой-то мужчина. Сколько можно ждать, в конце концов? Дима снова открыл паспорт на странице с пропиской, посмотрел номер квартиры и решительно вышел из машины.

Глава 2

В понедельник Настя Каменская проснулась, как всегда, разбитая, она была настоящей «совой», засыпала поздно, и подъем в семь утра был для нее мучительной процедурой. Настя с трудом вытащила себя из сна и, тяжело волоча ноги, поплелась в ванную.

Господи, как же противно на себя смотреть. Лицо припухшее, под глазами мешки — угораздило же выпить на ночь две чашки чая, знает ведь, что за два часа до сна нельзя ни капли жидкости, иначе к утру лицо отекает. Ох как хочется спать…

Настя встала под душ, включила воду, сначала горячую, потом прохладную, и стала терпеливо ждать, пока организм проснется. Обычно на это уходило минут десять. Вяло орудуя зубной щеткой, Настя попыталась умножить тридцать семь на восемьдесят четыре. Сбилась. Сонный мозг отказывался производить простейшие операции. Сменила числа и попробовала еще раз. Получилось. Начала перемножать трехзначные числа. Процесс пробуждения шел успешно, потому что произведение получалось с первой попытки.

Последняя проверка — вспомнить десять слов на шведском языке. На этот раз Настя называла про себя слова, обозначающие предметы кухонного обихода. Вообще-то она не учила шведский язык, равно как и множество других, но любила запоминать слова, как она сама признавалась, для умственной гимнастики. Настя знала примерно по пятьсот слов из всех европейских языков. Дело в том, что ее мать была уникальным специалистом по составлению программ компьютерного обучения иностранным языкам, и все свои идеи и методические находки профессор Каменская пробовала и отрабатывала на дочери.

На девятом слове Настя почувствовала, что замерзает — вода оказалась слишком холодной. Она напрягла память, извлекла из ее недр шведский синоним слова «сито» и быстро схватила полотенце.

Полдела сделано, мозг приведен в рабочее состояние. Теперь нужно заставить тело двигаться. Настя пошла на кухню и принялась молоть кофе. Пока закипала вода, она открыла холодильник, вытащила пакет апельсинового сока и лед. Удовольствие, конечно, дорогое, в который раз отметила Настя, пакета хватает на четыре дня, если пить сок только по утрам, а это две тысячи

без малого в месяц. В мае она была в отпуске, никуда не поехала, вместо этого взяла «халтуру» — перевод с французского детективного романа Шарля Эксбрайя, и весь гонорар тут же истратила на такие вот дорогие удовольствия: купила тридцать пакетов сока, несколько банок кофе, три блока хороших сигарет. А еще Настя купила свой любимый мартини — единственный напиток, от которого она получала наслаждение.

Тело медленно, как бы неохотно, отзывалось на каждый глоток ледяного кисло-сладкого сока. Под горячий кофе дело пошло совсем на лад, а после первой сигареты Настя почувствовала себя совсем хорошо.

Позавтракав, она скинула халат и снова подошла к зеркалу. Отечность спала, на себя уже можно смотреть без отвращения. Настя критически разглядывала свое отражение. Что ж делать, не дал бог красоты. И ведь нет в ней откровенно уродливого. Черты лица правильные, фигура ладная, пропорциональная, с длинными ногами, тонкой талией. Все в отдельности было хорошо, а вот вместе складывалось во что-то неприметное, стандартное, гладкое — глазу не за что зацепиться. Явным дефектом были только светлые брови и белесые ресницы, но, даже подкрасив их, Настя

казалась серой мышкой. Мужчины на таких не оглядываются.

Натянув джинсы и футболку, сделав легкий макияж, Настя Каменская отправилась на работу.

* * *

Собирался на работу и Виктор Алексеевич Гордеев, начальник отдела МУРа, — невысокий, круглоголовый, почти совсем лысый, с солидным брюшком, имевший среди подчиненных прозвище Колобок.

Виктор Алексеевич был ярким олицетворением, можно сказать, живым воплощением истины об обманчивости внешности. Из пятидесяти трех прожитых лет тридцать два года он служил в милиции, и из этих тридцати двух лет двадцать шесть работал в уголовном розыске. За двадцать шесть лет он понял, как нужно раскрывать преступления, поэтому, когда он возглавил отдел в МУРе, работа под его руководством пошла куда успешнее, чем до него. Мягкий, неизменно доброжелательный, Гордеев был фантастически злопамятен и недоверчив. А кроме того, он никогда и ничего не боялся, потому что был весьма удачно женат.

История женитьбы Колобка являла собой под-

утверждение старой истины, гласящей, что брак по расчету может быть счастливым, если расчет сделан правильно. Дело в том, что Колобком Гордеев не стал. Он им родился. И вплоть до окончания средней школы был неизменным предметом насмешек и издевательств со стороны одноклассников. Закомплексованный, злой на весь мир, толстый, но, несмотря на это, ловкий и сильный, Витюша Гордеев после службы в армии пошел работать в милицию только потому, что это было в те времена престижно и почетно и могло хоть как-то компенсировать чувство собственной ущербности.

Работая в милиции и став студентом вечернего отделения юрфака, Витя избавился от насмешек, но продолжал страдать. Ему, низкорослому и толстому, до обмирания сердца нравились высокие худощавые брюнетки. Особенно долго мучился он от безответной любви к сокурснице Люсе Хижняк, в которой всего было много: роста, каблуков, худобы, изящества и шарма. Все это сооружение имело в высоту сто восемьдесят три сантиметра и казалось Гордееву недосягаемым идеалом.

Прострадав курса примерно до четвертого, Витюша пришел к неутешительному выводу, что любовь и брак имеют между собой мало

общего, а поэтому жену надо выбирать не из тех, в кого влюбляешься, а из тех, с кем можно ужиться. На одной из студенческих вечеринок он и познакомился с Наденькой Воронцовой, не уступавшей ему ни по весу, ни по степени закомплексованности. У Наденьки с детства был нарушен обмен веществ, и в двадцать лет она была тучной и неуклюжей. Разница состояла лишь в том, что если осознание своей неполноценности у Гордеева сопровождалось злобой, то Наденька компенсировала свой дефект тем, что была душой компании. Она училась в педагогическом институте, обожала детишек, мечтала стать учителем младших классов и страшно боялась, что ученики будут над ней смеяться.

Ухаживание было развернуто стремительно и по всему фронту, и уже через два месяца Витя Гордеев обзавелся женой, с которой можно ужиться, а также тещей-инженером и тестем-врачом, а дальше намеченная схема дала сбой.

Одним прекрасным утром, примерно через полгода после свадьбы, Наденька, надевая юбку, обнаружила, что между тем местом, где теоретически предполагалась талия, и поясом юбки свободно проходит ее пухлая ладошка. Наденька, озабоченная в те дни мыслями о возможной

беременности, особого значения странностям одежды не придала. Но через две недели истина все-таки открылась и повергла Гордеева в полное изумление: его жена была беременна и от этого худела. Тесть долго хохотал, но сказал, что это вполне возможно, хотя и случается крайне редко. Видимо, объяснил он, перестройка организма, вызванная беременностью, привела к нормализации обмена веществ.

Родив Гордееву сына и сбросив десяток килограммов, Наденька категорически заявила, что будет рожать до тех пор, пока не приобретет фигуру кинозвезды. Гордеев насмешливо поддакивал, но тем не менее был сильно удивлен, когда и вторая беременность пошла явно на пользу супруге. Одутловатость лица исчезла, и вдруг оказалось, что у Наденьки прелестный носик и изумительные глаза. Одним словом, Гордеев, который женился на толстушке-дурнушке, имея в виду, что и она сама, и ее родители будут ему за это по гроб жизни благодарны, этот самый Гордеев нежданно-негаданно оказался мужем чуть ли не красавицы. Но на этом его несчастья не кончились!

Спустя еще некоторое время ничем не примечательный тесть нанес Гордееву сокрушительный

удар, придумав новый, невероятно эффективный способ хирургических операций на сердце, после чего резко пошел в гору. Гордеев опомниться не успел, как стал зятем профессора, а вскоре и директора Института кардиологии. Этого самолюбивый Гордеев снести уже не мог. Вступая в брак, он надеялся, что его будут на руках носить за то, что он работает в уголовном розыске. Номер не прошел, и ему пришлось искать путь, чтобы, так сказать, соответствовать. И этот путь Виктор Алексеевич, к тому времени уже майор, нашел в американских книгах по теории и психологии управления.

В конце концов расчет себя оправдал. Наденька превратилась в уважаемую Надежду Андреевну, директора весьма престижного в Москве лицея. Тесть, всемирно известный кардиолог, профессор, стал депутатом российского парламента. А Виктор Алексеевич Гордеев, добросовестно пройдя все ступени иерархической лестницы, остановился на должности начальника отдела в МУРе, претворяя в жизнь все интересные находки, которые он откапывал в умных книгах. Он никого не боялся, потому что с ним никто не хотел ссориться. В конце концов, у всех есть дети, которых хорошо бы пристроить в лицей, а

сердечно-сосудистыми заболеваниями страдает каждый третий.

…Подавая мужу завтрак, Надежда Андреевна сказала:

— У нас билеты в «Современник» на премьеру. Пойдем или детям отдадим?

— Кто принес? — коротко поинтересовался Гордеев.

— Гражевич. Он там в главной роли.

— Опять Гражевич, — недовольно заворчал Виктор Алексеевич. — Если я не ошибаюсь, это уже в четвертый раз. У него сын двоечник, что ли?

— Да нет, — пожала плечами жена, — мальчик учится нормально. Почему непременно двоечник?

— Потому что ради двоечника есть смысл ублажать директора. А если парень хорошо учится, то чего ж так стараться? — пояснил Гордеев, старательно жуя гренку с сыром.

— Витюнчик, я тебе сто раз говорила, но и в сто первый повторю, — ласково сказала Надежда Алексеевна, обнимая мужа и целуя его в макушку. — Если бы ты на мне не женился, я бы никогда не смогла родить и, следовательно, не похудела бы. Если я сейчас нравлюсь мужчинам, то это

заслуга только твоя и ничья больше. Я это помню, ценю и никогда не забуду. Поэтому прекрати, пожалуйста, свои гнусные инсинуации на тему ревности. Между прочим, не исключено, что Гражевич подбивает клинья не ко мне, а к тебе. Мальчик-то большой уже.

— Понял, — кивнул Гордеев, допивая чай. — Сегодня же наведу справки. Если у сыночка хоть один привод или даже намек на привод, билеты вернешь с извинениями. Если у мальчика все в порядке, пойдем на премьеру. Договорились?

С этими словами, поцеловав жену, вышел из квартиры и отправился на работу полковник милиции Виктор Алексеевич Гордеев по прозвищу Колобок.

* * *

Понедельник на Петровке, 38 начался с того же, чем окончилась предыдущая пятница: с обсуждения вопроса о том, будут ли с первого июля повышать оклады, как обещали, или опять обманут. Обман заключался в том, что обещанное имело место не в том месяце, с которого оно официально вводилось, а в следующем. То есть если оклад повышался с первого июля, то в июле все получали прежнюю зарплату, а в августе —

новую, повышенную, плюс то, что недоплатили в июле. При стабильных ценах в этом не было бы ничего страшного, но сейчас, когда инфляция растет быстрее, чем успевают разворачиваться банки, недоплата сегодня оборачивается тем, что завтра на эти деньги уже ничего не купишь.

В отделе, которым руководил Гордеев, обсуждение было в самом разгаре, когда по коридору, заглядывая во все двери, промчался Юра Коротков.

— Народ, к Колобку!

Оперативное совещание Виктор Алексеевич начал, как обычно, длинным приветствием, сказал, что рад видеть всех в добром здравии, отметил цветущий вид вернувшегося из отпуска Коли Селуянова. Гордеев не был велеречив, просто он понимал, что еще минуту назад люди, только что пришедшие на работу после выходных, о чем-то говорили, обменивались новостями, обсуждали какие-то, вполне вероятно не совсем рабочие, проблемы. Надо дать им возможность расслабиться, а потом сосредоточиться.

— Начнем со старых «хвостов», — объявил Гордеев. — Убийство Плешкова, генерального директора фирмы «Парнас». Слушаю, Коротков.

С этими словами Колобок снял очки и сунул

дужку в рот. Это означало высшую степень внимания и сосредоточенности.

— Проверка версий об убийстве Плешкова по мотивам мести, ревности или из корыстных побуждений пока результатов не дала. Никто из лиц, имевших доступ в квартиру Плешкова, мотива для убийства не имеет. Была выдвинута версия о том, что убийство совершено по мотиву, который условно назван «синдром Раскольникова»: убийство с целью убедиться, что субъект на это в принципе способен. При этом преступника и жертву неприязненные отношения могут и не связывать. Исходя из этой версии, составлен ориентировочный психологический портрет преступника. Все лица, имевшие доступ в квартиру, отрабатываются повторно. Намечено двое наиболее вероятных подозреваемых, проводятся провоцирующие мероприятия, которые могут заставить убийцу раскрыться.

— Синдром Раскольникова? — хмыкнул Гордеев. — Любопытно. И когда же вы это придумали?

— В субботу, товарищ полковник, — быстро ответил Юра Коротков, кинув осторожный взгляд в угол, на низко склоненную русую голову.

— Когда ожидаете результатов?

— Надеемся, сегодня-завтра.

— Хорошо, — кивнул Виктор Алексеевич. — А как следователь отнесся к этой версии? Или вы с ним еще не поделились своими познаниями в области русской литературы?

Коротков молчал. Русая голова в углу кабинета опустилась еще ниже.

— Понятно, — подытожил полковник. — Значит, так. Со следователем не ссориться. По версии продолжайте работать. Мне кажется, перспектива есть. Мотив практически недоказуем, поэтому действуйте предельно аккуратно, здесь работа должна быть ювелирной. И без спешки. Время пока терпит. Так. Труп манекенщицы из Дома моделей. Слушаю.

Докладывать начал самый молодой оперативник отдела, черноглазый Миша Доценко.

— На одного из фигурантов получены веские улики, доложено следователю. Принято решение пока его не задерживать, он чувствует себя уверенно, судя по всему, никуда бежать не собирается. Но держим под наблюдением, конечно.

— Еще бы ему не чувствовать себя уверенно, — проворчал Гордеев. — Через три дня истекает два месяца, как совершено преступление, а его даже не допрашивали ни разу. Уверены, что не перемудрили?

Фигура в углу кабинета, казалось, стремилась слиться со стеной. Миша удержался от желания посмотреть в угол и мужественно ответил:

— Надеемся.

— Ладно, поглядим, как следователь оценит эти ваши веские улики. Так. Изнасилование Ковалевой Наташи, двенадцати лет. Слушаю.

— Пока ничего, товарищ полковник, — упавшим голосом доложил Игорь Лесников, опытный и, по общему мнению, самый красивый сыщик в отделе Колобка.

— Что значит «пока ничего»? — тихо переспросил Гордеев, кладя очки на стол, что означало закипающую ярость. — «Пока ничего» длится уже три недели, последний раз я это слышал в пятницу утром. Прошло трое суток. Что сделано за это время?

— Виктор Алексеевич, девочка в шоковом состоянии, у нее нервное потрясение. Она не может давать показания. У нас даже самых общих примет нет. Мы отработали все учеты, в том числе и психдиспансеры, всех школьников из ближайших домов. Есть сейчас в наших списках около сорока человек, которые в тот день могли между восемнадцатью и девятнадцатью часами находиться в районе места происшествия. Все

они негласно сфотографированы, чтобы при первой же возможности предъявить потерпевшей для опознания. Но Наташа не отвечает на вопросы о происшествии. Или молчит, или бьется в истерике. И врачи не могут сказать ничего определенного.

Гордеев помолчал. Взял ручку и нарисовал на чистом листке квадрат. Потом вписал в него ромб и начал закрашивать уголки. Тягостное молчание длилось минуты три. Внезапно Колобок поднял голову и воззрился на Лесникова.

— Судя по всему, ты еще не все сказал. Говори.

— Была выдвинута версия о том, что это изнасилование несет признаки не только сексуального преступления, но и мести. Трагедия произошла двадцать четвертого мая. Четыре года назад, двадцать четвертого мая 1988 года, Тушинским райнарсудом был осужден некто Шумилин Сергей Викторович. Он обвинялся в том, что, управляя автомашиной в состоянии опьянения, создал аварийную ситуацию, в результате которой два человека получили тяжкие увечья. Отец потерпевшей, Ковалев Виталий Евгеньевич, был на этом процессе народным заседателем.

— Понятно, — кивнул Гордеев, снова засовывая дужку очков в рот. — За чем дело стало?

— Видите ли, товарищ полковник, Ковалев — лицо, приближенное к вице-премьеру, а Шумилин — племянник Виноградова, президента Фонда поддержки предпринимательства. Сталкивать их…

Игорь запнулся. Гордеев снова помолчал, погрыз дужку.

— Отрабатывать Шумилина начали? — Теперь уже Виктор Алексеевич бросил взгляд в угол.

— Нет пока.

— Начинайте. Только тихо-тихо. Чтобы без малейшего шороха. Версию проверяйте в полном объеме, я имею в виду второго заседателя и судью. Если это действительно Шумилин, он и их не обойдет вниманием. О каждом шаге докладывать мне. Буду вас подстраховывать. Если что не так, головы снесу всем. С этим пока все. Садись, Игорь. Доценко, расскажи нам о Филатовой. Не все знают, труп обнаружен в ночь с пятницы на субботу.

— Тринадцатого июня в три часа ноль пять минут в дежурную часть ГУВД поступило сообщение об обнаружении трупа Филатовой Ирины Сергеевны, 1956 года рождения, майора милиции, ведущего научного сотрудника НИИ МВД России. Труп обнаружен по месту жительства Фи-

латовой человеком, подвозившим ее на машине из аэропорта. Филатова лежала на кухне возле включенной электроплиты, в которой обнаружены явные признаки неисправности. Однако наружным осмотром входные отверстия, которые должны быть при поражении электротоком, не обнаружены. Это дало основание заподозрить инсценировку несчастного случая — смерти от электротравмы. Подозреваемый задержан в порядке статьи сто двадцать второй.

И вот здесь Колобок сделал то, чего никто не ожидал. Он не задал ни одного вопроса, не дал указания. Он просто закрыл совещание.

— Понятно. Спасибо. Все свободны, кроме Каменской. Анастасия, выходи из угла.

С этими словами Виктор Алексеевич встал из-за массивного начальственного стола и стал разгуливать по кабинету. Он не мог долго находиться в неподвижности. Настя вышла из угла, в котором молча просидела все совещание, пересела в кресло у окна.

— Синдром Раскольникова — твоя работа? — Колобок на мгновение прервал ходьбу, исподлобья взглянув на Каменскую.

— Моя, — тихо подтвердила Настя. — Вы недовольны?

— А Шумилин — тоже твоя работа? — начальник проигнорировал ее вопрос, хотя прекрасно знал, как важно Насте услышать от него хоть слово одобрения.

— Тоже моя, — голос Каменской дрогнул.

— А фигуранта по делу манекенщицы почему выдерживают в собственном соку? Ты посоветовала?

— Виктор Алексеевич, я полагала, что…

— Знаю, — оборвал ее Гордеев. — Ты мне говорила. У меня пока нет склероза.

Насте казалось, что еще немного — и она расплачется. Наверное, начальник ею недоволен, она не оправдывает его надежд. Каждое оперативное совещание было для Насти Каменской пыткой, мукой мученической, она чувствовала себя на пороховой бочке, которая может взорваться при малейшей ошибке с ее стороны, и тогда все будут смеяться над ней и показывать пальцем: «Смотрите-ка, Каменская, голубая кровь, в засадах не сидит, в задержаниях не участвует, в преступные группировки не внедряется. Посиживает себе в теплом кабинетике, кофе попивает и строит из себя гениального Ниро Вульфа!» Настя знала, что так не только думают, но и, к сожалению, говорят за ее спиной многие. С другой стороны, она

работала у Гордеева шестой год, за это время у нее было много по-настоящему удачных находок и остроумных решений, которыми она могла бы гордиться. Были, конечно же, и ошибки, но мир при этом не переворачивался и пороховая бочка не взрывалась.

Внешне Настина работа и вправду выглядела как кабинетное безделье. Гордеев забрал ее на Петровку из районного управления после того, как Настя, два дня просидев над статистикой преступности по городу, вдруг заявила, что на севере Москвы завелся гомосексуалист, имеющий бесконтрольный доступ к наркотическим препаратам. Вывод этот она обосновала тем, что в той части Москвы кражи, совершаемые девочками-подростками, начали расти быстрее, чем кражи, виновниками которых были мальчики, из чего и было сделано заключение о том, что есть нечто весьма привлекательное для малолеток, но плата за это «нечто» разная для мальчиков и для девочек. Развивая эту мысль дальше, Настя, как ей казалось, чисто интуитивно вычислила корень зла. Смеху тогда было много, над Настей подшучивали, историю превратили в анекдот, и анекдот этот дошел аж до Петровки, 38. Не смеялся над анекдотом только Колобок. Спустя

некоторое время он зашел в отдел по борьбе с наркотиками, а оттуда прямиком направился к кадровикам. Придуманный Настей человек, как выяснилось, в самом деле существовал.

Гордеев взял Настю к себе с одной-единственной целью: он хотел иметь в отделе собственного аналитика. Каменская и в самом деле многого не умела, она никогда не занималась спортом, не бегала, не стреляла, не владела самбо. Зато она умела думать и анализировать. И глупец тот, кто полагает, что уж это-то умеют все, уж здесь никакого мастерства не нужно. Вот выбить девяносто восемь из ста — это да! Гордеев, человек неглупый и, главное, никого не боявшийся, взял Настю на должность старшего инспектора. И ни разу не пожалел. Настя работала по всем преступлениям, которыми занимались сыщики в отделе Гордеева. Выдвигала версии и придумывала способы их проверки, разбиралась в горах информации и думала, думала, думала. У нее была феноменальная память, а также способность мгновенно извлекать из нее нужные сведения.

Сыщики гордеевского отдела признали Настю далеко не сразу. Особенно раздражало их то, что Гордеев настоял на выделении ей отдельного кабинета, чего на Петровке сроду не случалось.

Поначалу они даже сделали из Насти что-то вроде «барышни на телефоне», раз уж она все равно целый день сидит в кабинете. Признание приходило медленно и трудно. Зато теперь те, кто непосредственно работал с ней, готовы были пылинки с нее сдувать. И все-таки Настя Каменская пребывала в состоянии хронической тревоги, постоянно опасаясь, что в ней разочаруются.

Вот и сейчас, сидя в низком кресле перед нависающим над ней начальником, она готовилась услышать что-нибудь нелицеприятное. Но ошиблась.

— Мне не нравится, как работают по делу Филатовой, — вдруг сказал Гордеев. Ходьба по кабинету всегда сопровождала процесс раздумий и принятия решения. Виктор Алексеевич остановился и сел рядом с Настей. Это означало, что решение принято. — С самого начала сделано много ошибок, — продолжил он, — многие из них исправить невозможно. Рассказываю суть. Филатова прилетела из командировки в ночь с двенадцатого на тринадцатое. Тот подозреваемый, которого задержали, показал, что подвез ее из Внукова — ему было по пути. Филатова оставила ему паспорт и поднялась в квартиру за деньгами. Через пятнадцать-двадцать минут ему

надоело ждать, он посмотрел в паспорте номер квартиры и пошел за Филатовой. Дверь квартиры не заперта, замок поднят «на собачку». Филатова лежит на кухне возле плиты без признаков жизни. Водитель пытается сделать искусственное дыхание, после чего вызывает «Скорую» и звонит в милицию. Дальше начинается безобразие. На место выехали дежурные оперативники Голованов и Бажов. Ты их знаешь. И знаешь, что у них мерзкий характер, особенно у Бажова. Водитель, к несчастью, оказался бывшим милиционером, сейчас работает в какой-то коммерческой фирме. Ну и зарабатывает соответственно. Для Бажова и Голованова это — как красная тряпка для быка. Они вцепились в него мертвой хваткой, не поверили ни одному слову и задержали на семьдесят два часа. Хуже всего другое. Водитель обратил их внимание на две вещи. Первое: пока он ждал Филатову в машине, из дома вышел мужчина. Второе: на плите, на одной из конфорок, стоял теплый чайник. Если водитель говорит правду, то Филатову кто-то ждал в квартире. Наши герои озверели окончательно от того, что подозреваемый сует нос в осмотр места происшествия, и начали на него орать. В протоколе осмотра этот теплый чайник, конечно, не отражен. Вообще

ненависть к бывшему коллеге, который теперь зарабатывает больше, чем они, их совершенно ослепила. Осмотр места происшествия проведен некачественно. Они прицепились к тому, что на теле нет меток от электротока, несмотря на то что судмедэксперт им несколько раз повторил, что так бывает.

— Они эксперту не поверили? — удивилась Настя.

— А что им эксперт, когда подозреваемый — вот он, прямо перед ними стоит.

— А мужчина, который выходил из дома?

— И этого не сделали. Если водитель не врет и мужчина действительно выходил, то он или шел из квартиры Филатовой, или из другой квартиры, но в интересующее нас время. В три часа ночи стоит такая тишина, что муха пролетит — слышно. Этот мужчина, если он существует и если он не убийца, может быть ценным свидетелем. Да куда там! — Гордеев раздраженно пнул ногой стул. — Короче, Анастасия, я хочу, чтобы ты подумала об этом. Завтра утром истекут семьдесят два часа, и водителя выпустят. Я уверен, что против него ничего не найдут. Сведения, которые успели собрать за субботу и воскресенье, возьми у Миши Доценко. И пусть он поговорит с задержанным

так, как ты считаешь нужным.

— Может, я сама с ним поговорю, Виктор Алексеевич? — робко предложила Настя. — Это проще, чем Мишу инструктировать. Очень уж он горячий.

— Мишу учить надо, а не делать за него его работу, — отрезал Гордеев. — А тебе я запрещаю разговаривать с задержанным. Ты у меня не для этого работаешь.

Полковник, наверное, не смог бы с уверенностью ответить на вопрос, почему он так бережет Настю Каменскую, почему так прячет ее от всех. Но где-то в глубине сознания, почти на уровне инстинкта, жило убеждение, что Настя — его козырная карта. Поглядев на расстроенное лицо своей подчиненной, он вдруг широко улыбнулся.

— Иди, деточка, подумай как следует, — ласково сказал Колобок. — Завтра мне расскажешь, до чего додумалась.

* * *

После ухода Каменской Виктор Алексеевич Гордеев снова заметался по кабинету. Ему нужно было решить для себя непростой вопрос: что делать с версией о причастности племянника президента Фонда поддержки предпринима-

тельства к изнасилованию двенадцатилетней Наташи Ковалевой. Сама по себе версия казалась ему перспективной, но он очень не хотел втягивать своих ребят в политические дрязги. После недолгих раздумий Гордеев решил принять удар на себя. Подсел к телефону, набрал номер. Он звонил своему давнему приятелю Жене Самохину из пресс-центра МВД.

— Витя! — обрадовался Самохин. — Пропащая душа! С работы звонишь?

— С работы, — подтвердил Гордеев.

— Значит, по делу, — сделал вывод Самохин. — Говори сразу, что надо, я через пять минут убегаю.

— Женя, мне нужна информация на Ковалева Виталия Евгеньевича из аппарата вице-премьера Аверина и на Виноградова из ФФП.

— А виллу в Каннах и лимузин? Не надо?

— Женечка, ну пожалуйста. Мне много не надо. Я только хочу знать, знакомы ли они, и если знакомы, то в каких отношениях, а если не знакомы, то в каких сферах их интересы могут пересечься. Вот и все. А, Женя?

— Что, и чернухи никакой не надо? — недоверчиво переспросил Самохин.

— Не надо. Меня интересует только их связь.

Сделаешь?

— Сделаю, — вздохнул Самохин. — Вечером позвоню тебе домой.

Но Гордеев не был бы Гордеевым, если бы ограничился только этим. Недаром о его недоверчивости ходили легенды. И дело было не в том, что он не верил людям. Он никогда не забывал, что правда и истина — далеко не одно и то же.

* * *

Выйдя из кабинета начальника, Настя Каменская отправилась в дежурную часть просматривать сводки и рабочую книгу дежурного по городу. Никто не мог бы точно сказать, что она ищет в этом ворохе сведений, может быть, этого не знала и сама Настя. Но тем не менее каждый день она открывала толстый журнал, что-то выписывала на листок бумаги, делала одной ей понятные заметки.

Вернувшись к себе, она сунула кипятильник в высокую керамическую кружку с водой и набрала номер внутреннего телефона.

— Мишенька, вы не хотите выпить со мной кофе?

— С удовольствием, Анастасия Павловна. Бегу.

Через минуту к Насте зашел Миша Доценко,

неся с собой чашку и коробку с сахаром.

— Что вы, Миша, — укоризненно покачала головой Настя. — Я же вас пригласила. Разве гости приходят со своими продуктами?

— Знаете, — смутился Миша, — времена сейчас трудные. Приходится следить за собой, чтобы не превратиться в нахлебника.

Настя разлила кофе, подвинула Мише чашку и пакетик с печеньем.

— Мишенька, расскажите мне, пожалуйста, о деле Филатовой. На совещании это прозвучало как-то… Ну, скомканно, что ли. Я, признаться, мало что поняла.

Доценко напряженно молчал, не отводя глаз от дымящейся чашки. Насте хотелось было повторить вопрос, как вдруг ее осенило. Ну конечно! Как же она сразу не сообразила! Миша Доценко, хотя и работал в их отделе недавно, заслужил прочную репутацию мастера устной речи. Он прекрасно умел вести беседу, мог заговорить любого, четко формулировал мысли, излагал их ясно и последовательно. Сообщение в его устах просто не могло выглядеть скомканно. Если только… Если только он сам этого не захотел. Судя по всему, это было требование Гордеева. Он не хотел, чтобы его сотрудники, услышав все детали

происшествия в квартире Филатовой, «понесли» по коридорам Петровки нелестную оценку Голованова и Бажова. Поэтому он и Настю оставил после совещания, а не дал ей задание при всех. Ох, хитер Колобок! Припрятал камень за пазухой. Никто не знает, что у него появился большой зуб на борцов с высокими доходами. Пусть никто не догадывается, но уж Колобок им этого не забудет. Придет время, и он этот камень достанет. Надо отдать справедливость Колобку: он никогда не нападает первым. Но для защиты своих ребят держит про запас мощный арсенал таких вот «камней» и «зубов».

— Мишенька, — засмеялась Настя, — Виктор Алексеевич рассказал мне и про чайник, и про мужчину, который вышел из подъезда. Он поручил мне взять у вас всю информацию, которой вы располагаете. А вам велел поговорить с задержанным. Так что перестаньте темнить. Расскажите-ка мне, что собой представляет эта Филатова.

Миша сбегал к себе, принес блокнот и начал рассказывать Насте все, что успел узнать с тех пор, как его подключили к делу.

Филатова Ирина Сергеевна, тридцати шести лет, образование высшее юридическое, кандидат

наук, работала в Институте МВД со дня окончания университета, то есть полных тринадцать лет. Живет вдвоем с отцом, Сергеем Степановичем Филатовым, в малогабаритной двухкомнатной квартире. Мать умерла. Была замужем, но недолго, с 1984 года в разводе, детей нет. Соседи ничего конкретного рассказать не могут: шумных компаний не было, подозрительных визитеров тоже. Отец с четвертого июня находился в санатории в Крыму, в субботу прилетел. Он назвал двух близких подруг Филатовой и по меньшей мере четверых мужчин, которые в разное время были с ней близки. Побеседовать с ними пока не удалось — никого из них в выходные дни дома не застали. По утверждению отца Филатовой, из дома ничего не пропало, все деньги и ценности на месте. Кстати, Сергей Степанович был сильно удивлен тем, что электроплита оказалась в неисправности. На момент его отъезда в санаторий все было в порядке, он, как инженер, может судить об этом достаточно уверенно. Ключи от квартиры были только у него и у дочери. О том, что Ирина давала кому-нибудь ключи, ему неизвестно, но в их семье это было в принципе не принято.

— Хорошо, — сказала Настя. — Теперь задержанный водитель. Что о нем известно?

— Во всяком случае, то, что он говорил, пока ничем не опровергнуто. Он действительно провожал человека на самолет, вылетающий из Внукова в два сорок пять тринадцатого июня. Билет был приобретен за неделю, шестого июня. Филатова улетела в командировку в Краснодар, должна была прилететь двенадцатого около девятнадцати часов, но из-за дождя Москва не принимала, самолет сел во Внукове только в час сорок ночи. Так что встреча Захарова с Филатовой в аэропорту никак не могла быть запланированной.

— Как вы сказали? — встрепенулась Настя. — Захаров?

— Захаров Дмитрий Владимирович, сотрудник частного охранного агентства, до 1990 года работал в тридцать пятом отделении милиции.

— Захаров… — Настя вздохнула. — Тот самый Захаров. Жаль.

— Вы его знаете? — удивился Доценко.

— Правильнее сказать, я была с ним знакома. Я не очень хорошо знала его. Но помню, что парень он отчаянный, рисковый, с авантюрной жилкой. И всегда хотел иметь много денег. Он вполне мог вляпаться в какую-нибудь некрасивую историю, но не из подлости душевной, а исключительно из

азарта и любви к приключениям.

— Надо же, как мир тесен, — покачал головой Миша, подходя к окну.

— Да что вы, Мишенька, разве надо этому удивляться? — махнула рукой Настя. — Любой человек, проработавший в уголовном розыске больше пяти лет, так или иначе сталкивается практически со всеми розыскниками и следователями города Москвы. Нас ведь очень мало на самом-то деле. Еще год-другой, и вы сами в этом убедитесь. Узкий, так сказать, круг. Ладно, вернемся к Захарову. Он, конечно, отрицает, что был знаком с Филатовой раньше?

— Конечно, но будем проверять, опрашивая ее друзей и сослуживцев.

— Когда же это вы успеете? Завтра утром Захарова надо освобождать.

— К двум часам еду в институт, договорился с начальником Филатовой.

— Тогда беседу с Захаровым придется перенести на вечер. Вы спрашивали его, о чем он говорил с Филатовой во время поездки?

— Нет. Я с ним вообще не разговаривал. Мне дали протокол допроса, составленный при задержании, и велели проверить его показания. Что я и выполнил.

— Ясно. — Настя достала чистую бумагу. — Я вам напишу, какие вопросы следует непременно выяснить в институте и что надо спросить у Захарова. Если позволите совет, то постарайтесь в институте беседовать только с женщинами. Мужчин пусть опрашивает… Кто еще работает по этому делу?

— Коротков и Ларцев.

— Значит, Коротков. Он у нас достаточно невзрачный, чтобы не будить в мужчинах инстинкт соперничества. И еще, Мишенька. Возьмите диктофон. Мне нужны дословные показания, а не ваши впечатления. Ладно?

— Хорошо, Анастасия Павловна.

— Не обиделись? — улыбнулась Настя. — Не обижайтесь, Миша. Память и внимание очень избирательны. Я доверяю вашей добросовестности, но избирательность в нас уже заложена, и приказать ей выключиться мы не можем. И я могу что-то упустить. Поэтому нужен магнитофон. Последний вопрос. Результаты вскрытия есть?

— Обещали к обеду. Но протокол сразу заберет следователь. Ему очень хочется, чтобы это был несчастный случай.

— Понятное дело, — кивнула Настя. — Кто проводил вскрытие?

— Айрумян.

— Ладно, я ему позвоню. Ну, Мишенька, вперед. Держите мои шпаргалки. Встречаемся с вами в восемь утра. Я хочу все узнать до того, как отпустят Захарова. Да, чуть не забыла. Кто из криминалистов выезжал на квартиру Филатовой?

— Олег Зубов.

— Фотографии, наверное, уже у следователя? Придется падать Зубову в ножки, чтобы еще отпечатал.

— Я уже упал. — С этими словами Миша достал из папки фотографии, сделанные на месте происшествия. — Держите.

— Мишенька, я вас обожаю. — Настя послала ему воздушный поцелуй. — Бегите. Жду вас завтра в восемь.

Доценко ушел, а Настя принялась разглядывать фотографии, сделанные в квартире Филатовой. Вот сама погибшая. Интересное лицо, отметила Настя, черты не очень правильные, но выразительные. Наверное, пользовалась успехом у мужчин. Кухня маленькая, примерно пять квадратных метров, тесная. Вот прихожая. Возле входной двери тумба с телефоном. Ясно видны кроссовки с длинными развязанными шнурками, аккуратно стоящие под вешалкой. Что-то не

вяжется, подумала Каменская. Она должна была быстро найти деньги и отнести их водителю, а вместо этого старательно расшнуровала кроссовки, поставила их на место и пошла в кухню включать плиту. Если бы она не оставила Захарову паспорт, можно было бы подумать, что она не собиралась отдавать эти деньги. Чего ее понесло на кухню? Может быть, она там деньги держала? Настя сделала пометку на листе бумаги с крупной надписью наверху «Зубов». Другой вариант — деньги были в комнате, на улице ливень, кроссовки мокрые, сняла их, чтобы не испачкать ковер. На листке «Зубов» появилась вторая пометка. Панорамная фотография большой комнаты. Идеальный порядок. Видно, что в ней давно не было людей. Кресла стоят строго симметрично по обе стороны журнального столика. Узловые фотографии — книжные полки, стенка. Любительская фотография Ирины, очень удачная. Фото женщины лет сорока с небольшим, вероятно, ее матери. В одной из застекленных секций стенки, где хранится посуда, набор стеклянных фигурок: тигр, змея, петух, собака, кошка — всего двенадцать. Больше никаких безделушек в комнате нет, только вещи и книги. Маленькая комната. Определенно, в ней жила Ирина. Диван,

письменный стол с пишущей машинкой, кресло, торшер. Больше ничего — комната слишком мала.

Не отводя взгляда от разложенных на столе фотографий, Настя потянулась за сигаретой. Внезапно рука ее повисла в воздухе, она почувствовала холодок где-то в области желудка. Это означало, что что-то не так. Собрала фотографии и стала перебирать их. Внутри опять кольнуло.

Настя Каменская знала твердо: то, что она ощутила, глядя на снимки, было сигналом о поступлении какой-то важной информации, нарушающей схему. Она отложила одну фотографию на листок с заголовком «Айрумян». Пока все. Теперь можно звонить.

Олег Зубов был, как всегда, хмур и ворчлив. Кроме того, Гордеев, судя по всему, и ему наказал язык не распускать, так что Насте стоило больших трудов его разговорить.

— Пойми, Настасья, наши сыщики и следователь дули в разные дудки. Следователь старенький, больной, ему скоро на пенсию, на дворе середина июня, а он еще в отпуске не был. Ему надо это убийство? Он хочет, чтобы это был несчастный случай. И на мужчину с теплым чайником он плевать хотел, если они не подтвер-

ждают версию о смерти от электротравмы. Такой вот он человек, ну не хочет он в свои-то годы лишних хлопот. Если ты принесешь ему чемодан доказательств о том, что Филатову убили, тогда он, так уж и быть, будет вести следствие. А не принесешь — он пальцем не пошевелит лишний раз, закроет дело — и конец. Ну а про наших ты и так все знаешь. Они, наоборот, хотят, чтобы это было убийство и чтобы преступником оказался именно этот водитель. Не глянулся он им, видать, — усмехнулся Олег. — И никакое другое убийство их не устроит. И им тоже мужчина с теплым чайником сто лет не нужен. Вот такой расклад.

— Но ты-то сам трогал этот несчастный чайник?

— А как же. И даже прикинул, когда его кипятили. В час тридцать плюс-минус пять минут.

Из разговора с Зубовым Настя выяснила, что ковров в квартире Филатовых нет ни в одной из комнат, а деньги хранились в деревянной шкатулке, которую обнаружили в выдвижном ящике тумбы, стоящей в прихожей.

Гурген Арташесович Айрумян в отличие от Зубова был добродушен и многословен. Кроме того, он любил Настю Каменскую, которая была

совершенно не похожа на двух его внучек, темпераментных, непоседливых и, как он считал, бестолковых и легкомысленных.

— Здравствуй, рыбонька, здравствуй, золотая моя, — гудел он в трубку, — вспомнила дедушку Гургена. Небось насчет Филатовой? Я акт экспертизы следователю отправил.

— Гурген Арташесович, ну в двух словах, а? Вы же знаете, меня начальник до следователя не допускает, — попросила Настя.

— Ну, если в двух словах, то я не знаю, от чего умерла Филатова.

— То есть как? — опешила Настя.

— А так. Смерть наступила в результате остановки сердечной деятельности. Ни хронических, ни острых заболеваний, которые могли бы привести к остановке сердца, вскрытием не обнаружено. Меток электротока тоже нет, но я вполне допускаю, что она могла умереть от электротравмы. Видишь ли, солнышко мое, в десяти-пятнадцати процентах случаев метки не выявляются. Об этом во всех учебниках написано. Но если ты хочешь от меня не два слова, а три, то я отвечу тебе на один вопрос, который следователь забыл мне задать. Наверное, торопился сильно, а может, не захотел. Хочешь?

— Конечно, хочу.

— Так вот, ненаглядная моя. Если ты возьмешь книжку «Осмотр трупа на месте обнаружения» издания тысяча девятьсот восемьдесят девятого года, то на странице сто пятьдесят седьмой ты прочитаешь, что следователь должен был меня спросить: имеются ли на теле Филатовой повреждения, не связанные с действием электротока? Если да, то каков их характер и механизм образования? А я бы тогда ему ответил,что у Филатовой имеется ушиб головы, который я не могу объяснить, и нет того ушиба, который я предполагал обнаружить. Это мое третье слово. Четвертое хочешь или уже сама догадалась?

— Догадалась, — ответила Настя. — У меня фотографии есть, я сразу обратила внимание, что кухня крошечная. Если бы Филатова падала, она наверняка ударилась бы о край стола и задела бы табуретку. Вы именно этих ушибов не обнаружили?

— Люблю я тебя, попугайчик мой, приятно с тобой разговаривать. А ушиб, который я обнаружил, — так, ни два ни полтора. С одной стороны, как будто об пол ударилась. Но, с другой стороны, при падении с высоты собственного роста, если забыть про стол и табуретки, ушиб был бы

гораздо сильнее. По времени образования он совпадает со временем наступления смерти, так что удариться головой раньше она вряд ли могла. Одно могу сказать точно: ушиб образован от соприкосновения с плоской поверхностью, а не с тупым твердым предметом. Ну как, звездочка моя, хорошие слова я тебе сказал?

— Замечательные, — от всей души признала Настя. — Что бы я без вас делала? Меня бы давно уже с работы выгнали.

В этом Настя, пожалуй, не преувеличивала. Каждый месяц к двадцатому числу она представляла Гордееву анализ всех раскрытых и нераскрытых убийств, тяжких телесных повреждений и изнасилований. С помощью такого анализа выявлялись новые тенденции в совершении этих преступлений, а также типичные ошибки, допущенные при раскрытии. И каждый месяц, проводя этот анализ, Настя приходила к Айрумяну и с благодарностью выслушивала его пространные консультации, обильно пересыпанные «рыбками», «птичками» и «звездочками».

Что ж, решила Настя, исходной информации пока достаточно, чтобы продумать обстоятельства смерти Филатовой. О мотивах и личности убийцы речь пока не идет. Сейчас важно понять, действи-

тельно ли имела место инсценировка или это все-таки несчастный случай. И вообще, как все это происходило и может ли быть замешан в этом Дима Захаров. Хорошо бы, конечно, поговорить с инженером-электротехником, которого вызывали в квартиру Филатовых, но, в конце концов, характер неисправности для ее рассуждений пока не особенно важен. Совершенно очевидно, что плита не могла вдруг испортиться за тот час, который прошел с половины второго, когда, по утверждению Зубова, кипятили чайник, до половины третьего ночи, когда током ударило Ирину. Это означает, что либо плиту умышленно испортили в течение этого часа, либо теплый чайник — плод фантазии, одновременно посетившей и Захарова, и криминалиста Зубова, либо, наконец, что тот, кто кипятил воду, знал о неисправности и принимал меры предосторожности, например, надевал плотные резиновые перчатки. Других вариантов быть не может.

Найдя отправную точку для размышлений, Настя Каменская начала готовиться к работе. Это был целый ритуал, истинный смысл которого состоял единственно в том, чтобы оттянуть момент «погружения». Настя не торопясь сварила кофе, запив им принесенный из дома бутерброд, выку-

рила сигарету, приготовила три новых листка, сделала на них аккуратные надписи: «*Фантазия*», «*Повреждение с 1.30 до 2.30*» и «*Повреждение заранее*». Заперла изнутри дверь кабинета. Все. Начали.

В первую очередь был отработан вариант «Фантазия» как наиболее простой. Никакого теплого чайника не было и в помине, а Захаров и Зубов дружно лгут, потому что Захаров — убийца, а Зубов знает об этом и по каким-то причинам его покрывает. Это казалось полным бредом, но таково уж было Настино правило: рассматривать все возможные варианты, какими бы чудовищно нелепыми они ни выглядели. Итак, Захаров — убийца, Зубов — сообщник. Захаров поднимается в квартиру Филатовой и убивает ее. Как? Начинает у нее на глазах ковыряться в плите? А если он убивает ее другим способом, то каким? Чем еще он может вызвать остановку сердца? Каким-нибудь нервно-паралитическим газом. Айрумян ничего в легких не обнаружил. Да и не это главное. Главное в том, что, кроме них, в квартире находились следователь, два оперативника с Петровки, один — из местного отделения милиции, инженер-электротехник и понятые. И любой из них, а то и все вместе могут заявить, что

разговоры о теплом чайнике — чистая липа.

Настя с облегчением разорвала листок с надписью «Фантазия» и принялась за следующий вариант.

Она еще раз прокрутила в уме свои доводы против того, что плита испортилась без постороннего вмешательства. Если Филатова в момент гибели была в квартире одна, то, кроме травм, не обнаруженных судебным медиком, был бы шум, от которого наверняка проснулись бы соседи. Если в квартире был человек, ожидающий ее и не желающий ее смерти, то он либо знал о поломке и должен был ее предупредить, либо не знал, и тогда картина была бы точно такая же: падение, ушибы, грохот. Миша Доценко соседей опрашивал, и никто ничего не слышал. Только двое стариков из соседней квартиры проснулись, когда Ирина в половине третьего ночи отпирала замок и захлопывала дверь. Старые люди спят чутко и засыпают плохо. Шум в квартире Филатовой, раздавшийся в течение ближайших десяти минут, они бы тоже услышали.

Кажется, ничего не упущено. Перейдем к умышленной поломке в течение часа от 1.30 до 2.30…

Настя чертила на листках квадратики и стрелки, вписывала отдельные слова и целые фразы,

набрасывала вопросы, которые надо будет задать криминалисту, соседям, отцу Филатовой. Количество окурков в пепельнице увеличивалось, количество кофе в пачке уменьшалось. На столе появились новые листки с надписями: «*Запланированное*», «*Случайное*», «*Кроссовки*», «*Замок*». Наконец перед ее глазами встала картина преступления, в которую укладывалось все, что к настоящему моменту она знала. В этой картине был и утопленный ригель замка входной двери, и аккуратно расшнурованные кроссовки, и неисправная плита, и теплый чайник, и вышедший из подъезда мужчина, и странная тишина, и «неправильность» ушиба.

«Да, Ирина Сергеевна, — мысленно сказала Настя Каменская, глядя на любительскую фотографию Филатовой, — вы не погибли от несчастного случая. Вы были убиты. Преднамеренно и хладнокровно. Вы убиты человеком опытным и предусмотрительным. Он не мог знать, что внизу в машине вас ждет Захаров. Если бы не это, ваш труп обнаружили бы только сегодня, и чайник бы уже давно остыл. И он не мог предполагать, что вы окажетесь в числе тех десяти-пятнадцати процентов, о которых пишет учебник, что на вашем теле не останется меток от электротока

и поэтому найдутся люди, которые не поверят в случайную смерть. Расчет у вашего убийцы был правильный. Просто обстоятельства сложились не в его пользу. Что же с вами произошло, Ирина Сергеевна? Кому вы досадили или помешали? Кого обидели?»

* * *

Измученная духотой, Настя Каменская вышла из автобуса, не доехав до нужной остановки. Еще чуть-чуть, и она упала бы в обморок. Настя, которая могла сутками не есть и не спать, погрузившись в решение интересной аналитической задачи, Настя, за восемь лет ни разу не взявшая больничный и переносившая все болезни «на ногах», та самая Настя имела двух заклятых врагов — толпу и духоту. С ними она бороться не умела. Организм отказывался ей повиноваться, издевательски нашептывая: «Ты моришь меня сухими бутербродами и травишь никотином, ты меня не лечишь и не обихаживаешь, ты на меня плюешь — так вот же тебе, получай! Именно тогда, когда ты смертельно устала или опаздываешь на нужную встречу, я заставлю тебя идти пешком!» Все эти хитрости капризных сосудов были Насте давно и хорошо известны, и она научилась

подстраховываться, таская в сумочке ампулу нашатырного спирта, но главным образом — умело составляя свои маршруты, на которые время отводила с большим запасом. Ни разу в жизни Настя Каменская никуда не опоздала.

Медленно, словно опасаясь сделать лишнее мышечное усилие, она шла по направлению к своему дому, заглядывая по пути в магазины. Большая сумка, висящая через плечо, становилась все тяжелее, ноги, отекшие от многочасового неподвижного сидения в жарком кабинете, невыносимо болели, соприкасаясь с влажной кожей туфель. У Насти был собственный метод ведения «продуктового» бюджета. Получая зарплату, она раскладывала деньги на «целевые кучки», затем продуктовую сумму делила на число дней в месяце. Получившееся в результате деления частное и было тем лимитом, выходить за который она себе запрещала. Поэтому получалось, что чем дольше не ходишь в магазин, тем больше вкусных (и дорогих) продуктов можно купить. Если ходить в магазин каждый день, то придется сидеть на хлебе, молоке и яичнице с помидорами. А вот если проводить это мероприятие раз в пять дней, а еще лучше — раз в неделю, то можно позволить себе копченую курицу, сыр, буженину и даже

арбуз. Помимо возможности устраивать маленькие кулинарные праздники, в таком ведении хозяйства был еще один плюс, самый, пожалуй, главный. Дело в том, что Настя Каменская была необыкновенно, просто фантастически ленива.

На скамейке у подъезда она заметила рыжего лохматого парня, увлеченно уткнувшегося в книгу. Рядом с ним лежали сваленные в кучу полиэтиленовые сумки, из которых торчали зеленые перья лука, длинный золотистый батон, матово и аппетитно просвечивали сквозь прозрачную пленку алые помидоры. Когда Настя поравнялась со скамейкой, парень оторвался от книжки и принялся судорожно собирать пакеты.

— Аська, ну что же ты, в самом деле… Мы же договорились с тобой устроить праздник. Ты сама сказала, чтобы я пришел к шести, а уже почти восемь…

— Чучело, — беззлобно сказала Настя. — Эти шесть часов были в пятницу, а сегодня понедельник. Я в пятницу тебя весь вечер прождала. — Она вошла в подъезд, придержав дверь для нагруженного сумками рыжего.

— Как в пятницу? — растерянно пробормотал парень, пытаясь справиться одновременно с дверью, выпадающей из-под мышки книгой и

сползающими с носа очками. — Я был уверен, что пятнадцатого. Пятнадцатое сегодня? Правда? Неужели мы договаривались на пятницу? Опять я все напутал…

Они поднялись на лифте на восьмой этаж, Настя отпирала квартиру, а ее спутник все продолжал сокрушенно сетовать на свою рассеянность.

— Ну хорошо, — устало сказала Настя, бессильно опускаясь в прихожей на стул и вытягивая ноги, — с памятью у тебя плохо. Но с логикой-то должно быть все в порядке. Ты же математик. Кто устраивает праздники по понедельникам? Все, не хочу больше говорить на эту тему. Если б я знала, что ты явишься с продуктами, я бы не истязала свое нежное тело хождением по магазинам.

Рассеянный и чудаковатый математик Леша был, однако, не настолько не от мира сего, чтобы не заметить перемену в настроении своей подруги. «Истязание нежного тела» — это уже намек на юмор, на улыбку, а значит — его готовы простить.

Леша и Настя были знакомы почти двадцать лет, в физико-математической школе они учились в одном классе. Все эти годы он преданно, как-то очень по-детски любил Настю. Ее бесцветная внешность не имела для него никакого

значения, он, казалось, просто не знал, как выглядит его возлюбленная. Периодически Леша вдруг распахивал глаза и замечал вокруг себя красивых, эффектных женщин, неистово влюблялся в них, терял голову от обуревавших его желаний, но все это длилось до тех пор, пока объект его безумной страсти не удостаивал рыжего математика десятиминутной беседой. Пылкое чувство тут же умирало, ибо каждый раз выяснялось, что разговаривать и вообще проводить время он может только с Настей. Со всеми остальными женщинами, равно как и с большинством мужчин, ему было скучно. После своих неудачных эскапад он приходил к Насте и со смехом рассказывал, как он в очередной раз разочаровался в красивых женщинах. Настю это не раздражало — ей было с ним удобно.

Все в этот вечер было как обычно. Леша усадил Настю на кухне, поставив ей под ноги таз с холодной водой, и начал проворно готовить ужин, одновременно рассказывая, как он провел те несколько дней, что прошли с их прошлой встречи. Красиво накрыл на стол, налил Насте мартини со льдом, себе открыл пиво. Посмотрели по телевизору детектив. Настя слушала своего рыжего гения вполуха, умиротворенно думая,

как хорошо, что на свете существуют такие вот Леши, которые ничего от тебя не требуют, в то же время давая тебе возможность не чувствовать себя старой девой.

Леша уснул, утомленный бурным проявлением чувств, а Настя все лежала с открытыми глазами, думая об Ирине Сергеевне Филатовой. Запущенный на полную мощность мозг никак не хотел отключаться. Настя осторожно встала, накинула халат и вышла на кухню. Достала из сумки захваченную с работы фотографию, сделанную в квартире Филатовых, прислонила ее к керамической вазочке на кухонном столе. Что же в этом снимке не так? Что не так? Что?

Глава 3

Из морга на улице Россолимо провожающие в последний путь Ирину Филатову отправились на Пятницкое кладбище у Рижского вокзала, где была похоронена ее мать. Желающих проститься с Ириной оказалось на удивление много. Юра Коротков шел в толпе, крепко держа под руку Люду Семенову, подругу и сослуживицу покойной. Ему нужен был человек, хорошо знающий окружение погибшей и способный во время скорбной церемонии отвечать на вопросы, а не биться в истерике.

Володя Ларцев, который вместе с Мишей Доценко опрашивал женщин, посоветовал обратиться к Семеновой, а чутью Ларцева Юра Коротков доверял безоговорочно.

— Вы, наверное, считаете меня бесчувственной? — тихо спросила Людмила. — Я в своей жизни столько близких похоронила, что стала относиться к смерти философски. Если бы одни люди умирали, а другие — нет, тогда смерть можно было бы считать трагической несправедливостью. Почему умер этот человек, а не другой,

почему одному выпало жить вечно, а другому нет? Но уж коль скоро бессмертия нет, то смерть надо воспринимать как явление нормальное и неизбежное. Я не права?

— Не знаю, — серьезно ответил Коротков. — Я не готов вам ответить. Посмотрите, кто идет рядом с отцом Филатовой? — Он кивком головы указал на крепкого темноволосого мужчину с усами и восточным разрезом глаз.

— Бывший муж, Руслан Баширов. А с ним рядом — его новая жена.

Поймав изумленный взгляд своего спутника, Людмила чуть улыбнулась.

— Вот такая была наша Ирка. Ни с кем никогда не ссорилась. Она всегда говорила, что самое ценное в жизни — это хорошие отношения с людьми. Если мужчина и женщина расстаются, это ведь не означает, что кто-то из них непременно плохой. Просто им перестало быть хорошо вместе. Мало ли по каким причинам. Но если люди не могут жить вместе и спать в одной постели, это не означает, что им заказано общаться и дружить. Новая жена Руслана, кстати, прекрасно относится к Ирине… то есть относилась. Ирка со своими поклонниками даже к ним в гости ходила.

— Действительно, не совсем обычно, — со-

гласился Юра. — Кроме мужа, здесь есть еще… как бы это поделикатнее сказать… мужчины, с которыми Ирина… — Он замялся. Обстановка кладбища не позволяла ему употребить обычное слово «любовник».

— Вы не стесняйтесь, Юра. — Семенова чуть сжала его локоть. — Я ведь сама бывший следователь. Задавайте мне любые вопросы. И можете быть уверены, что я, в свою очередь, не стану задавать вам такие вопросы, на которые вы не можете отвечать.

— Людочка, — искренне произнес Коротков, — вы — чудо. Если бы вы не были замужем, я бы сделал вам предложение.

— Так сделайте, — неожиданно просто ответила Семенова.

— Не шутите так. Мы с вами все-таки на похоронах. — Юра легонько погладил ее пальцы, спокойно лежащие на его предплечье.

— А я не шучу. — В голосе женщины послышалась горечь. — Вы женитесь на мне, а он — на своей мамочке. И мы будем ходить друг к другу в гости.

«Знакомая история, — грустно подумал Коротков. — Обожает властную, нетерпимую мать и всю жизнь сравнивает с ней жену, которая в

сравнении неизменно проигрывает. Добрая половина известных мне супружеских пар как раз так и живет».

— Почему Филатова больше не вышла замуж? — вдруг спросил он. — Насколько я понял, недостатка в поклонниках у нее не было.

— Возраст, Юра, увы, возраст. После тридцати женщины вынуждены общаться либо с заплесневелыми холостяками, которые безумно боятся, что их затащат в загс, либо с женатыми мужчинами. Чтобы выйти замуж за первую категорию, надо быть полной идиоткой, а вторую надо разводить. На это у Ирины никогда не хватало энтузиазма. И потом, жилищная проблема. Привести мужа в крошечную квартирку к немолодому больному отцу — этого она категорически не хотела. А у разведенного откуда площадь? Он ее жене и детям оставил бы.

— Но не все же оставляют квартиру жене. Многие разменивают, — возразил Юра.

— За мужика, который, уходя к любовнице, начинает делиться с женой и детьми, Ирка бы в жизни замуж не вышла, — уверенно ответила Люда. — Она терпеть не могла жлобов и скобарей. Был момент, когда она собиралась вступать в кооператив, но в последний момент все сорвалось.

— Почему?

— У нее не оказалось денег, на которые она рассчитывала. А в долг она не брала никогда. Даже до зарплаты не перехватывала. Она вообще была помешана на том, чтобы никому не быть в тягость и никому не быть обязанной. Просто пунктик какой-то. Всю жизнь все делала сама, ни к кому за помощью не обращалась. И не из гордости, заметьте, не для того, чтобы доказать, что вот, мол, она какая, справляется без посторонней помощи. Вовсе нет. Она другого боялась. Бывает, что обращаешься за помощью, человеку неудобно тебе отказать, хотя ему самому это причиняет определенные неудобства. Он тебе помогает, а сам в душе клянет и тебя с твоими просьбами, и себя за то, что отказывать не умеет. Ирине очень не хотелось попасть в такую ситуацию. Хотя сама она очень отзывчивая, и, между прочим, если кто и не умеет сказать «нет», так это именно она. Абсолютно безотказная. — Людмила все время сбивалась, говоря о подруге в настоящем времени.

— Так что же такое произошло с деньгами на кооператив? — Юра свернул на тему, которая показалась ему любопытной. — Она рассчитывала на наследство?

— Не знаю, — вздохнула Людмила. — Это было до того, как я пришла работать в институт. Она как-то обмолвилась об этом, вот и все. А я не стала допытываться. Если вас интересуют ее мужчины, то вон тот, в серой рубашке, видите, — ее последняя пассия. Работает в Российском бюро Интерпола. Высокий блондин, полный такой, через два человека справа от вас — преподаватель из нашей академии. С ним Ирина рассталась в прошлом году. В смысле — роман у них закончился. А общаться, конечно, продолжают. Продолжали, — поправилась опять Семенова. — Корецкого я что-то не вижу, хотя уж он-то должен быть обязательно.

— Почему? — насторожился Юра. — Кто такой Корецкий?

— Женя Корецкий — врач-хирург из нашей ведомственной поликлиники. Это был самый длительный роман у Ирины, дольше даже, чем она замужем пробыла. Женя наблюдает ее отца, Сергея Степановича. Печень. Так что он по-прежнему вхож, так сказать, в дом.

— Послушайте, — взмолился Коротков, — у вашей подруги был хоть один роман вне милицейского круга или она специально себе любовников из МВД выбирает?

— А других-то где взять? — возразила Людмила. — Вся жизнь только дома и на работе. С другими и познакомиться негде. Это в двадцать лет бегают на дискотеки и студенческие вечера. А в нашем возрасте обходятся профессиональным кругом. Ирина однажды привезла роман из отпуска. Долго потом на воду дула, так обожглась. С виду интеллигентный, красивый, неглупый, а оказался дважды судим. Видели бы вы, что с ней было!

— А что было? Переживала сильно? — поинтересовался Юра.

— Да ни одной минуты. Мгновенно порвала с ним. И не за то, что судим, судимости-то были автотранспортные, а за то, что скрывал и замуж звал, собирался развестись. Должен ведь был понимать, что ей, майору милиции, иметь дважды судимого мужа не с руки.

— Как же она узнала о судимостях, если он скрывал?

— Случайно. Это ее взбесило. Ирина терпеть не могла, когда ее принимали за дурочку. Этот Валера был, насколько мне известно, единственным мужчиной, с которым она по-настоящему рассталась. Как отрезала. А все остальные даже и не догадываются, что их роман с Ирой закончен.

Я ведь уже говорила, она ни с кем не обостряла отношений. Вот и создавала у своих «бывших» иллюзию, что все по-прежнему, только обстоятельства не складываются: то работы много, то командировка, то хаты пустой нет. Она к ним ко всем искренне расположена, только спать с ними не хочет. Иначе разве они были бы сейчас здесь, на кладбище?

Панихида подошла к концу. Шестеро плечистых мужчин подняли гроб на плечи, и провожающие двинулись к могиле. Юра поискал глазами ребят из оперативно-технического отдела, которые вели съемку похорон скрытой камерой.

— Посмотрите внимательно, Людочка, — попросил Коротков. — Здесь много людей, которых вы не знаете?

— Почти никого, — быстро ответила она. — В основном все наши, институтские. Вот девочки из информационного центра, у них Ира брала статистику. Те, что рядом с отцом, — родственники. Следом за нашим начальником идет мужчина — его я не знаю. И в самом конце двое с большими гладиолусами — их тоже впервые вижу. Странно все-таки, что нет Корецкого.

Коротков остановился. Он сам не понимал, почему ему так не хочется отпускать от себя Люду

Семенову, доверчиво опирающуюся на его руку. Но дальше тянуть уже неприлично.

— Спасибо вам, Люда, — тихо сказал он. — Не буду больше вас терзать. Вы идите, попрощайтесь с Ириной. А мне пора.

Он прошел сквозь медленно двигающуюся толпу, на секунду замедлив шаг сначала возле невысокого смуглого мужчины в роговых очках, потом приостановился около двоих с огромным букетом гладиолусов, почти полностью закрывавшим их лица. Теперь он был уверен, что видеокамера зафиксирует всех троих крупным планом.

Шагая по Крестовскому мосту и почти задыхаясь от заполнявшего легкие тяжелого зноя, Юра Коротков пытался настроиться на дело Плешкова, которому предстояло посвятить часть дня. Но мысли съезжали куда-то в сторону, упорно выталкивая на поверхность тихий голос: «Я не шучу. Женитесь на мне».

* * *

«…Она тянула на себе весь план отдела. Свои темы закрывала, к чужим подключалась. Пахала как ломовая лошадь. В субботу выходила, в воскресенье, на праздники брала работу домой.

Начальник наш на нее буквально молился. А она стеснялась лишний раз с работы отпроситься…»

«Боялись ее очень, особенно если давали ей тексты на рецензирование. Ирина Сергеевна въедливая была необыкновенно, к каждому слову цеплялась. Когда она мне диссертацию вернула, там все поля были карандашом исписаны, представляете? Все поля на каждой странице. А в конце еще несколько листов вложено с замечаниями. Это не потому, что я такой особенно тупой. Она все диссертации так читала. Зато все знали, что если учесть ее поправки и замечания, то работа пройдет без сучка без задоринки. Ей поэтому многие старались свои диссертации подсунуть, она никому не отказывала, хотя и своей работы у нее всегда было много. Были, конечно, такие умники, которые, забрав у нее диссертацию с замечаниями, всем говорили, что «сама Филатова читала», и не поправили ни одной буквы. У Ирины Сергеевны репутация была, что и говорить. После ее правок работу можно было и не читать, смело рекомендовать в совет, на защиту. Вот они и пользовались. А когда она однажды эту уловку обнаружила — ох что было! Не поленилась, пришла на защиту, выступила неофициальным оппонентом и в буквальном смысле смешала

диссертанта с грязью. Все могла простить — лень, глупость, но мошенников терпеть не могла. Ее прямо переворачивало всю…»

«…Враги? У Иры? Да откуда?!»

«…Ирку втихаря многие не любили. Но в основном те, кто ее не понимал. Посудите сами: нестарая, привлекательная, пользуется очень большим вниманием со стороны мужчин — и вся в работе. Здесь что-то нечисто. С чего это она так надрывается? Перед руководством выслуживается? В тридцать четыре года стала ведущим научным сотрудником, а эту должность по нынешним требованиям должны замещать только доктора наук. За что ей такое продвижение по службе? А кто ее хорошо знал, те понимали, что ей интересно то, что она делает. Она мне много раз говорила, что с детства ее любимый вопрос: почему? Почему происходит так, а не иначе? Почему случается это и случается то? И в криминологии она осталась такой же „почемучкой“, все ломала голову, пыталась понять, почему преступность ведет себя именно так, а не иначе…»

«Мы все к ней бегали со своими страданиями. Она слушать умела. И утешать. Поговоришь с ней — и легче становится. Она для нас была вместо психотерапевта. А совет всегда давала один и тот

же: поступай, как тебе самой хочется, не насилуй себя, не ломай…»

«…Филатова злая была, прощать не умела. Она не мстила, нет, боже упаси, для этого она была слишком мягкая. Она делала для себя выводы и потом свое мнение не меняла, хоть мир переверниись. Вешала на человека ярлык на всю жизнь и даже от него самого не считала нужным это скрывать. Однажды наш сотрудник занял у нее солидную сумму на неделю, а вернул только через два месяца. Филатова ни разу ему не напомнила, ни разу не спросила, хотя сидели они в соседних комнатах и виделись раз по двадцать на дню. А когда он в следующий раз обратился к ней с такой же просьбой, она ответила: „Володюшка, ты чудный парень, но денег я тебе не дам. Ты человек необязательный и вышел у меня из доверия“. Представляете, прямо при всех заявила. Вот в этом она вся…»

«…Мы удивлялись, почему Ирина докторскую диссертацию не пишет. Никто и не сомневался, что ей это по силам. А она отшучивалась, говорила, что ей рано себя хоронить, что не нагулялась еще. Конечно, ее понять можно: пока в совете наши зубры сидят, которые сами докторами наук стали лет в пятьдесят, они Филатову в доктора не

пропустят — больно молодая. Но, кажется, наш начальник ее все-таки дожал, особенно после того, как ужесточил требования к замещению должностей ведущих сотрудников. Во всяком случае, в плане института на тысяча девятьсот девяносто второй год стоит ее монография…»

«…Ирина Сергеевна очень болезненно относилась к тому, что в министерстве науку ни в грош не ставят. У нее самообладание было — дай бог каждому, но и темперамент бешеный. Она в министерстве наслушается в свой адрес, да и в адрес института в целом, всяких гадостей, смолчит, зубы стиснет, а в моем кабинете даст себе волю. Особенно тяжко ей пришлось последние два-три месяца, когда Павлов из Штаба МВД России начал к ней цепляться. По нескольку раз возвращал ей документы на доработку, это ей-то, за которой в жизни никто ничего не переделывал. Можете мне поверить, если на свете существуют гениальные криминологи, то она — из их числа. А Павлов этот — безграмотный тупица, путает криминологию с криминалистикой, в слове „перспектива“ по четыре ошибки делает. Я, как начальник, делал все возможное, чтобы Ирину Сергеевну оградить от него, да куда там! Она, бедная, совсем сникла, как-то даже сказала мне: „Наверное, мы и в самом

деле никому не нужны. Вот выйдет моя книга, и уйду я в журналистику“…»

* * *

…Уходя домой, Настя Каменская оставила в кабинете, где стояли столы Ларцева и Короткова, лаконичную записку:

«Павлов из МВД России. Не к спеху, для общей картины.
Целую. А.К.».

* * *

Заказчик не испытывал тревоги. Только легкое недовольство. Он уже знал, что после выполнения заказа возникли непредвиденные осложнения, что вместо дела о несчастном случае расследуется уголовное дело об убийстве. Но в конечном итоге какая ему разница? Расследование лично для него ни малейшей угрозы не представляет. Главное — Филатовой больше нет…

Заказчик вспомнил свою первую встречу с ней почти полгода назад, в январе. Она сидела перед ним спокойная, сосредоточенная, готовая выслушать его соображения и продумать их. А

он плохо слышал сам себя, путался в словах и все не мог отвести глаз от ее рук, пытаясь уловить хоть малейший признак волнения. Знает или не знает — вот что мучило Заказчика. Кто бы мог предположить, что они вот так встретятся? Порой она вскидывала ресницы и улыбалась, Заказчику мнилось, как-то по-особенному, с тайным смыслом, но он одергивал себя, стараясь успокоиться и вникнуть в суть дела, которое они обсуждали. А она, казалось, не замечала его волнения, и руки у нее не дрожали.

После той первой встречи Заказчик быстро забыл свои страхи. Он был уверен, что хорошо знает женщин, а женщины не умеют долго сдерживаться и молчать. Если бы она знала, кто он такой, или хотя бы догадывалась, она бы выдала себя.

Потом была вторая встреча и следующая. Так сложилось, что в феврале им пришлось сталкиваться чуть ли не каждую неделю. Заказчик всматривался в ее лицо, походку, вслушивался в спокойный, почти лишенный интонаций голос и не обнаруживал никаких признаков нервозности. «Нет, не знает», — облегченно вздыхал Заказчик, но в следующую же минуту в ее шутках ему слышался злой сарказм, а в улыбке виделась

насмешка, в монотонной речи чудилась сдерживаемая ярость. А потом он узнал, что Филатова пишет книгу. К этому моменту нервы его были на пределе, как мотылек к пламени, тянулся он к этой загадочной женщине, используя любой, самый малозначительный повод для встреч, чтобы еще раз пережить мучительные сомнения и в конце облегченно вздохнуть: нет, все-таки не знает. Книга Филатовой тоже была поводом для разговора.

— Когда же вы собираетесь ее писать? — спросил тогда Заказчик. — Вы ведь так загружены плановой работой.

— Открою вам маленький секрет. — Она смотрела на него открыто и дружелюбно. — Книга уже написана. Просто раньше у меня не было возможности ее издать.

— Почему? Что-нибудь сверхкрамольное? — пошутил Заказчик.

— Что вы, никакой крамолы, — засмеялась она. — Просто издать книгу — дело практически неосуществимое, если ты никто и тебя не знают. А теперь у меня есть имя и репутация.

— А как будет называться ваше творение?

— Название пока ориентировочное — «Криминология. Коррупция. Власть». Что-нибудь в

таком роде.

— И о чем она, если не секрет?

— Долго объяснять. — Она поморщилась. — Если хотите, я вам лучше рукопись принесу. Может быть, заодно и подскажете, нельзя ли ее издать за гонорар. У нас ведь за это не платят, сами знаете. Договорились? Завтра же завезу вам текст.

Она поднялась, собираясь уходить. Заказчик порывисто вскочил из-за стола, кинулся к вешалке, чтобы подать ей шубку, неловко задел локтем пепельницу. Окурки высыпались на стол…

— Да не нервничайте вы так, Владимир Николаевич. — Филатова взялась за ручку двери. — До завтра.

Стоял теплый слякотный февраль, в комнате было душно даже при открытой настежь форточке. Заказчик почувствовал, что руки его стали ледяными. Значит, все-таки знает…

* * *

Машина свернула с Садового кольца на Каляевскую улицу.

— Дальше куда? — спросил Захаров.

— Все время прямо. Знаешь, я рада, что ты меня нашел. — Настя тронула его за плечо. — Как ты додумался?

— Большого ума не надо, — усмехнулся Дима. — Этот молодой черноглазый — он в вашем отделе работает?

— Доценко? В нашем. Что-нибудь не так?

— Хороший мальчик. — Дима одобрительно кивнул. — Умеет спрашивать. Фразы короткие, ни одного лишнего слова, никакого давления. Чуть-чуть подталкивает, сразу и не заметишь. Уж на что я злой был, а разговор в машине почти дословно вспомнил. Хороший мальчик, — еще раз подтвердил он. — Такой незаменим в работе со свидетелями.

— Да, — рассеянно повторила Настя, — незаменим. И все-таки зачем ты меня искал?

— Сам не знаю. — Захаров пожал плечами. — Жалко мне ее.

— Кого жалко? — удивилась Настя.

— Эту… Филатову. Вот ведь глупость! — Он озадаченно хмыкнул. — Полчаса был с ней знаком, да что там знаком — имя даже не спросил, трое суток из-за нее в камере проторчал и вдруг понял, что мне ее жалко.

— И ты два часа ждал меня на улице, чтобы сообщить об этом?

— Если совсем честно, то я хотел тебе сказать, что буду рад оказаться полезным. Вы там в МУРе

все такие, конечно же, умные и опытные, но в жизни всякое случается. Вдруг да пригожусь. Ни разу мне потерпевших не было жалко так, как сейчас. Видно, чем-то она меня задела. Так что имей это в виду.

— Спасибо. Очень трогательно, — суховато ответила Настя. — Сейчас направо на мост. Ты хоть понимаешь, что с тебя самого подозрение еще не снято окончательно?

— Ну что ж поделать, потерплю, — миролюбиво ответил Дима. — Хороший район, зеленый, тихий. Живешь здесь?

— Здесь родители живут. А я на Щелковской.

Прощаясь с Настей, Дима придержал ее за руку, вгляделся внимательно.

— А ты не меняешься. Все такая же девчушка в джинсиках и с длинным хвостом на затылке. Тебе сейчас сколько?

— Тридцать два, — улыбнулась Настя.

— Не замужем?

— Не смеши меня. Спасибо еще раз, что подвез.

Когда встал вопрос о размене квартиры, основным аргументом у Настиного отчима было то, что «трое бумагомарак на одной кухне не уживутся». Пока Настя училась в школе и в университете, а Леонид Петрович работал на практике, или, как

говорят, «на земле», трехкомнатная квартира была наполовину завалена бумагами и рукописями Настиной матери, известного ученого-лингвиста. Потом и Настя стала выкраивать уголки для своих бесчисленных листочков и мудреных расчетов. А уж когда Леонид Петрович, покончив с практической работой, перешел с должности начальника РУВД в Высшую юридическую заочную школу милиции преподавать оперативно-розыскную деятельность, в квартире стало по-настоящему тесно.

Теперь Настя жила отдельно, на другом конце Москвы, но у родителей бывала часто, особенно с тех пор, как мать на два года пригласили на работу в Швецию. Леонид Петрович был в отличие от Насти человеком хозяйственным, обеды готовить не ленился, но самое привлекательное состояло в том, что квартира родителей находилась гораздо ближе от Петровки, чем Настино собственное жилье. Если остаться ночевать, то утром можно спать минут на сорок дольше.

Уютно устроившись в мягком кресле, Настя смотрела, как отчим разбирает небольшой пластиковый пакет — мать с оказией передала посылку. Вынув маленькую плоскую коробочку, Леонид Петрович протянул ее Насте.

— Твои игрушки. У тебя, наверное, уже полный набор есть?

— Нет предела совершенству, — отшучивалась Настя. И вдруг спросила: — Пап, а кто такой Богданов?

— Богданов? Бывший начальник ГУВД Москвы. Ты в своем уме, родная?

От удивления Леонид Петрович даже выпустил из рук журнал по криминалистической технике, который ему прислала жена.

— Не тот. Богданов из академии, с кафедры организации расследования преступлений.

— А, — облегченно вздохнул отчим. — Знаю, конечно. Родственные кафедры, мы все друг друга знаем. Зачем он тебе?

— На всякий случай. А Идзиковского из Интерпола знаешь?

— Фамилию слышал, но лично не знаком. Еще вопросы?

— А с Филатовой Ириной Сергеевной из НИИ МВД ты встречался?

— Приходилось. Ты что, мой моральный облик проверяешь? Настасья, кончай темнить. Говори, в чем дело.

— Филатова умерла, — выпалила Настя.

— Да что ты?! — Леонид Петрович охнул и при-

сел на диван. — Может, это не та Филатова? Та была молодая совсем, красивая.

— Та самая, папуль. Убита.

Настя встала с кресла и села на пол рядом с отчимом, положив голову ему на колени.

— Единственная версия, которая есть на сегодняшний день, — убийство из ревности. А у Филатовой все романы — с офицерами из МВД. И я буду сидеть здесь, у твоих ног, как верный пес, до тех пор, пока ты мне не расскажешь, как и чем живут научные работники и преподаватели. Из-за чего они ссорятся друг с другом, на какие темы пишут анонимки, какие шаги предпринимают, чтобы подсидеть другого, каким способом сводят счеты и так далее. Идет?

Леонид Петрович огорченно усмехнулся:

— Вот и с тобой случилось то, чего я всегда боялся, пока работал «на земле». Приходится вести расследование среди своих. Ты даже представить себе не можешь, как это трудно. Особенно когда ты молод. Милицейский круг — тесный круг. Не просто узкий, а именно тесный, не можешь повернуться, чтобы не наткнуться на знакомого, родственника знакомого, сослуживца родственника, бывшего ученика, соседа начальника и прочее. В этом тесном кругу невозможно никого

ни о чем спросить, я уже не говорю — допросить, потому что какие могут быть серьезные разговоры между своими? Ты разговариваешь с человеком, которого подозреваешь в преступлении, а он на все твои доводы отвечает: да ладно, да брось ты, ну мы же свои люди, ты же понимаешь. И хлопает тебя по плечу. И предлагает выпить. А чуть что не так — будь уверена, тут же поступит звоночек твоему Гордееву, с которым они или в санатории вместе отдыхали, или на банкете водку пили, или еще как-нибудь знакомы. Ты что же это, Виктор Алексеевич, ты давай ребят своих приструни, не годится так, обидели, понимаешь. В общем, наплачешься.

— Нет. — Настя грустно покачала головой. — Не наплачусь. Меня Колобок к ним не выпустит. Плакать будут наши мальчики. Как ты думаешь, папа, почему меня Колобок на привязи держит?

— Ума не приложу. — Леонид Петрович погладил Настю по голове. — Может быть, он знает про твои… м-м-м… мягко говоря, про твои особенности?

— Откуда ему знать? — возразила Настя. — Если только ты ему сказал. Но ты же не говорил? — Она вопросительно подняла голову.

— Разумеется, нет. Зачем же я буду выдавать

Гордееву твои секреты, хоть и знаю его давным-давно. Вот, кстати, тебе еще пример тесноты нашего круга. Вообще запомни: этим отличаются две профессии — юридическая и медицинская. Только если в медицине династии приветствуются, то у нас — нет. Считается, что если папа врач, мама врач, сын врач, то это семейная приверженность идеалам гуманизма. А если юрист — сын юриста, то все думают, что непременно блатной, что папочка сынка пристроил.

— А почему так?

— Какая-то правда в этом есть. Все-таки много лет у МВД были и престиж, и власть, и, соответственно, возможности. Часть сынков и прочих родственников и в самом деле были «пристроенные». Но другая-то часть — она совсем иная. Порой это даже бывает трудно объяснить. Вот ты, например, типичная милицейская дочка. Прекрасно училась в физико-математической школе, перед глазами, с одной стороны, блестящая карьера матери, с другой — этот твой супермат Лешка. А ты? Пошла в милицию. Можешь объяснить, почему?

— Не могу, — вздохнула Настя. — Гены, наверное.

— Какие гены? — Леонид Петрович легонько

щелкнул Настю по носу. — Твой родной отец в милиции никогда не работал.

— Но воспитывал-то ты, — резонно сказала Настя. — Не отвлекайтесь, папаша, рассказывайте мне про ваши околонаучные дела.

Заканчивался вторник, шестнадцатое июня. День, когда похоронили Ирину Филатову. День, когда освобожденный после семидесяти двух часов пребывания в камере Дмитрий Захаров решил, что убийцу своей случайной попутчицы он бы задавил собственными руками. День, когда давно и глубоко женатый Юра Коротков ни с того ни с сего понял, что влюбился в свидетельницу Люду Семенову, тридцати девяти лет, замужнюю, мать двоих детей. День, когда над ничего не подозревающим полковником Гордеевым проплыло легкое светлое облачко, которого Виктор Алексеевич и не заметил.

* * *

Следующие дни показали, что Леонид Петрович оказался пророком. Коротков, Ларцев и Доценко, работавшие по делу Филатовой и проверявшие версии убийства из корыстных побуждений или из ревности, приходили на работу измученные и раздраженные.

— Чтоб они все провалились! — кричал в сердцах невысокий седоватый Володя Ларцев после беседы с преподавателем Академии МВД Богдановым. — Я его спрашиваю про Филатову, а он смотрит на меня своими холодными глазами и вдруг цедит сквозь зубы: «Вы какой вуз оканчивали? Ах, Московскую школу! Вам оперативно-розыскную деятельность, наверное, профессор Овчаренко читал? Сразу видно, что он вас ничему не научил. Вы совершенно не умеете вести опрос». Каково, а?

Подозрения Короткова в адрес отсутствовавшего на похоронах хирурга Корецкого оказались беспочвенными: на правах старого друга дома он оставался в квартире у Филатовых, помогая готовить стол для поминок. Из всех проверяемых по версии «ревность» он был самым приятным собеседником, но это, подумал Коротков, скорее всего оттого, что сотрудники ГУВД были прикреплены к другой поликлинике, что лишало Корецкого возможности небрежно бросить: «Кто ваш начальник? Гордеев? Знаю, знаю, он у меня лечился».

У всех мужчин, в том числе и у бывшего мужа Филатовой, и у безжалостно брошенного Валеры с двумя автотранспортными судимостями, было

твердое алиби и полное отсутствие мотивов для убийства. Семенова не преувеличивала, когда говорила, что Ирина умела организовывать свою личную жизнь, ни в ком не вызывая ни ревности, ни подозрений.

Корыстные мотивы тоже не просматривались. Ирина и ее отец жили на две свои зарплаты, в коммерческой деятельности участия не принимали, богатыми наследниками не были. Из драгоценностей в доме были две золотые цепочки, одна Иринина, другая — с кулоном — ее матери, и три обручальных кольца — самой Ирины и ее родителей. Как сказал отец, Ирочка предпочитала серебро, но и его было немного, хотя вещи отличались изысканным вкусом. Много денег Филатова тратила на книги, любила дорогую парфюмерию и особенно духи. Одежда, напротив, была недорогая и, как выразился Миша Доценко, повседневная. Нет, никаких признаков того, что в семье есть какие-то доходы, помимо зарплаты, не видно. Ни машины, ни дачи. Оставался невыясненным вопрос о деньгах на кооператив, которые Ирина будто бы должна была откуда-то получить. Отец об этих деньгах ничего не знал, как и вообще о том, что Ирина собиралась вступать в ЖСК: «Ирочка очень скрытная была. О радостных

событиях никогда не сообщала заранее, всегда постфактум. А о неприятностях тем более не рассказывала». Вопрос так и остался открытым, но был признан Ларцевым и Доценко потерявшим актуальность, так как история произошла, как выяснилось, в 1987 году, то есть пять лет назад.

Дело, казалось, зашло в тупик.

— С любовью и деньгами, этими двигателями прогресса, мы покончили, — глубокомысленно заявил Ларцев. — Переходим к менее волнующим проблемам.

С этими словами он положил перед Юрой Коротковым Настину записку.

— Займешься? Аська просит нарисовать ей Павлова из МВД России. Не знаешь, зачем?

— Какая разница? Просит — нарисуем.

Юра быстро выхватил у Ларцева записку, стараясь скрыть от товарища свою радость. Еще бы! Это же повод позвонить Людмиле! «Уймись, дурень, — мысленно осадил он себя. — Она про тебя и думать забыла. Очень ты ей нужен». Но на поверхность сознания чья-то коварная рука упорно выталкивала воспоминание о ее тихом голосе: «Я не шучу. Женитесь на мне».

Если правда, что деньги тянутся к деньгам, а беда — к беде (не зря же говорят: пришла беда

— отворяй ворота), то любовь должна тянуться к любви. Ибо влюбленный в свидетельницу Семенову сыщик Юра Коротков узнал из разговора с ней нечто такое, что позволило вновь поднять закрытый было вопрос об убийстве Ирины Филатовой на почве неразделенной любви.

Сотрудник Штаба МВД России полковник милиции Павлов Александр Евгеньевич, по утверждению Людмилы Семеновой, ухаживал за Ириной, причем делал это отчаянно и весьма своеобразно. Сначала были чуть ли не ежедневные посещения института с цветами и подарками, публичное целование ручек, приглашения всех сотрудников отдела на принесенный свежайший торт, восклицания: «Ирочка, я ваш раб! Ирочка, вы — совершенство!» Ирину это откровенно забавляло, она мило улыбалась, подшучивала над ухажером, но его это ничуть не обижало.

Внезапно все переменилось. Прекратились цветы, чаепития и комплименты. Павлов перестал наезжать в институт и превратился в злобного мальчишку, который дергает за косы и старается побольнее ущипнуть как раз ту девочку, которая ему нравится. Он буквально терроризировал Иру, постоянно придирался к подготовленным ею документам, без конца вызывал в министер-

ство. Но она все сносила, выдержки и терпения ей было не занимать. Штаб — основной заказчик на научную продукцию отдела, и ссориться с ответственными работниками было нельзя. Влюбленный Павлов стал притчей во языцех, а Ирину называли великомученицей и дружно ей сочувствовали.

— Я, помнится, даже сказала ей как-то: «Да отдайся ты ему один раз. Может, отстанет».

— А она что? — спросил Юра.

— Посмотрела на меня с такой яростью, что я даже оторопела. Лучше, говорит, нищему в подземном переходе отдаться, чем ему. Хотя, — добавила Люда, — Павлов внешне очень импозантный, ничего отталкивающего в нем нет. Этот бугай из академии, Богданов, на мой взгляд, в десять раз хуже. Что ж, сердцу не прикажешь, конечно, с кем миловаться — дело вкуса.

— А может, дело принципа? Знать бы только, какого. — Юра отодвинул пустую чашку из-под кофе и потянулся за пепельницей.

Они сидели в открытом кафе возле большой гостиницы, наслаждаясь предвкушением наступающего вечера, который принесет с собой прохладу.

— Людочка, вы не торопитесь? Расскажите мне

еще про вашу подругу, — попросил Коротков.

— Я не тороплюсь. Муж повез детей в Мариуполь, к родственникам. Десятого июля я уйду в отпуск и поеду, сменю его на родительской вахте.

Юра переваривал услышанное, стараясь сообразить, как ему воспользоваться полученной информацией. Неожиданно его собеседница добавила:

— Юрочка, не мучайте себя. У вас все на лице написано. У нас с вами вполне благополучные семьи. Я старше вас минимум лет на пять. Вы замучены и задерганы своей работой, а я устала от бесконечных конфликтов дома. Если вы согласны с тем, что в жизни должны быть светлые пятна, то на время до десятого июля вы можете рассчитывать.

— А потом? — глупо спросил Коротков, не в силах оторвать взгляд от ее глаз.

— А про «потом» не будем загадывать. Жизнь длинна и непредсказуема. Это, кстати, любимая Иркина фраза.

Глава 4

В пятницу, девятнадцатого июня, Гордеев вызвал Игоря Лесникова.

— Что по делу Ковалевой?

— Как мы выяснили, судью и второго заседателя пока никто не беспокоил. В тексте приговора указаны трое свидетелей, дававших на суде показания против Шумилина. Двадцать четвертого мая тысяча девятьсот восемьдесят девятого года избит сын свидетеля Калинникова, дело не раскрыто, числится за сотым отделением милиции. Двадцать четвертого мая тысяча девятьсот девяностого года ограблена девочка четырнадцати лет, дочь свидетельницы Тодоровой. У нее отняли золотую цепочку и серьги, карманные деньги, сняли американскую куртку и импортные кроссовки. Дело «висит» на семьдесят четвертом отделении. Двадцать четвертого мая тысяча девятьсот девяносто первого года избит и ограблен внук свидетеля Пожидаева, территория сто семидесятого, тоже не раскрыто. В нынешнем году — Наташа Ковалева. У меня сомнений нет, Виктор Алексеевич. Таких совпадений не бывает.

— Согласен. Этот Шумилин далеко не дурак, хотя и сволочь изрядная. Самих свидетелей не трогает, боится, что они его опознают, они же его на суде видели, да и во время аварии тоже. Можно было зло на женах и мужьях вымещать — так нет, он детей выбирает. А знаешь, почему? Потому, что дети скажут, что он большой взрослый дядька, для них все, кто старше пятнадцати, глубокие старики, а любой, кто выше ростом, кажется огромным. Ты этого Шумилина видел сам-то?

— Глянул издалека, — усмехнулся Лесников. — Вы правы на все сто процентов. Ему двадцать три года, невысокий, худенький, внешне — пацан пацаном. Между прочим, за рулем, хотя его по суду прав лишили. Дядюшка, видно, постарался.

— Значит, так, Игорек. Попали мы с тобой между двух огней. Виталий Евгеньевич Ковалев, советник вице-премьера Аверина, спит и видит, когда парламент потребует отставки премьера. У его шефа Аверина в этом случае хорошие шансы самому стать премьер-министром. Ну и с ним вместе Ковалев поднимется. Уж не знаю, в курсе Аверин или нет, но Ковалев ведет активную работу в парламенте, опираясь на депутатскую фракцию, ратующую за снятие всех барьеров на

пути западного капитала в нашу страну. На эту агитработу, как ты понимаешь, нужны деньги, и деньги дает ему президент Фонда поддержки предпринимательства некто Виноградов. Лучшие, можно сказать, друзья и соратники по политической борьбе. Если сказать Ковалеву, что его дочку изнасиловал родной племянник Виноградова… Ну, как ты думаешь, что нам с тобой ответит Ковалев?

— Что нас гнать надо поганой метлой. Что мы не умеем раскрывать преступления, что хватаем первого, кто под руку попадается, что у нас по тюрьмам одни невиновные сидят, а матерые преступники гуляют на свободе. Весь джентльменский набор.

— Молодец. А что нам скажет следователь?

— Это смотря по тому, какие доказательства мы ему найдем. Дело находится в производстве у Ольшанского, он мужик вообще-то крепкий. Может, он и не испугается Ковалева.

— Может, и не испугается. — Гордеев погрыз дужку очков. — Может, и не испугается, — повторил он задумчиво. — Ладно, поезжай к следователю, расскажи ему все побасенки про шумилинскую вендетту. Пусть начнет работать с потерпевшими по прошлым делам. Детки, ко-

нечно, будут напуганы, да и время прошло, но — вдруг что-нибудь получится. Про Виноградова пока помолчим. Для Ольшанского Шумилин — ранее судимый, и все. Хоть следователь у нас и крепкий мужик, но пугать его раньше времени не будем. Пусть он сам тебе скажет, какие ему нужны доказательства, чтобы предъявить Шумилину обвинение и чувствовать себя уверенно. А уж мы тут придумаем, как эти доказательства добыть.

После ухода Лесникова Виктор Алексеевич вскочил и покатился упругим мячиком по кабинету, огибая длинный приставной стол для совещаний. Не ошибся ли он, пытаясь скрыть от следователя информацию? Собственно, информация эта для расследования не нужна, но все же, все же… Не получается ли, что он подставляет Ольшанского под удар, которого тот не ждет? А какой такой удар? Что особенного грозит Ольшанскому? Неприятный разговор с отцом потерпевшей? Не факт. Ковалев вполне может оказаться порядочным человеком и не будет чинить следствию никаких препятствий. Почему он, Гордеев, заранее против него настроен? Да и Ольшанский не из пугливых, тут Лесников прав. Чем его так уж сильно можно напугать? А вдруг

это не Шумилин? Вдруг они ошибаются? Совпадений много? Гордеев хмыкнул. За четверть века в розыске он узнал, какие невероятные, какие неправдоподобные бывают совпадения. Из-за этих совпадений жизнь и судьба честного человека не раз висят на тонюсеньком волоске. И бывает, к сожалению, что волосок рвется. Бывает.

Гордеев подкатился к креслу, снял телефонную трубку. Удар надо принимать на себя.

— Константин Михайлович? Приветствую. Гордеев.

— День добрый, Виктор Алексеевич. Рад вас слышать, — раздался в трубке слегка картавый говорок Ольшанского.

— Константин Михайлович, к вам сейчас мой Лесников приедет насчет Наташи Ковалевой. У нас тут идейка одна появилась, он вам расскажет. Но пока все очень приблизительно. Хочу вас попросить, вы мне напишите отдельное поручение на допрос отца потерпевшей. Лесников как раз и захватит. Все-таки версия очень спорная, так я уж сам отдуваться буду. Чтобы вам не краснеть, если мы ошиблись.

— Я, Виктор Алексеевич, краснеть давно разучился, — усмехнулся в трубку Ольшанский. — Но

Ковалева к вам с большим удовольствием переадресую. Он каждый божий день мне звонит, отчета требует, как мы ищем насильника. Вот вы заодно перед ним и отчитаетесь. Я сегодня звонил в клинику, где лежит девочка, врач сказал, что прогноз благоприятный, есть надежда, что она со дня на день заговорит.

— Понял, — коротко ответил Гордеев. — Там будет дежурить кто-нибудь из моих ребят, чтобы момент не упустить. Спасибо.

Положив трубку, Гордеев прикинул, сколько времени ему понадобится на подготовку к визиту Ковалева. Лукавил хитрый Колобок, когда просил требование на допрос. Никакой допрос ему был не нужен. Ему нужен был Ковалев здесь, вот в этом кабинете, нужна была его реакция на фамилию Шумилина. А как иначе можно заполучить Ковалева, не открывая перед следователем все карты?

Виктор Алексеевич решил сначала покончить с другими неотложными делами, в числе которых была и проверка версий по делу Филатовой.

Поскольку никого из работающих по этому делу на месте не оказалось, Гордеев вызвал к себе Каменскую. Настя подробно рассказала ему обо всем, что сделано.

— С корыстным мотивом на сегодня мы закончили, от «ревности» остался маленький хвостик, Доценко сейчас доделывает.

— И потом что?

— Потом перейдем на второй уровень сложности.

— Соображения есть?

— Ну… — Настя помялась. — Есть кое-что. Последний любовник Филатовой работает в Интерполе. Наркотики, оружие, контрабанда — сами понимаете, вещи серьезные. Может быть, Филатова — средство давления на этого Идзиковского. Все отмечают, что последние два-три месяца она была чем-то подавлена, расстроена. Ее начальник связывает это со сложными отношениями с руководством, с сотрудниками министерства. Но не будем забывать, что Филатова была особа очень скрытная. Не исключено, что перемена настроения была связана с тем, что ей или Идзиковскому угрожали, может, их шантажировали.

— Годится, — одобрительно кивнул Гордеев. — Еще что-нибудь есть?

— Еще есть версия о мести, так сказать, на научной почве. Но, — Настя сделала выразительный жест рукой, — это уже больше ста. Это уже почти

двести.

…Когда-то давно Гордеев спросил у Насти, как ей удается выдвигать порой совершенно невероятные версии. Она тогда ответила, что версии кажутся невероятными только тем, у кого мышление физика. Физик проверяет первые 99 чисел, убеждается, что все они меньше 100, из чего и делает вывод, что вообще все числа меньше 100. Ведь 99 экспериментов — вполне достаточно для научного вывода. А у нее, Насти, мышление гуманитария, испорченного математикой, а для математика все числа равноправны и имеют равную вероятность проявления — и бесконечно большие, и бесконечно малые…

— Доценко с манекенщицей закончил, так что Идзиковского будут разрабатывать он и Ларцев. Коротков пока занят Плешковым, так что свои «двести» будешь отрабатывать сама, — заключил Гордеев. — Я позвоню в институт, тебе привезут все бумаги Филатовой.

— Только все-все, Виктор Алексеевич, из сейфа, из стола, из дома. Все до последней бумажки. И настольный календарь. И записные книжки.

— И черта лысого в ступе, — засмеялся Гордеев. — Ладно, иди.

* * *

Пока полковник Гордеев готовился к беседе с советником вице-премьера Ковалевым, а Настя заканчивала ежемесячный аналитический отчет в ожидании, когда ей привезут бумаги Филатовой, долговязый красавец Миша Доценко ехал из здания Министерства внутренних дел на Житной к себе на Петровку. Он только что закончил беседу с Александром Евгеньевичем Павловым, неудачливым поклонником Ирины Филатовой, и остался этой беседой крайне недоволен.

Во-первых, он был недоволен собой, так как не посмел достать диктофон. Уж очень надменным и вальяжным оказался полковник Павлов. Конечно, если бы у сыщиков были миниатюрные магнитофоны с достаточно чувствительным микрофоном, которыми можно пользоваться, не вынимая их из кармана, тогда другое дело. А с такой допотопной техникой, как у них, не работаешь, а только позоришься.

Во-вторых, он был недоволен Ириной Филатовой, которая, как выяснилось из беседы с Павловым, и с ним находилась в близких отношениях. Миша по молодости лет еще не избавился от романтического отношения к женщинам и

особенно к любви. Ему очень понравился дружелюбный, интеллигентный Кирилл Идзиковский из Интерпола, и он искренне негодовал на покойную за то, что она могла изменять такому отличному парню с этим самоуверенным холеным Павловым.

И в-третьих, деликатный Миша был недоволен самим Павловым, который не только, нимало не смущаясь, тут же признался, что состоял с Филатовой «в интимной связи», а более того, даже как бы хвастался тем, что сумел завоевать, сломить сопротивление этой строптивой красавицы. Особенно разозлило Мишу то, что Павлов оказался кандидатом юридических наук. Он хорошо помнил, как, со слов Захарова, отзывалась Ирина о министерских чиновниках с учеными степенями…

Жара стояла такая, что даже метро, где обычно бывало прохладно, наполняла противная влажная духота. Рубашка прилипала к спине, по ногам под легкими брюками медленно стекали щекочущие капельки пота. Миша, забившись в угол вагона, постарался отвлечься от недовольства и повторял в уме показания Павлова, чтобы как можно точнее изложить разговор Каменской. Перед Настей Миша Доценко благоговел, называл ее

Анастасией Павловной и ужасно стеснялся того, что она обращалась к нему на «вы». Ему казалось кощунственным называть это интеллектуальное божество Аськой…

Но какой же все-таки мерзкий этот Павлов! «Мы с Ирочкой давно знакомы. Когда она готовила кандидатскую, приезжала к нам в Сибирь собирать материалы. Я ей, конечно, посильную помощь оказывал, сами понимаете, без звонка от руководства никто никаких сведений не даст. И уж тем более в колонию не пустят, а ей нужно было с осужденными беседовать. Ну а когда я собрался диссертацию писать, я уже был тогда начальником следственного отдела, Ирочка мне советами помогала, книги рекомендовала. В общем, знакомство у нас старинное. А с прошлого года, как меня в Москву перевели, дружба наша возобновилась. Не сразу, не сразу, согласен, драться пришлось за Ирочку, бороться…» Я, Я, Я! Как будто Доценко пришел не о погибшей женщине говорить, а писать биографию Александра Евгеньевича Павлова, выдающегося борца с преступностью! Да, но ревностью здесь и не пахнет. Этот самовлюбленный самец даже и мысли не допускает, что его могли обманывать. Он честно дрался за свою добычу, и добыча эта принадле-

жит ему безраздельно. Осталось проверить, что он делал в ночь с двенадцатого на тринадцатое июня, и версию «ревность» можно с чистой совестью похоронить.

По мере того, как Доценко пересказывал Насте Каменской все детали разговора с Павловым, ее лицо каменело.

— Кажется, я опять ошиблась. — Настя огорченно покачала головой. — Спасибо вам, Миша.

Не оттого расстроилась Настя, что надежда на Павлова как на возможного убийцу-ревнивца не оправдалась. Настя сожалела, что ошиблась в Ирине Филатовой. Положив перед собой ее фотографию, Настя всматривалась в лицо Ирины. Короткие темные волосы, модельная стрижка, высокие скулы, красивый разрез глаз, короткий нос, очаровательный неправильный рот, невыразимо женственная улыбка. «Неужели ты меня обманула, Ирочка? — думала Настя. — Мне казалось, я знаю тебя, я тебя чувствую, как будто ты много лет была моей подругой. Я думала о тебе пять дней, я была уверена, что поняла твой характер. Я мысленно разговаривала с тобой, задавала тебе вопросы и слышала твои ответы. А ты на самом деле совсем другая? Ты не только ловко морочила голову своим возлюбленным, но

и лгала своей близкой подруге Люде Семеновой, когда говорила, что лучше переспишь с нищим в подземном переходе, чем с Павловым. Ты обманывала своего начальника, когда приезжала расстроенная якобы из министерства и говорила, что это Павлов тебя разозлил. А куда же ты, голубушка, ездила на самом деле? После каких свиданий ты возвращалась на работу в состоянии, близком к истерике? Где же твое настоящее лицо, Ирочка Филатова?»

Настя, вздохнув, убрала фотографию и начала разбирать два огромных бумажных мешка, в которых привезли содержимое сейфа и стола Филатовой. До конца рабочего дня оставалось два часа.

* * *

До конца рабочего дня — пятницы, девятнадцатого июня — оставалось два часа. Гордеев закончил подготовку к визиту Ковалева и, взглянув на часы, решил, что сегодня, пожалуй, беседа уже не состоится. Он не хотел звонить Ковалеву и приглашать его к себе, он ждал, пока тот после очередного звонка Ольшанскому объявится сам.

И Ковалев объявился. Худощавый, подтянутый, с густыми, откинутыми назад волосами

цвета спелой пшеницы, элегантный, в безукоризненном костюме и при галстуке, несмотря на изнуряющую жару. «Небось не только кабинет, но и машина с кондиционером, — подумал Гордеев. — Никакая жара ему не страшна. Ничего, у меня в кабинете быстро вспотеешь».

— Виталий Евгеньевич, — начал осторожно Гордеев, — я полагаю, что вы, как отец потерпевшей, имеете право знать, что мы делаем для того, чтобы найти и изобличить преступника. Если он до сих пор не задержан, то это не означает, что мы бездельники и не ищем его.

— Что вы, что вы, — быстро возразил Ковалев, — я совсем не имел это в виду. Я действительно ежедневно звонил Константину Михайловичу, но вы должны понять: я отец…

— Понимаю, — ласково поддакнул полковник. — Я ценю вашу деликатность, это, знаете ли, редко встречается. Я знаю, что вы не жаловались ни руководству Ольшанского, ни моему. По-видимому, вы с пониманием относитесь к нашим трудностям — нехватке кадров и чрезвычайно высокой нагрузке оперативно-следственного аппарата, и мы вам за это благодарны…

Колобок, привыкший говорить короткими рублеными фразами, написал этот изысканный

текст заранее и выучил наизусть. Он хотел усыпить Ковалева и создать у него впечатление, что «интеллигентные люди всегда смогут договориться».

— Поэтому, — продолжил Гордеев, бросив взгляд на лежащую перед ним шпаргалку, — я проинформирую вас о ходе оперативно-розыскных мероприятий, предпринятых по делу об изнасиловании вашей дочери. Во-первых…

Виктор Алексеевич добросовестно и нудно перечислял все, что в течение трех недель сделала группа, возглавляемая Игорем Лесниковым, сыпал цифрами, указывавшими на количество проверенных подростков, половых извращенцев, хулиганов, лиц, стоящих на различных учетах. Дабы не быть голословным, полковник даже достал из сейфа пухлый конверт и потряс им перед Ковалевым.

— Здесь фотографии всех, кого мы могли бы на сегодняшний день подозревать в совершенном преступлении. Как только ваша дочь поправится настолько, что сможет давать показания, эти снимки будут ей предъявлены для опознания. Видите, как их много? Проделана гигантская кропотливая работа! — Гордеев неловко махнул рукой, часть фотографий вывалилась из кон-

верта и заскользила по гладкой полированной поверхности стола прямо к Ковалеву. Виталий Евгеньевич с любопытством разглядывал лица на снимках.

— Будьте любезны, подайте, пожалуйста, фотографии, мне не дотянуться. — Смущенный своей неловкостью, Колобок быстро собирал снимки со стола.

Первый этап проехали благополучно, отметил про себя Гордеев. Ты подержал в руках фотографию Шумилина и не узнал его. Значит, ты его не помнишь. Немудрено, четыре года прошло, а таких Шумилиных у тебя, как у народного заседателя, не меньше десятка было. Фокус с нечаянно выпадающими из конверта фотографиями Виктор Алексеевич проделывал в своей жизни множество раз.

— Но, — Гордеев убрал конверт обратно в сейф и снова водрузил на нос очки, — среди всех этих людей есть один человек, в отношении которого подозрения особенно сильны, а улики особенно красноречивы. — Он сделал паузу. — Это некто Шумилин Сергей Викторович, 1968 года рождения, племянник президента Фонда поддержки предпринимательства Виноградова.

Ковалев замер, на скулах выступили красные

пятна, глаза судорожно заметались.

— Вы… вы уверены? — выдавил он.

Гордеев молчал, делая вид, что перебирает бумаги на столе.

— Нет, — снова подал голос Ковалев, — это какая-то ошибка. Я знаю Сергея… Сережу много лет. Это очень хороший мальчик. Серьезный, добрый, честный. Я, собственно, дружен с Виноградовым… Мы дружим домами… Повторяю, я прекрасно знаю Сережу. — Голос его окреп, он овладел собой и выбрал линию поведения. — Уверен, что это трагическая ошибка. Этого просто не может быть.

«Да, как же, знаешь ты его, — подумал Гордеев. — Может, и слышал от дядюшки, что у него есть племянник Сережа. Но Виноградов тебе наверняка не рассказывал, что племянник получил срок, хоть и условно, за пьяную езду. Иначе бы ты мне тут не пел сейчас, какой твой Сережа серьезный и честный».

Вслух же Виктор Алексеевич произнес:

— Вполне вероятно, что вы правы, Виталий Евгеньевич. Версия, как говорится, сырая, мы сами пока ни в чем не уверены. Я мог бы и не говорить вам всего этого, и вы были бы избавлены от лишних волнений, тем более если версия не

подтвердится.

— Я уверен, что не подтвердится, — быстро встрял Ковалев.

— Но я полагал, — мерно продолжал гнуть свое Гордеев, — что, как отец потерпевшей, вы имеете право знать, в каком направлении ведется расследование. Иными словами, я не вижу причин скрывать от вас какую-либо информацию. Поверьте, я вам искренне сочувствую, тяжело сознавать, что в преступлении подозревается родственник близкого друга. Но я еще раз подчеркиваю: версия сырая, подозрений у нас пока больше, чем реальных улик. Если ваша дочь его опознает — тогда другое дело. А посему у меня к вам просьба, Виталий Евгеньевич. Не надо пока выяснять отношения с Виноградовым. Он человек достаточно влиятельный, чтобы помешать следствию. Он захочет любыми средствами спасти своего племянника и может предпринять действия, которые помешают нам поймать насильника, свяжут нам руки, выбьют почву из-под ног. А вдруг Шумилин в самом деле невиновен? А Виноградов своими необдуманными действиями не даст нам выявить истинного преступника. Так случается очень часто. Я полагаюсь на вашу рассудительность, Виталий Евгеньевич.

Гордеев закончил свой заготовленный монолог. Он радовался, что ему удалось ни разу не сбиться с гладкого текста.

— И все-таки я уверен, что Сережа не имеет к этому никакого отношения, — уже у самых дверей повторил Ковалев.

Гордеев, вежливо поднявшийся, чтобы проводить посетителя, согласно кивнул.

— Дай-то бог, Виталий Евгеньевич, дай-то бог.

Вернувшись к столу, Виктор Алексеевич с удовлетворением поглядел на бланк выписанного следователем Ольшанским поручения на допрос Ковалева. «Вот и ладно, — подумал он. — А допрашивать я вас, товарищ Ковалев, буду тогда, когда вы начнете мне мешать. Если, конечно, начнете».

Полковник запер изнутри дверь кабинета, с облегчением снял галстук, расстегнул рубашку, включил вентилятор и подставил разгоряченное влажное тело под упругую струю воздуха.

Прежде чем уйти домой, Гордеев по обыкновению выяснил, кто из его команды чем занимается. На месте по-прежнему была только Каменская, остальные — в бегах. Среди прочего Виктор Алексеевич выяснил, что Юра Коротков успешно заканчивает дело об убийстве Плешкова, а Ми-

ша Доценко и Володя Ларцев начали работать с Интерполом, чтобы попытаться выяснить, не связана ли смерть Ирины Сергеевны Филатовой с международной мафией.

— Домой пора, Анастасия, чего ты тут высиживаешь? Время девятый час. Давай, давай, оторви задницу от стула, пойдем, пройдемся пешочком.

Настя сунула в необъятную сумку две толстые папки, принесенные из института, чтобы дома их просмотреть.

Полковник Гордеев и майор Каменская шли не торопясь по Бульварному кольцу и мирно рассуждали о том, что самая лучшая ложь — это недосказанная правда. А за ними высоко в выцветшем от жары небе плыло облачко, то самое, которое витало над Виктором Алексеевичем уже несколько дней. Только было это облачко уже не таким легким и не таким светлым, как раньше. Но ни Гордеев, ни Настя его не заметили.

* * *

В субботу, прочитав очередную порцию привезенных из института материалов и выйдя с работы, Настя Каменская не пошла, как обычно, в сторону метро, а уселась за столик открытого павильона-закусочной, расположенного как раз

в том месте, где Петровку пересекает бульвар. После неудачного падения в гололедицу у Насти побаливала спина, и носить тяжести ей было трудно. Чтобы не ехать на работу в воскресенье и при этом не потерять драгоценного времени, она нагрузила сумку бумагами Филатовой и договорилась с Лешей, что он за ней заедет. Леша в отличие от своей подруги не отличался умением планировать маршруты и рассчитывать время, поэтому Настя, взяв в павильончике чашку кофе и стакан сока, раскрыла толстую переплетенную рукопись и приготовилась к долгому ожиданию.

Рукопись оказалась кандидатской диссертацией Филатовой, и Настя с одобрением отметила не просто хороший, а какой-то легкий стиль изложения. Отслеживая путь движения информации от момента совершения преступления до момента попадания в уголовную статистику, Ирина словно рассказывала увлекательную приключенческую повесть, где главного героя на пути к заветной цели подстерегают коварные враги: незнание закона, недоверие к органам милиции, жалость к преступнику и многие, многие другие. Так легко и красиво мог писать только человек, по-настоящему разбирающийся в проблеме и увлеченный ею. Настя перелистала таблицы,

приведенные в приложении, и смутное, неясное пока беспокойство закралось в ее расплавленный на жаре мозг. Но Настя не успела его ощутить, потому что за соседний столик усаживалась женщина, приковавшая ее внимание. Свыкшаяся с собственной невзрачностью, Настя остро реагировала на чужую красоту, не уставала восхищаться ею и даже наслаждаться. Вот и теперь она пристально рассматривала незнакомку, не забывая обращать внимание и на ее спутника.

Женщина была по-настоящему красива: высокая, стройная, с густыми темно-рыжими, почти каштановыми волосами, тяжелым покрывалом лежащими на плечах и спине. Движения ее были порывистыми, словно она с трудом сдерживала рвущиеся наружу энергию и темперамент. Вот она закинула ногу на ногу, и было в этом некое обещание, томительное и неопределенное. Ее спутник весь подался вперед, но взял себя в руки и расслабленно откинулся на спинку колченого стула. Вот женщина запустила руку с наманикюренными пальцами в волосы, как большим гребнем провела сверху вниз. Сверкнул на солнце бронзовый лак ногтей, и будто язычки пламени вспыхнули в роскошной темно-рыжей гриве. Иногда женщина встряхивала головой, и бежала

по ее длинным волосам волна, плавно переходя на спину и добегая, чудилось Насте, по ногам до самых кончиков пальцев в открытых босоножках. Страстная, распространяющая вокруг себя какую-то огненную ауру, женщина напоминала Насте молодую норовистую кобылу с длинной рыжей гривой и мускулами, играющими под холеной лоснящейся кожей. Она жадно впитывала каждый жест красавицы, чутким ухом ловила хрипловатый смех и немного странные интонации. Обладая абсолютным слухом и хорошо разбираясь в иностранных языках, Настя подумала, что так интонируют фразы только англичане, хотя женщина говорила по-русски бегло и без малейшего акцента. «Скорее всего долго жила за границей», — подумала она, с сожалением заметив почти бегущего по аллее Лешу.

Оставшуюся часть субботы и все воскресенье Настя провела, лежа на полу (даже тех нескольких сотен метров, которые ей пришлось тащить неподъемную сумку, оказалось достаточно, чтобы спина снова разболелась) и обложившись документами и рукописями, черновиками и расчетами Ирины Филатовой. Ирина была человеком аккуратным, писала красивым четким почерком и даже черновые графики и рисунки

вычерчивала по линейке на миллиметровой бумаге. Настя взяла в руки листок с надписью: «Следственная работа. Владимирская обл.». На графике фломастерами разных цветов прочерчены четыре линии, обозначенные: «Закончено расследованием», «Приостановлено», «Передано в суд», «Передано на общественность». Линия, обозначающая количество законченных дел, была почти прямой. Зато идущие до 1985 года параллельно линии «Передано в суд» и «Передано на общественность» вдруг стали резко расходиться в разные стороны, первая — вниз, вторая — круто вверх. Внизу под рисунком убористая приписка: «*Выяснить, не менялся ли в 1985 г. прокурорский корпус. Если нет, запросить карточки ф. 2*». Молодец, Ирина Сергеевна, одобрительно подумала Настя, хоть ты ни одного дня в следствии не работала, но знаешь, где что искать. Если уголовное дело прекращается с применением мер общественного воздействия, то либо виновный не представляет большой общественной опасности, либо следователь знает, что доказательства по делу слабоваты и в суде обвинение развалится, как карточный домик, либо прокуратура ужесточила требования к доказанности обвинения.

Настя внимательно просмотрела все материалы. Странно, но не удалось обнаружить никаких признаков того, что Филатова готовила монографию. Книга стоит в плане на текущий год, уже середина июня, а среди бумаг — ни черновиков, ни плана-проспекта, ни набросков — ничего. Открыв прочитанную еще вчера диссертацию, Настя вспомнила, что именно показалось ей выпадающим из общей картины.

— Леша! — крикнула она. — Принеси мне телефонный справочник, он на холодильнике.

Страстный любитель пасьянсов, Леша оторвался от «Могилы Наполеона», которую безуспешно раскладывал уже несколько часов, и, прихватив толстый справочник, зашел в комнату.

— Может, тебя поднять? — заботливо спросил он, зная, что, когда у Насти болит спина, она может либо лежать, либо стоять, но перемещаться из одного положения в другое ей приходится только с посторонней помощью.

— Пока не надо. И будь добр, подай мне во-он ту стопку блокнотов на столе.

Настя заглянула в телефонный справочник и стала медленно листать записную книжку и блокноты-ежедневники Ирины. Видно, Филатова была не очень-то общительна, не стремилась рас-

ширить круг знакомств. Судя по обнаруженному в книжке служебному телефону начальника информационного центра ГУВД, который ушел на пенсию еще в 1981 году, записи вносились на протяжении как минимум десяти-пятнадцати лет, и все Иринины знакомые, появившиеся за это время, вполне сюда уместились.

Не найдя того, что искала, Настя взялась за ежедневники. Обычные записи — отмечены совещания, необходимые звонки, дни рождения. Одна страница сплошь покрыта тщательно выписанными словами «Владимир Николаевич», то прописными буквами, то строчными, то печатными, то с завитушками и вензелями. Так бывает, когда сидишь на скучном собрании и делаешь вид, что записываешь. Интересно, кто такой этот Владимир Николаевич? Очередной поклонник? Ай да Ирочка!

Странное все-таки это дело, подумала Настя. Все время вылезает то, чего не ждешь, и упорно не находится то, что непременно должно быть.

— Лешик, подними меня! — попросила Настя и, уже стоя и облокотившись на кухонный шкаф-пенал, вдруг спросила: — Как ты думаешь, может человек быть скрытным, замкнутым и одновременно насквозь фальшивым?

— Теоретически, наверное, может, — кивнул Леша. — А практически — вряд ли. Это неэкономично.

— Поясни, — потребовала Настя.

— Если человек скрытный и замкнутый, то зачем ему врать и притворяться? Это же огромная затрата энергии. Проще ничего не говорить. Скрытность и замкнутость и откровенная фальшь — два разных способа достижения одной и той же цели: не дать окружающим узнать, какой ты на самом деле. Не открыться. Обычно человек выбирает только один способ, в зависимости от своего характера и стиля мышления. Оба одновременно плохо сочетаются, — произнес Леша, не отрываясь от карт.

— Вот и я так думаю.

А про себя Настя добавила: «Зачем же вы врете, Александр Евгеньевич? В диссертации Ирины нет ни единой цифры по Энской области, где вы изволили жить и работать. В ее записной книжке нет ни одного телефона с кодом Энска. И вашей фамилии там тоже нет. Ваши координаты записаны у нее на перекидном календаре, на листочке от 15 октября за прошлый год, но координаты новые, московские. И против них стоит большой вопросительный знак. Так зачем же вы говорите

нам неправду?»

К вечеру боль в спине почти совсем утихла, и Настя отправила Лешу домой в подмосковный Жуковский, клятвенно заверив его, что с укладыванием в постель и с утренним вставанием она справится сама.

Вытянувшись на спине под одеялом, Настя мысленно восстанавливала картину убийства Филатовой. Вот Ирина поднимается на девятый этаж, хлопает дверью лифта, отпирает квартиру. Просыпаются старики соседи. Ирина входит в темную прихожую, и здесь происходит нечто, пока не совсем понятное. Но к этому можно вернуться потом. Ирина теряет сознание, убийца кладет ее на пол в прихожей, снимает обувь и ставит ее под вешалку — следов мокрых кроссовок на кухне не обнаружено. Потом несет Ирину к плите, прикладывает ее руку к нужному месту. Сам он в резиновых перчатках, ему ток не страшен. Ирина получает электротравму и мгновенно умирает. Убийца хорошо слышал стук двери лифта и громкий щелчок замка, он понимает, что кто-нибудь мог и проснуться. Лишний шум для него опасен, поэтому он не дает телу Ирины свободно упасть на пол. Он наносит ей удар по затылку плоской поверхностью сиденья кухонной табуретки, что-

бы имитировать удар об пол, но не очень точно рассчитывает силу удара — он оказывается слабее, чем нужно. Осторожно кладет труп на пол, придает ему нужную позу. И уходит. Разумеется, у него были ключи, при помощи которых он попал в квартиру. Экспертиза не обнаружила на замке следов взлома. Он мог бы, уходя, запереть квартиру, но уж очень неудачным было время, он побоялся, что кто-нибудь услышит лязгающий звук замка. Поэтому он поднимает рычажок-«собачку», оставляя дверь плотно притворенной, но не запертой. Остается вопрос: отчего Филатова потеряла сознание, когда вошла в квартиру? В противном случае, если убийца ей незнаком, она бы подняла шум, и в любом случае, даже если в квартире был знакомый, — не стала бы снимать обувь, ведь ей надо отдать деньги Захарову. Что же сделал убийца? Хлороформ? Айрумян следов не обнаружил. Удар по голове? Тоже нет. Какой-нибудь парализующий газ? Все это не годится. Гурген — опытнейший эксперт, он не мог бы этого упустить. Так что же? Что же?

Глава 5

В понедельник, двадцать второго июня, едва Гордеев успел закончить оперативку, его вызвал к себе начальник. По его лицу Гордеев понял, что ничего хорошего не ожидается.

Генерал начал сразу на повышенных тонах:

— Чем вы там, черт возьми, занимаетесь?! Мне следователи телефон оборвали — жалуются на твоих ребят. Своевольничают, дерзят, язык распускают где не надо!

«Петраков, — подумал Виктор Алексеевич. — Недоволен, что не дали закрыть дело Филатовой. С этим ясно. Дальше что?»

— Отираются по академии, понимаешь ли, по институту, порядочных людей от дела отрывают! — продолжал выговаривать генерал. — Убийство сотрудницы из Дома моделей еле-еле вытянули, на последних секундах буквально. И вообще претензий к твоим ребятам много, а к тебе — особенно. Что за девицу ты у себя пригрел? Чем она у тебя занимается? Чай тебе заваривает да юбку задирает по первому требованию?! Хорошо устроился, Гордеев, ничего не скажешь!

Содержишь у себя под боком любовницу за офицерскую зарплату из государственного кармана. Что молчишь? Стыдно?

— Товарищ генерал, — осторожно начал Гордеев, — на меня или на Каменскую пришла анонимка?

— Да при чем здесь анонимка! — взорвался начальник. — Вся Петровка только об этом и говорит! Люди ночами не спят, ноги до мозолей стаптывают, язвы себе наживают, света белого не видят, а она сидит себе и бездельничает! Совесть ты совсем потерял, Виктор Алексеевич, вот что я тебе скажу! Вот ты приведи мне хоть один пример, чего это твоя Каменская сделала полезного? Ну? Хоть один пример!

«С этого бы и начинал, — зло подумал Гордеев. — Гадости про Настю вся Петровка, положим, не говорит, а те, кто говорит, делают это не первый год. И вы, любезный товарищ генерал, эти разговоры не вчера услышали. А вот то, что кто-то вас накрутил не далее как на днях, — вот это точно. Кто-то очень хочет узнать, чем мы занимаемся, а заодно и мне настроение испортить. А вы, товарищ генерал, попались на удочку, и теперь вас дергают за веревочку, как марионетку. Вы хотите меня побольнее ударить, чтобы я

начал оправдываться и раскрылся. Примеры вам нужны? Ох, не хотел я отдавать Настю, видит бог, не хотел, но очень уж сильно вы меня обидели, заподозрив в прелюбодействе».

— Что ты молчишь? — продолжал напирать генерал. — Ответить нечего? Или придумываешь на ходу, что бы такое хорошее про свою телку сказать?!

«Ну, благословясь!» — сказал сам себе Гордеев и быстро, взволнованно, словно оправдываясь и как бы выбалтывая под влиянием обиды свои маленькие тайны, поведал начальнику кое-что про роль Каменской в работе по делу об изнасиловании Наташи Ковалевой, и про Интерпол, и про многое другое…

По пути от начальника к себе Виктор Алексеевич заглянул к Насте. Та сидела, погруженная в филатовские бумаги, сосредоточенно вникая в их логику.

— Ты как себя чувствуешь, Стасенька?

Настя вздрогнула. Этим ласковым именем Колобок называл ее крайне редко, только в самые тяжелые или ответственные минуты.

— Хорошо. А что, плохо выгляжу?

— Нормально. — Гордеев помолчал. — Вокруг нас какая-то щука бьет хвостом. Я ее пока не

вижу, но волна сильная. Будем ее блеснить.

— Вокруг нас с вами? Или вокруг всех нас?

— Это мы и будем выяснять. Запирай-ка дверь, свари кофе, и начнем думать вместе.

* * *

Заказчик долго смотрел на лежащие перед ним папки — три зеленые и красную. В зеленых папках — чистовые экземпляры рукописи монографии Филатовой, в красной — текст, с которого печатался чистовик. Теперь все. Никогда эта книга не увидит свет, никто ее не прочтет. Сколько же нервов он потратил, сколько сил приложил, чтобы собрать эти четыре папки на своем столе…

В тот день, когда Заказчик понял, что Ирина знает правду, у него еще оставалась надежда на то, что она все простила. Были же эти слова насчет издательства, которое опубликовало бы книгу за гонорар! Он и думать не мог, что речь идет именно об этой книге. В тот же вечер поднял все свои связи в издательском мире, разрекламировал Ирину как редкостную умницу, блестящее перо (уж он-то знал, о чем говорит!), заручился обещаниями помочь с публикацией. Думал, завтра она привезет рукопись, он ее обрадует — и

вот он, шаг к примирению. Но она не приехала. Прислала папку со своим адъюнктом, якобы у нее много срочной работы. А он, Заказчик, прочитал первую страницу и почувствовал, как пол уплывает из-под ног. Не теряя ни минуты, помчался в институт.

— Зачем вы это делаете? — спросил он.

— А почему нет? — Ирина пожала плечами. — Я написала книгу, так почему я не могу ее опубликовать? Мне нужна монография для поступления в докторантуру. Что вас, собственно, не устраивает?

— Ира, я прошу вас, все что угодно… Сколько вы хотите?

— Денег? — Она почти не удивилась, словно была готова к разговору. — Вы же все равно не заплатите. — Ее губы искривились в усмешке.

— Я заплачу. Сколько?

— Я вам не верю. Вы — жадный. И потом, у вас нет таких денег. То, что пять лет назад стоило десять тысяч, сейчас стоит миллион. У вас есть миллион?

— Это неважно, я достану. — Сердце Заказчика колотилось тяжело и неровно. — Вы хотите миллион?

— Нет. От *вас,* — она сделала ударение на этом

слове, — я не хочу ничего. Один раз вы меня обманули, я не могу больше вам верить. И здравый смысл не позволяет.

— Какой здравый смысл?

— *Тогда* у вас были деньги, потому что вы брали взятки. Ведь брали же, правда? Но вы пожадничали. А сейчас вам взяток не дают — не за что. Старые запасы вы давно истратили, обустраиваясь на новой квартире. Где вы возьмете этот миллион? — Губы ее снова дрогнули, будто само слово «миллион» ее забавляло. — Старым, проверенным способом — взятками? Да кто вам их даст?! Даже если вы и придумаете, за что брать, вас поймают за руку раньше, чем вы наберете первую сотню тысяч. Сейчас к коррупции относятся очень серьезно, кому, как не вам, знать об этом.

— Как вам не стыдно, Ирина! Я никогда не брал взяток! — Он попытался возмутиться, не очень, впрочем, умело.

— Неужели? Хотите, я назову фамилии следователей, которые прекращали с вашего благословения уголовные дела по липовым справочкам о неизлечимом заболевании подследственного и которые с вами делились? Хотите? Дружко, Маслинский, Галактионов, Козлов. А Недовесов

не захотел играть в ваши игры и отдал под суд одного большого начальника, за что вы его и уволили. Разве не так?

— Кто вам наплел такие глупости, Ира? Разве можно верить тому, что люди болтают? Ай-ай-ай, Ирочка, вы серьезная женщина…

— Я — серьезная женщина, — перебила она холодно, — поэтому я не верю тому, что говорят люди. Я верю тому, что говорят цифры и документы.

— Какие цифры, какие документы? — залепетал Заказчик. — Побойтесь бога, Ира, что вы говорите?

— Это не ваша вина. — Она внезапно улыбнулась. — Вы почти все думаете, что мы ни на что не годимся, только штаны здесь просиживаем. Если бы вы и вам подобные дали себе труд вникнуть в нашу работу, вы бы поняли, как много мы умеем и можем. И не удивлялись бы.

— Вы не сможете это доказать, — твердо произнес Заказчик. — Все, что вы говорите, может быть, и правильно, но голословно.

— А я и не собираюсь ничего доказывать, — равнодушно ответила она. — Я хочу, чтобы вы четко видели перспективу. Когда вокруг вашего имени поднимется волна, обязательно поинте-

ресуются вашей деятельностью *того* периода. И найдут то, что нашла я. Вам это мало чем грозит, вы быстренько уволитесь, займетесь коммерцией, сейчас все так делают. Что у вас сейчас за должность — смех один. Будете зарабатывать раз в пять, а то и в десять больше. Одним словом, вы почти не прогадаете. Но во всем этом есть одно неприятное для вас обстоятельство. Из тех, кто давал взятки за незаконное прекращение против них уголовных дел, есть двое, которые взлетели сегодня слишком высоко. Этих двух уголовных дел в архиве нет, вы предусмотрительно позаботились о том, чтобы их уничтожили. Дела были якобы украдены, а сотрудница архива получила выговор. Но на эти дела в информационном центре были в свое время выставлены карточки, про которые вы забыли. А в карточках есть и фамилия следователя, и фамилия подследственного. Вы поздно спохватились. Когда по вашему указанию изымали карточки, с них уже были сделаны фотокопии. Так что если вокруг вас поднимется скандал, то эти двое пострадают в первую очередь. И они вам этого не простят.

— А если скандала не будет? — спросил он пересохшими губами. Все, что она говорила, было правдой. Заказчик прекрасно это осознавал. —

Может так случиться, что ваша книга выйдет — и ничего не произойдет?

— Так не случится, это я вам гарантирую. У меня есть право научного руководства, двое моих учеников уже успешно защитились. И сейчас у меня есть адъюнкты. Они добросовестно читают все, что я им рекомендую. А уж прочитать книгу своего научного руководителя сам бог велел. Не один — так другой, кто-нибудь обязательно заметит то, что вы так старательно пытаетесь скрыть. Вот такая, Владимир Николаевич, пьеса из научной жизни.

— Вы меня шантажируете?

— Нет. — Она удивленно взмахнула ресницами и округлила глаза. — Нет, ни в коем случае.

— Чего же вы хотите? Зачем все это?

— Вы мне неприятны. — Она сказала это просто, как будто отвечала на вопрос «Который час?». — Я вас ненавижу за то, что вы меня обманули. Я хочу вас уничтожить.

* * *

— Анастасия Павловна, я прошу меня понять: погибла наша сотрудница, офицер, талантливый ученый. Вполне естественно, что я интересуюсь ходом следствия, тем более что я лично знал

Ирину Сергеевну.

Настя внимательно слушала сидящего перед ней мужчину. Начинающий полнеть, чуть лысоватый, лицо хорошее, породистое, отметила она. Нос с горбинкой, тяжелый подбородок, твердый рот. Под глазами синева. Пожалуй, Доценко погорячился, этот Павлов вполне достойно держится, да и внешность приятная. Похоже, он понял, что с Мишей взял неверный тон, и пришел исправлять впечатление.

— К сожалению, мне пока нечего вам сказать, Александр Евгеньевич. Могу утверждать определенно, что Филатову убили не из ревности и не из-за денег. Но это, увы, пока все, что мы знаем точно. Конечно, могут открыться и новые обстоятельства. Тогда мы вернемся к этим версиям.

— Я боюсь показаться вам надоедливым, но… Вы позволите мне приходить к вам, узнавать, как идут дела? Вы ведь знаете, — он пристально посмотрел Насте в глаза, — я любил Ирину. Очень любил. Я был готов пойти на развод, но она и слышать не хотела, говорила, что все равно негде будет жить.

— Александр Евгеньевич, — дружелюбно улыбнулась Настя, — вы много лет знали Ирину Сергеевну. Расскажите мне про нее. Вы же пони-

маете, нам важна каждая мелочь, каждая деталь.

— Что вам рассказать? — вздохнул Павлов. — Ирочка была… Да разве это расскажешь? Чудесная, очаровательная, нежная… — Было видно, что он не на шутку разволновался, руки задрожали, кадык дернулся над узлом галстука. — Не могу, простите.

Он поднялся. Взглянул на часы. Вымученно улыбнулся Насте.

— Давайте заключим с вами маленькую сделку, Анастасия Павловна. Вы мне разрешите приходить и спрашивать про ход расследования, а я за это буду рассказывать вам про Ирочку. Договорились?

— Хорошо. Приходите, буду с нетерпением ждать ваших рассказов.

Почти столкнувшись с Павловым в дверях, к Насте влетел разъяренный Гордеев.

— Знаешь, где сейчас Шумилин? В клинике неврозов. Ковалев, конечно же, побежал к своему дружку и все рассказал. А Виноградов даже ничего выяснять не стал, видно, знает отлично, какая сволочь его родственничек и чего от него можно ожидать. Запихнул в психушку от греха подальше, чтобы мы его не достали.

— Интересно, а Ковалев об этом знает? Ситуа-

ция-то пикантная. Виноградов, с одной стороны, друг, а с другой — укрывает насильника его же родной дочери. По сути одно то, что парень согласился на госпитализацию, в глазах Ковалева должно быть признанием в том, что он виновен.

— Верно, — согласился Гордеев. — Виноградов должен бы, по идее, скрывать это от Ковалева.

— Попробуем узнать кое-что. — Настя набрала номер телефона. — Будьте добры Эллу Леонидовну. — Прикрыв трубку рукой, она пояснила Гордееву: — Моя приятельница. Работает в клинике неврозов. Мы с ней вместе курс психодиагностики у Березина слушали… Эллочка? Здравствуй, это Настя Каменская.

Обменявшись любезностями, Настя попросила, если возможно, выяснить, по чьей протекции госпитализировали Шумилина Сергея Викторовича, 1968 года рождения. Элла обещала перезвонить.

Долгожданный звонок раздался в самом конце дня. Настя поговорила с Эллой и, озадаченно покачав головой, зашла к Гордееву.

— Шумилина в клинику устраивал лично сам Ковалев Виталий Евгеньевич.

— Подонок, — тихо пробормотал Виктор Алексеевич. — Ну, мы еще поглядим, кто кого.

И этот понедельник, двадцать второе июня,

был таким же жарким, как все предыдущие дни. И снова, чуть приволакивая распухшие от жары ноги, Настя Каменская, не выносившая толпы и духоты, медленно брела мимо автобусных остановок домой. Она думала о том, что в русском языке слово «правда» — только одно, а слов, противоположных по значению, куда больше: «обман», «ложь», «неправда», «вранье». Может, потому, что правда — проста, а ложь многолика? Настя стала перебирать в уме синонимы этих слов на всех известных ей языках. Поглощенная своими лингвистическими изысканиями, она не заметила невысокого смуглого человека в очках, который на некотором отдалении следовал за ней от самой Петровки. Если бы с Настей рядом был Юра Коротков, он бы наверняка узнал этого человека. Но Юры не было, а обнаруживать наблюдение Настя не была приучена.

* * *

Во вторник ситуация неожиданно обострилась. Насте позвонил Дима Захаров, сообщил, что агентство, в котором он работает, получило заказ на сведения об Ирине Сергеевне Филатовой. Заказ передан, естественно, через посредника, да и самого посредника шеф все равно не назовет.

Имя клиента — профессиональная тайна. Обычно ленивая и медлительная, Настя пулей влетела в кабинет к Гордееву.

— Виктор Алексеевич, у меня на телефоне Захаров из частного охранного агентства. Кто-то интересуется биографией Филатовой.

— Да? — Колобок сунул в рот дужку очков. — Любопытно. Какие будут суждения?

— Если уж нам так повезло с Захаровым, я думаю, есть смысл этим воспользоваться. Надо спеть им какую-нибудь песенку.

— Врать нехорошо, Анастасия, — пошутил Колобок.

— Это не ложь, а дезинформация. Зачем нам мучиться, устанавливая клиента, когда можно просто посмотреть, где нашу песенку будут повторять.

Настя вместе с Захаровым начала сочинять биографию Ирины, стараясь гармонично сочетать общеизвестные факты с изящной выдумкой.

А Виктор Алексеевич Гордеев вызвал к себе Ковалева.

— Виталий Евгеньевич, мне казалось, что в прошлый раз мы поняли друг друга. А вы меня подвели, нарушили нашу договоренность. Как же так? — мягко и вкрадчиво начал Колобок.

— Я вас не понимаю, — надменно ответил Ковалев.

— Вы разве не сообщили Виноградову о наших подозрениях в адрес его племянника? — невинно осведомился полковник.

— Я не счел возможным скрывать от него, — с достоинством произнес Виталий Евгеньевич.

— Могу я узнать, что вам ответил на это Виноградов?

— Вы что, допрашиваете меня? — возмутился Ковалев. — Почему я должен докладывать вам, что мне говорят мои друзья в личной беседе?

— Не должны, — мирно согласился Гордеев. — А вам не показалось странным, что Виноградов тут же госпитализировал племянника с таким диагнозом, который исключает проведение в отношении его процессуальных действий?

— Я вас не понимаю, — повторил Ковалев. — Сережа болен, очень болен, у него глубочайшая депрессия. Он нуждается в лечении и врачебном надзоре.

— Это понятно, — согласно кивнул Гордеев. — И на почве чего у него такая глубокая депрессия?

— Трагедия в личной жизни. — В голосе Ковалева послышалась уверенность. — Любимая девушка обошлась с ним незаслуженно жестоко,

а в этом возрасте, сами знаете, когда рушится любовь — рушится мир.

Виктор Алексеевич сочувственно поцокал языком.

— Надо же, как бывает. Такой красивый, статный парень, косая сажень в плечах, девушки должны его обожать.

— Да-да, — оживленно подхватил Ковалев, — так всегда и бывает, но вот сошелся свет клином на одной — и вся жизнь прахом.

Гордеев помолчал, потом очень тихо спросил:

— Виталий Евгеньевич, вы не испытываете неловкости?

На самом деле Гордееву хотелось крикнуть во весь голос: «Неужели вам не стыдно?!»

— Неловкости? Почему? — Ковалев закинул ногу на ногу, видимо, полагая, что можно расслабиться после успешного прохождения подводного рифа.

— В прошлый раз я выразил уверенность в том, что вы с пониманием относитесь к трудностям нашей работы, и даже поблагодарил вас за это. Теперь признаюсь: я вас обманывал. Я знал, что вы не уважаете нас, работников милиции, что вы в грош нас не ставите. Может быть, такое ваше отношение распространяется только на одного

меня? Вероятно, я кажусь вам толстым нелепым недотепой? В пятницу вы на моих глазах рассматривали фотографию, на которой запечатлен ваш Сережа, и не узнали его. Вы никогда не видели племянника вашего друга Виноградова. Более того, Виноградов — не такой уж близкий ваш друг, если не счел нужным поделиться с вами, что этот Сережа, управляя автомобилем в пьяном виде, искалечил двух человек и был за это осужден. А вы клялись мне, что он — серьезный, добрый мальчик. Вы можете возразить мне, что транспортное происшествие — это несчастный случай, который может иметь место и с самыми порядочными людьми. В другой ситуации я бы с вами согласился. Но речь сейчас не об этом. Вы не только лгали мне в прошлый раз. Вы сочли себя таким ловким, а меня — таким глупым, что за прошедшие три дня даже не потрудились взглянуть на Шумилина, которого своими же руками уложили в больницу, от нас подальше. Шумилин никогда не был статным красавцем, его никогда не любили девушки, а вы, если следовать вашей легенде, должны были бы это знать. И я хочу, Виталий Евгеньевич, чтобы вы объяснили мне, зачем вы все это делаете? К чему такое нагромождение лжи?

— Если это не допрос, я позволю себе откланяться, — холодно произнес, вставая, Ковалев.

— Нет, — резко осадил его Гордеев. — Я еще не закончил. Сергей Шумилин был осужден четыре года назад, двадцать четвертого мая тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года. После этого каждый год двадцать четвертого мая в отношении детей и внуков свидетелей, дававших показания в суде, совершались преступления. В нынешнем году жертвой стала дочь народного заседателя Ковалева Виталия Евгеньевича. Хочу отметить, что преступления из года в год становились все более опасными, от побоев до изнасилования. Впереди — семьи судьи и второго заседателя. Неужели вам не страшно, Виталий Евгеньевич? Если преступления совершил Шумилин, то вы спасаете от следствия опасного человека, который в следующем же году совершит еще одно изнасилование, а то и убийство.

— Я не желаю слушать эту чушь!

Белый как снег Ковалев направился к двери.

— Постойте! — окликнул его полковник. Ковалев медленно обернулся, как будто каждое движение причиняло ему невыносимую боль.

— Я понял, что взывать к вашим гражданским чувствам бесполезно. Но вспомните хотя бы, что

вы — отец.

Едва шевеля губами, Ковалев произнес:

— Сережу я вам не отдам.

* * *

Работа над жизнеописанием Ирины Филатовой шла вдохновенно. Приехавший на Петровку Дима Захаров склонился вместе с Настей над длинной «простыней», склеенной из нескольких листов, вдоль которой была прочерчена толстая, размеченная на годы линия.

— Знать бы, что интересует нашего клиента — вся ее жизнь или только конкретный период? — вздыхал Дима. — Сколько лишней работы делаем!

— Нельзя быть таким ленивым, — строго сказала Настя.

— Ой-ой-ой, кто бы говорил! — насмешливо протянул Захаров, распрямляя плечи и с хрустом потягиваясь. — На себя посмотри, труженица. Кипятильник, сейф, машинка — все на расстоянии вытянутой руки, только чтобы лишний раз не вставать. Тебе лень даже до урны дойти — пепельницу вытряхнуть.

Настя расхохоталась.

— Это точно. О моей лени легенды ходят. Но на

умственную деятельность это не распространяется. Ближе к делу, Захаров. Правдивые куплеты мы с тобой сочинили. Теперь надо придумать припев. Припев у нас будет вот здесь, — Настя красным карандашом обвела точку на хронологической линии, — здесь и еще вот тут.

— Почему именно здесь?

— Ну, считай, что мне так захотелось, — уклончиво ответила Настя. — Тебе-то не все ли равно?

Конечно, Настя Каменская была далеко не так недоверчива, как Колобок. Зато она была куда более расчетлива. Не имея возможности проверить слова Захарова о мифическом клиенте, она на всякий случай сделала солидный «допуск» на неискренность Дмитрия. Истории из жизни Филатовой, которые она назвала «правдивыми куплетами», отнюдь не всегда соответствовали действительности.

Сочиняя «припев», Настя старалась неуклонно соблюдать два правила. Во-первых, придуманные детали не должны казаться странными и не соответствующими характеру Ирины. Во-вторых, они ни в коем случае не должны случайно оказаться правдой.

В разгар работы позвонил Доценко, работавший вокруг Интерпола.

— Анастасия Павловна, по-моему, здесь «тепло». С февраля месяца Идзиковский разрабатывает интересную группу, связанную, с одной стороны, с карабахскими боевиками, а с другой — с Турцией. Это наши граждане, долгое время работавшие на Ближнем Востоке и имеющие там обширные знакомства. Но Интерпол имеет дело только с информацией, чисто оперативную работу они не ведут. Во всяком случае, сам Идзиковский утверждает, что никакого давления на себя он не ощущал и тем более ничем не делился с Ириной.

— Ну, мало ли что он утверждает, — спокойно сказала Настя, стараясь, чтобы Захаров не уловил суть разговора. — Проверяйте. Верить, Мишенька, нельзя никому.

Прощаясь с Димой, уносящим с собой наполовину правдивую, наполовину выдуманную биографию Ирины Сергеевны Филатовой, Настя почти точно знала, кто и когда будет исполнять «песенку с фальшивым припевом».

* * *

Взмах, поворот, опять поворот, ногу чуть согнуть, голову вправо, взмах, поворот… Плохо. Еще раз сначала. Взмах, поворот…

Настя устало плюхнулась на диван и сняла

телефонную трубку.

— Алло!

— Ребенок Настя, чем занимаешься?

— Кобылу вываживаю. Рыжую такую, норовистую.

— И как? Получается? — серьезно осведомился Леонид Петрович.

— Пока нет, — честно сказала Настя. — Похоже, это безнадежно. Оказывается, есть вещи, которые мне недоступны.

— Не отчаивайся, — подбодрил отчим. — Не всем же быть красавицами. Зато у тебя мозги правильно устроены.

Положив трубку, Настя снова подошла к зеркалу. Нет, никогда ей не быть такой, как та рыжая с бульвара. «Но до чего хороша, стерва!» — позавидовала Настя. Подняла руку, запустила пальцы в волосы, как гребень, попробовала повторить запомнившийся жест. Медленно ощупала лицо, погладила скулы, щеки, вглядываясь в отражение. Все плоско, думала она, все бесцветно, как белый лист бумаги.

Когда свет в квартире Насти погас, в другой квартире раздался телефонный звонок. Невысокий смуглый человек в роговых очках выслушал сообщение и сделал пометку в блокноте.

Глава 6

В среду в Министерстве внутренних дел состоялся брифинг, посвященный проблеме борьбы с коррупцией. Журналистов в зале было немного, интерес к деятельности министерства со стороны газетчиков в последнее время поутих. Речь держал первый заместитель министра.

— И последнее, о чем я хотел вас проинформировать, — заканчивал он выступление. — Наше министерство принимает активное участие в разработке Закона о государственной службе и Закона о борьбе с коррупцией. Возглавляет эту работу мой помощник, а научное консультирование осуществляет главный эксперт Александр Евгеньевич Павлов, который давно занимается указанной проблемой.

Павлов слегка улыбнулся и кивнул, представляясь. Тут же в последних рядах взметнулась рука.

— Газета «Континент-Экспресс». Вопрос эксперту Павлову. У вас есть научная концепция борьбы с коррупцией?

— Разумеется. Правда, многим она кажется спорной, но я не теряю надежды убедить моих

коллег.

— Пожалуйста, несколько слов об основных положениях вашей теории.

— В несколько слов уложиться трудно, но в самых общих чертах идея состоит в том, чтобы рассматривать явление коррупции с точки зрения экономических категорий. Коррупционное взаимодействие — это, по существу, торговая сделка, в которой есть товар, продавец и покупатель, а также фигурируют себестоимость товара, потребительская стоимость и продажная цена. Если вкратце — то вот так. Если вас интересуют детали, милости прошу ко мне, побеседуем подробно.

Павлов бил с дальним прицелом. Он успел рассмотреть журналистку, задававшую вопрос, и совсем не возражал бы продолжить с ней знакомство. Да и пространное интервью — было бы неплохо.

Удар Александра Евгеньевича достиг цели, потому что журналистка подошла к нему сразу же после брифинга.

— Лебедева, — представилась она, протягивая руку. — Это я задавала вам вопросы.

— Очень приятно. — Павлов галантно поцеловал холеную руку с длинными бронзовыми

ногтями.

— Я бы хотела воспользоваться вашим приглашением. Назначьте мне, пожалуйста, время.

Высокая, длинноногая, она легко шагала в ногу с рослым Павловым и, казалось, с трудом сдерживалась, чтобы не побежать. Александр Евгеньевич на секунду задумался, глянул на часы, широко улыбнулся.

— У меня есть время сейчас, если хотите. Пойдемте?

— С удовольствием.

...— Чай, кофе, коньяк? — гостеприимно предложил Павлов, когда они расположились в его кабинете.

— Кофе с коньяком, если можно, — решительно выбрала гостья.

Александр Евгеньевич включил кофеварку, достал коньяк, чашки, миниатюрные рюмочки.

— Как вас зовут? Лариса? Что ж, за знакомство, Лариса! Так о чем мы с вами будем говорить, прекрасная Лариса?

Журналистка рассмеялась. Голос у нее был низкий, а смех — чуть хрипловатый. Она тряхнула рыже-каштановой гривой, по которой пробежала тяжелая волна.

— Александр Евгеньевич, я пришла к вам по-

говорить о коррупции, а вы меня расслабляете… Так не годится.

— Давайте будем говорить о коррупции, — с готовностью отозвался Павлов. — Вас интересует моя теория?

— Не только. Но начнем с нее, если не возражаете.

Лебедева достала блокнот и ручку, закинула ногу на ногу таким движением, что у Павлова дух захватило.

— Я исхожу из того, — начал не торопясь Александр Евгеньевич, — что человек, дающий взятку, испытывает острую нужду в конкретном действии со стороны должностного лица или просто государственного чиновника. Это действие, назовем его услугой, имеет в глазах данного человека определенную ценность, то есть потребительскую стоимость. И за эту услугу человек готов заплатить некоторую цену, не превышающую в его глазах указанную потребительскую стоимость. Эта мысль понятна?

Лебедева кивнула, не отрываясь от блокнота.

— Далее. Я исхожу из того, что чиновник, обладающий полномочиями, позволяющими ему произвести товар, то есть оказать требуемую услугу, должен принять решение, производить ему

этот товар или нет. Иными словами, он должен решить вполне экономическую задачу: какова будет себестоимость товара и какую продажную цену он сможет за него получить. Себестоимость зависит от эффективности внутреннего и внешнего контроля, проще говоря, от степени риска быть разоблаченным. Вот на такой теоретической основе и строится концепция борьбы с коррупцией. Главная цель — разрушение рынка коррупционных услуг путем рассогласования себестоимости товара для производителя и потребительской стоимости для покупателя. Первую надо повышать, вторую снижать, тогда производство станет невыгодным. Видите, как просто.

— Александр Евгеньевич, — журналистка закрыла блокнот и, положив его на край стола, запустила пальцы в густую массу волос, — то, что я записала, пойдет в интервью. А теперь вопрос для меня лично. Вы позволите? Меня всегда интересовал процесс научного мышления. Мне хочется понять, как возникают новые взгляды, новые теории. Расскажите мне, как вы пришли к вашей концепции. Это не под запись.

— Это скучно, Лариса! — взмолился Павлов. — Ну неужели я такой красивой женщине буду рассказывать, как сидел ночами над книгами

по экономике и криминологии?! Нет, нет и нет! Слушать о такой рутине — это просто недостойно ваших ушей!

— Вы не похожи на других, Александр Евгеньевич, — сказала Лариса. — Я задавала этот вопрос многим людям, они отвечали мне на него не просто охотно, а даже с бо'льшим удовольствием, чем рассказывали о своей новой теории. Им, как и мне, был значительно интереснее сам процесс научного поиска, нежели его результат.

— Вероятно, это были настоящие ученые, а я — всего лишь практик с ученой степенью, — развел руками Павлов. — Кроме того, Лариса, вы ведь тоже не похожи на других, а? Вы не только вызывающе красивы, но и очень странно говорите. Отчего?

Журналистка на мгновение смутилась, но быстро овладела собой.

— Видите ли, я довольно долго жила на Востоке, мой муж — работник МИДа. И потом, моя мать — турчанка из Азербайджана, я в детстве много времени провела в тюркоязычной среде. Неужели вы заметили акцент?

— Только в интонациях. А так вы говорите очень правильно. Даже слишком, — великодушно подчеркнул Павлов.

* * *

Если для полковника Павлова среда, двадцать четвертое июня, оказалось днем приятного и многообещающего знакомства, то Настя Каменская столкнулась в этот день с новой задачей. Среди бумаг Филатовой, обычно аккуратно надписанных и снабженных подробными комментариями, обнаружился листок с непонятными и никак не обозначенными цифрами, выписанными в восемь колонок. Над колонками были обозначены годы с 1983-го по 1990-й, но это и было единственным, что можно понять. Сбоку сверху вниз шли наименования строк, в которых Настя до позднего вечера пыталась разобраться. Первая строка была обозначена буквой «З», вторая «Р», третья — «ЗР». Последующие строки обозначались цифрами с 5 до 10, затем шли «1+3», «2» и «Итого». Проделав в уме ряд арифметических операций, Настя убедилась, что числа, стоящие в строке «Итого», получаются в результате сложения не всех чисел, выписанных в соответствующей колонке, а только двух предпоследних. Рядом с абсолютными величинами мелким четким почерком Филатовой приписаны числа с дробью, одни — с пометкой «П», другие — «Р». Было видно,

что и Филатова над этим листком провела немало времени: все свободное от цифр пространство исчерчено геометрическими фигурами с замысловатой штриховкой и сплетенными в вензель буквами «В» и «Р». Ярко-красным фломастером обведена строка, обозначенная цифрой «2».

Насте довольно скоро удалось установить две вещи. Во-первых, числа с дробью обозначали проценты: с пометкой «П» — от числа, записанного в строке «Итого», с пометкой «Р» — от числа в строке «ЗР». Во-вторых, в подчеркнутой красным фломастером строке «2» эти числа с дробью удивительно быстро увеличивались, чего не наблюдалось в других строках, за исключением строки «10». Но строка «10», по-видимому, внимания Филатовой не привлекла, так как не была подчеркнута.

Настя твердо знала одно: листок этот ей не нравится. Ее удивляла небрежность педантичной и скрупулезной Ирины, которая, не надеясь на свою память, подробно надписывала все расчеты. Ее смущали буквы «В» и «Н», так как наводили на мысль о каком-то Владимире Николаевиче, который, судя по исписанной его именем странице ежедневника, прочно занимал мысли Ирины, но не был упомянут никем из друзей и сослужив-

цев погибшей. И еще, Настю, успевшую понять логику рассуждений и стиль работы Филатовой, беспокоила неотмеченная строка «10». На фоне довольно стабильных показателей в других строках Ирина просто не могла не заметить резкой динамики. Но она сосредоточила внимание только на строке «2». Почему?

Листок этот не давал Насте заснуть. Она долго ворочалась в постели, ругая себя за то, что вовремя не выпила снотворное. Светящиеся цифры на электрических часах показывали четвертый час ночи, принимать лекарство было уже поздно, слишком мало времени оставалось до подъема. Она встала, открыла холодильник, плеснула в высокий стакан мартини. Полынь, на которой настоян напиток, действовала на нее лучше всяких таблеток.

Утром, стоя под душем и назначив своей голове для пробуждения перевод на европейские языки фразы «Во всем должен быть порядок», Настя машинально отметила, что в некоторых языках употребляются разные слова в зависимости от того, что ты хочешь сказать: «какой порядок» (например, идеальный) или «порядок чего» (например, прохождения службы)… Она выскочила из ванной, не выключив воду, на ходу набросила

на плечи махровую простыню и, оставляя на полу мокрые следы, помчалась в комнату. Схватив Уголовно-процессуальный кодекс, она с полминуты листала его, после чего радостно и звонко засмеялась. Если бы рядом с ней в этот момент находилась любознательная журналистка Лариса Лебедева со своим коронным вопросом «Как вы додумались?», то Настя ответила бы коротко и непонятно: «Порядок производства по уголовным делам».

Уходя на работу, Настя глянула на себя в зеркало.

— А ты ничего, старуха! Можешь еще! Когда ты счастлива, у тебя даже глаза из блекло-серых делаются ярко-голубыми, — громко сказала она сама себе.

* * *

Виктор Алексеевич Гордеев явился на работу чернее тучи. Накануне вечером жена долго разговаривала по телефону со своим отцом и вернулась в комнату расстроенная.

— Папа вне себя, — сказала она, усаживаясь на диван рядом с мужем и ласково поглаживая его плечо. — Ему отказали. На прошлой неделе все шло гладко, обещали окончательный ответ

дать в понедельник. В понедельник отложили до вторника, во вторник пообещали ответить в среду, но разговаривали почему-то прохладно, а сегодня сказали, что не имеют возможности спонсировать его центр. Папа места себе не находит из-за того, что с ним, всемирно известным кардиологом, обошлись как с мальчишкой.

Андрей Григорьевич Воронцов мечтал создать независимый кардиологический центр, такой же, как у офтальмолога Федорова, но ему были нужны спонсоры, которые оказывали бы финансовую поддержку в первые полтора-два года, пока центр не встанет на ноги. Воронцова неоднократно приглашали на работу в крупнейшие клиники и медицинские центры за рубежом, но он упорно отказывался, отвечая, что здоровье своих соотечественников ему дороже. Он лелеял и вынашивал замысел центра, надеясь открыть его накануне своего семидесятилетия, нашел спонсоров и по-детски радовался тому, что все складывалось удачно. И вдруг такое…

— Погоди, — Гордеев повернулся к жене, — ему же обещали поддержку в двух местах. В котором из них отказали?

— В том-то и дело, что в обоих сразу, — грустно ответила Надежда Андреевна.

— Отец в ярости? — сочувственно спросил Гордеев.

— Он в отчаянии, а это гораздо хуже. Как бы не слег.

В обоих сразу! Виноградов зря времени не теряет. Виктор Алексеевич ни минуты не сомневался, что это именно он.

Полковник позвонил сначала Самохину из пресс-центра, а потом еще одному, с помощью которого, как говорил Гордеев, он отделяет правду от истины. Долго метался по кабинету, потирая лысину, несколько раз подходил к двери и уже брался было за ручку, но передумывал, круто поворачивался и продолжал свое суматошное движение.

Зашел Игорь Лесников.

— Виктор Алексеевич, из больницы звонил Гольцов. Наташа Ковалева…

— Что? Что такое? — вскинулся Гордеев.

— Ночью у нее была тяжелейшая истерика, билась, рыдала — еле успокоили. А сегодня она заговорила.

— Так почему похоронный вид?

— Отец запретил пускать к ней работников милиции.

— То есть как запретил? — Гордеев даже по-

перхнулся. — Кто он такой? Главный психиатр страны?

— Он сказал, что девочка слишком слаба, чтобы давать показания. Она может разнервничаться, вспоминая психотравмирующую ситуацию, и опять замкнется. Он, как отец, требует, чтобы ребенка не беспокоили. В палате с ней безотлучно сидит мать. Одним словом, граница на замке. Гольцов пытался его убедить, что нужно получить хотя бы самые общие приметы насильника, а Ковалев орал на все отделение, что пусть десять насильников остаются на свободе, если это нужно для сохранения здоровья его ребенка.

— Ну да, ну да, — покивал задумчиво полковник. — Пусть насильники остаются на свободе, пусть насилуют и убивают чужих детей, лишь бы его ребенок был здоров. Это сказочка для врачей и для жены. Но на самом деле он жилы рвет, чтобы помочь Виноградову, а уж тот в долгу не останется. Если Аверин станет премьером, то Ковалев — на коне, и вечная ему благодарность от нового премьер-министра. Если не выгорит, ему Виноградов в какой-нибудь русско-заграничной фирме место уже приглядел. Да, Ковалев без Виноградова никуда. Он на все пойдет, чтобы ему преданность свою доказать. Ну и мразь!

Гордеев решительно отодвинул от себя очки и мягко, но сильно припечатал ладонями стол.

— Иди, Игорь, работай. Дай мне два-три дня, потом можешь делать все, что вы со следователем сочтете нужным. Я сам скажу, когда буду готов. Иди. Да, и позови сюда Каменскую.

* * *

— Заходи, Анастасия, — весело приветствовал он Настю. — Рассказывай.

— Что с вами, Виктор Алексеевич? — удивилась Настя. — У вас праздник?

— Нет, просто я принял решение и от этого развеселился. Ты же знаешь, я никогда в драку первым не лезу, а если приходится отвечать, то всегда долго решаюсь. Осторожный я стал к старости. А принял решение — и камень с плеч. Что с Филатовой? Где твои «двести»?

Настя покаянно вздохнула. То, что она собиралась сказать, было чудовищной дерзостью по отношению к начальству, но за то и любила Настя Колобка, что он принимал ее такой, какая она есть.

— Мне надо ехать в ГИЦ, Виктор Алексеевич.

— Ну? Так в чем дело? — поднял брови Гордеев.

— Лень.

Главный информационный центр МВД России располагался в роскошном многоэтажном здании в Новых Черемушках, от Петровки, прямо скажем, далековато.

— Ну и поганка же ты, Анастасия! — со смехом сказал Гордеев. — Ладно, пользуйся моим хорошим настроением. Вот тебе телефон, запиши…

— Я запомню.

— Вот номер. Спросишь Елену Коновалову, скажешь, что от меня. Я когда-то с ее отцом работал, Алену еще крохой помню. Она славная девочка, все, что сможет, — сделает. Если, конечно, попросишь хорошенько. Так как насчет «двухсот»?

— Осталось два невыясненных вопроса. Один я надеюсь разрешить при помощи ГИЦа. Другой пока повис. Если Филатова собиралась писать монографию, то где рабочие материалы? Я не нашла в ее бумагах ни одного слова, которое имело бы отношение к монографии. Никаких следов. А по плану она должна в октябре сдать ее в редакционно-издательский отдел, уже обсужденную в отделе и отпечатанную набело.

— Ладно, решай свои вопросы сама.

Гордеев помолчал, погрыз очки.

— А скажи-ка мне, Анастасия, — внезапно спросил он, — помнишь ли ты, что ответил губер-

натор Старк своему помощнику Бердену, когда тот отказался искать компромат на кристально честного судью?

Ни секунды не задумываясь, Настя без запинки произнесла:

— Человек зачат в грехе и рожден в мерзости, и путь его — от пеленки зловонной до смердящего савана. Всегда что-нибудь есть.

— Умница! — восхитился Гордеев. — Ты что, весь роман наизусть помнишь?

— Нет, — улыбнулась Настя. — Только эту фразу. Но ведь и вы ее запомнили. Видно, у нас с вами избирательность одинаковая. Что же удивляться, в одной конторе работаем.

— Верно, — согласился Виктор Алексеевич. — Так вот, Стасенька, слушай меня внимательно. Виталий Евгеньевич Ковалев меня очень обидел. Лично меня. Кроме того, он пренебрежительно отнесся ко всем нам. Более того, он пытается укрыть от правосудия опасного преступника. Частично в этом есть, может быть, и наша вина. Мы не хотели задерживать Шумилина, пока не получим убедительных доказательств. Я всегда хотел, чтобы мой отдел работал филигранно и честно, чтобы мы никогда не ссорились ни со следователями, ни с прокурорами. Долгое время

нам это удавалось. За последние годы на нашей совести нет ни одного задержанного, которого пришлось бы выпускать через семьдесят два часа. Я старался набирать в отдел тех, кто обладает профессиональным мастерством или умеет учиться. У нас было много ошибок и промахов. Но главное наше достоинство в том, что мы умеем эти ошибки и промахи вовремя видеть и не опаздываем их исправлять. Мы все умеем критически относиться к тому, что делаем, мы без конца пытаемся опровергнуть сами себя. Это — тот стиль работы, за который я бился и боролся долгие годы. И я своего добился. Поэтому наш отдел — самый дружный. Поэтому мы никогда не ссоримся друг с другом. То, что у других называется критикой, у нас зовется взаимным анализом. Я все это тебе говорю не потому, что ты этого не знаешь. Ты понимаешь это, может быть, даже лучше меня. Я хочу, чтобы ты почувствовала, как глубоко меня оскорбил Ковалев, он оскорбил мою идею, мое детище, мой главный приз в этой жизни. Он воспользовался нашей профессиональной честностью. Последний удар, после которого я принял решение, он нанес вчера. Нанес не мне, а моей семье, моему тестю, который не рвется зашибать доллары, оперируя западных милли-

онеров, а хочет лечить своих сограждан. Мое терпение истощилось, Стасенька. И я очень на тебя рассчитываю.

Такой неподдельной боли, такой искренней горечи Настя никогда в голосе начальника не слышала. Гордеев между тем продолжал:

— И губернатор Вилли Старк был прав, всегда что-нибудь есть. Я не верю, что человек, которому наплевать на правосудие, на чужие жизни и на собственного ребенка, мог прожить жизнь честно. Я не верю. И потому я надеюсь, что найду средство, которое его остановит. У нас нет ни сил, ни времени искать это средство самим. Не будем забывать, что речь идет о человеке, занимающемся политикой. А это означает, что у него есть враги или, если хочешь, политические противники, которые нужным нам средством уже заранее вооружились и ждут подходящего часа. Просто так они нам свое оружие не отдадут. Отобрать его силой мы не можем, нас сейчас никто не боится. Остается один выход. Я надеюсь, ты меня поняла. И есть человек, у которого нужное нам оружие против Ковалева наверняка имеется. Это сотрудник аппарата парламента Борис Васильевич Рудник.

* * *

Колобок не обманул. Когда по названному им телефону Настя разыскала Елену Коновалову, та с готовностью согласилась помочь и даже подбадривала Каменскую, которая чувствовала себя неловко оттого, что сама плохо представляла, что же ей нужно.

— Понимаете, Лена, у меня есть некая цифра, но я не знаю, что она обозначает. Я могу только догадываться. Мне кажется, что это число зарегистрированных преступлений. Но я даже не знаю, в каком регионе.

— Число большое? Сколько знаков? Давайте попробуем определить, город это или область.

Настя продиктовала все числа из строки «З» за восемь лет.

— Несомненно, область, — твердо определила Елена. — Из городов такие цифры могли бы быть только в Москве или Санкт-Петербурге, но их показатели я помню наизусть, это не они. Подождите секунду. У меня в компьютере данные по областям России за последние пять лет, сейчас попробуем поискать.

Прижав трубку к уху плечом, Настя в ожидании ответа налила из графина в кружку воды и

начала готовить кофе. Через несколько минут Елена подошла к телефону.

— Настя, за тысяча девятьсот восемьдесят седьмой, восемьдесят восьмой, восемьдесят девятый и девяностый годы цифры совпадают. Это Энская область. Вы хотите знать точно или этого достаточно?

От неожиданности у Насти так дернулась рука, что кофе пролился на стол. Она решила, что ослышалась.

— Как Энская?! — Настя ждала чего угодно, только не этого.

— А в чем дело? — забеспокоилась Елена. — Этого не может быть? Давайте я проверю предыдущие годы.

— А это долго?

Ошпаренная крутым кипятком рука горела, но Настя не замечала боли. Пожар нетерпения разгорался у нее в голове.

— Надо сходить в архив, статистические сборники за предыдущие годы хранятся там. Минут пятнадцать-двадцать.

— Леночка, — умоляюще сказала Настя, — мне так неловко вас затруднять. Если бы вы только знали, как мне это важно!

— Ну что вы, Настя, какая ерунда. Конечно, я

схожу.

Через двадцать минут Настя знала, что держит в руках данные по Энской области. Лена оказалась настолько любезна, что поискала еще кое-какие цифры, правда, теперь работа шла легче, потому что известно, по крайней мере, о какой области идет речь. Еще через два часа неподписанный листок открыл Насте Каменской все свои секреты.

* * *

Юра Коротков нежно поцеловал Люду в плечо и стал одеваться. Ему очень не хотелось уходить от нее, но остаться он не мог.

Натянув брюки, он подвинул кресло к окну и сел рядом с диваном, на котором лежала женщина.

— Послушай, Люся, — вдруг начал он. — А ты уверена, что Ирина не спала с Павловым?

Людмила резко приподнялась с подушки.

— Ира? С Павловым? Да ты с ума сошел! Надо совсем не знать ее, чтобы предположить такую глупость.

— Ну, я ведь и не знаю, — мягко заметил Коротков. — Понимаешь ли, Павлов утверждает, что они были любовниками и он чуть ли не разво-

диться собирался.

— Ерунда, — уверенно сказала Люда. — Выбрось это из головы.

— Он говорит, что очень любил Ирину, — настойчиво продолжал Юра. — Зачем ему врать?

— Ну да! — фыркнула женщина, вставая и заворачиваясь в простыню, как в индийское сари. — Очень он ее любил! Я была вчера в министерстве, видела его с какой-то красоткой. Как он на нее смотрел! — Она выразительно закатила глаза. — Едва неделя прошла, как Иру похоронили, а он эту кобылку был готов хоть сейчас в стойло вести.

Она ласково взъерошила ему волосы.

— Не морочь себе голову, дружок. Ирка была влюбчива, но очень, повторяю, очень разборчива.

Юра удержал ее руку, прижал к щеке.

— А что за красотка? Министерская?

— Судя по тому, что они всей толпой вываливались из зала после брифинга, наверное, журналистка. Очень заметная, яркая. Если бы она работала в министерстве, наши мужики давно бы ее заметили, а наши дамы уже все косточки ей перемыли бы. Тебя покормить?

— Покормить, — благодарно ответил Юра. Ко-

гда приходишь домой в час ночи, лучше тихонько раздеться и лечь, а не греметь на кухне посудой и не будить раздраженную твоим отсутствием жену.

Уже стоя в прихожей, Юра сказал:

— Люся, а давай подождем, когда дети подрастут, и поженимся.

— У тебя терпения не хватит, — засмеялась она. — Но я подумаю.

* * *

Заказчик и Организатор ужинали в валютном «Пицца-Хат». Заказчик был деловит и энергичен, Организатор, напротив, рассеян и болезненно вял.

— Твой парень не очень чисто сработал.

Таков уж был характер Заказчика: даже если он хвалил или благодарил, всегда старался найти повод хотя бы для маленького упрека.

— Он не мой. Я его никогда не видел. Все через посредников.

— Сегодня ровно две недели, и пока все тихо. Более или менее. Так что будем надеяться, что обошлось.

Заказчик ронял короткие фразы, тщательно пережевывая горячую пиццу.

— А карточки?

Организатор поднял на собеседника больные глаза, в которых застыла безнадежность. Конечно, для Заказчика важнее всего рукопись, и он-то может успокоиться, потому что рукопись они раздобыли. А для него, Организатора, значение имеют только карточки, и даже не все, а одна, всего лишь одна, на которой крупными печатными буквами стоит его фамилия. Боже мой, какой позор, какой позор его ждет, если узнают… Добро бы еще статья была хозяйственная, тогда можно было бы отбрехаться, мало ли хозяйственников сегодня реабилитируют: мол, они опередили свое время. Вот хоть Стародубцева взять.

— А как же карточки? — повторил он.

Вопрос Заказчику не понравился. Он понимал, что карточки — его упущение. Надо же было ему запамятовать о такой ерунде! Дела из архива изъял, а про карточки вспомнил спустя несколько месяцев. Эта сучка припугнула его фотокопиями, но поди проверь — не врет ли. Может, и нет никаких фотокопий. Чтобы их сделать, надо, по меньшей мере, перебрать все карточки вручную, весь массив за несколько лет. А потом еще ухитриться остаться в картотеке одному, без свидетелей. Слишком сложно. Пожалуй, все-таки

это блеф. Но даже если и нет, ему, Заказчику, уже все равно. Пусть найдут эти копии, пусть будет скандал. Ему-то что? Главное, скандал возникнет не по его вине, не из-за рукописи, первая волна пойдет не от него. Стало быть, с него и взятки гладки. А они, эти сытые политиканы, пусть сами расплачиваются за прошлые грешки. Так что черт с ними, с карточками этими. Дома у Филатовой Исполнитель их не нашел. Тот, кого подкупили, чтобы порылся в сейфе и в столе, тоже вернулся пустой. Ну, не совсем пустой, рукопись принес. Но фотокопий не нашел. Скорее всего их и в природе-то не существует.

— Не беспокойся, — уверенно ободрил он Организатора. — Их никто искать не станет. Пока была опасность, что выйдет книга, была и опасность, что начнут копать. Но книга-то не выйдет. Так что спи спокойно, старый развратник, — сыто хохотнул Заказчик.

— Какой уж тут сон, — пробормотал Организатор, с отвращением отставляя тарелку и наливая в бокал белое французское вино. — Ковалев со своей бандой вздохнуть не дает. Половину депутатов завербовал, будет своего шефа в премьеры пропихивать на съезде. А наша задача — сохранить нынешнего премьера, мы с ним вроде как в

одной команде. Вот и воюем.

— Как твоя блондиночка? Все еще с тобой? А то, может, уступишь? — ехидно поинтересовался Заказчик. — Она для тебя старовата, ты ж у нас любитель молодого тела.

— Оставь, ради бога, — с тихой тоской сказал Организатор. — И без тебя тошно.

Глава 7

В пятницу Петровку опять почтил визитом Павлов.

— Что нового, Анастасия Павловна? Я свое слово держу, сегодня никуда не тороплюсь, так что вы мне — о ходе расследования, а я вам — об Ирочке.

Настя старательно рассказала ему, какие интересные открытия сделали Доценко и Лазарев, работая по версии «Интерпол». Из Карабаха турецкие экстремисты-террористы получали оружие, расплачиваясь за это наркотиками. Вполне возможно, что Филатову убили, пытаясь запугать Идзиковского, который слишком близко подошел к группе российских граждан, выполняющих роль посредников. В ответ Павлов предался лирическим воспоминаниям.

— Ирочка очень тяжело переживала разрыв с мужем. Даже хотела бросить диссертацию, хотя уже вот-вот должна была выходить на защиту. Для нее тогда все потеряло смысл: и работа, и любовь. Она ведь стихи писала, вы знали об этом?

— Нет, нам никто этого не говорил.

— Вот видите. Она скрытная была, ни с кем своими переживаниями не делилась. Это уже потом, много лет спустя, когда мы стали по-настоящему близки, она дала мне почитать кое-что из того периода. Вот, например:

Я одна в постылых буднях,
Как в безбрежном океане,
Мой корабль, такой надежный,
Не затонет никогда.
Мне так грустно, мне так трудно,
Мне так больно, мне так странно.
Бросить якорь невозможно
На дороге в никуда.

— Хорошие стихи, — одобрительно кивнула Настя.

— Не просто хорошие, — воодушевленно подхватил Павлов. — Прекрасные! Ирочка была талантлива во всем, не только в науке. А вот это она написала, когда похоронила мать:

Не дай Вам бог узнать такую тьму,
Где бьет озноб от холода и страха,
И безнадежный, будто путь на плаху,
День завтрашний уже Вам ни к чему.

— Спасибо вам, Александр Евгеньевич, — сердечно сказала Настя в конце беседы. — Приходите еще. Вы же понимаете, чем лучше мы поймем характер Ирины, тем легче нам будет работать. Только теперь милости прошу к Гордееву. Я — в отпуске.

Когда дверь за Павловым закрылась, Настя насмешливо улыбнулась сама себе. Кто бы мог подумать, что стихи, которые она когда-то написала, не встретив взаимности в одном человеке, сослужат ей такую службу. И надо же, нашелся ценитель, который назвал их «не просто хорошими, а прекрасными». Правда, он хоть и эксперт, но не в поэзии. Этот любые стихи назовет хорошими.

Итак, Александр Евгеньевич, вы попались на лжи. Вы выложили денежки, и немалые, чтобы убедить нас, что вы давно и хорошо знаете Ирину Сергеевну. Вы упорно интересуетесь ходом расследования, попутно подкармливая нас пирожком, который мы же сами и испекли. Чего вы добиваетесь?

Попробуем подойти к проблеме с другой стороны. Если верить справкам отдела координации и планирования института, Филатова ни разу за тринадцать лет работы не выезжала в командировку в ваш родной город Энск. Может быть, она

ездила туда за свой счет? Ни отец, ни подруги, ни любовники такого не припоминают, но, учитывая скрытность Ирины, это можно допустить. Если так, то почему такая таинственность? Для чего было скрывать поездки, если они были? Но так или иначе, Энская область ее интересовала, причем не в плане криминологической картины в целом, а в одном-единственном вопросе. И вопрос этот она, кажется, выяснила.

Настя достала загадочный листок Филатовой, в котором теперь все стояло на своих местах. «З» — зарегистрировано преступлений, «Р» — раскрыто, «ЗР» — количество законченных расследованием уголовных дел. Строки, помеченные цифрами с 5 до 10, обозначали количество уголовных дел, прекращенных следователями в соответствии со статьями 5—10 Уголовно-процессуального кодекса. «1+3» означало дела, приостановленные в порядке частей 1 и 3 статьи 195, когда преступник либо остался неизвестным, либо неизвестно где скрывается. А заветная строка «2» показывает количество уголовных дел, приостановленных в порядке части 2 той же статьи 195, в связи с тяжким заболеванием лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности. И если до 1986 года доля таких дел в числе всех приоста-

новленных не превышала 3 процентов, то когда вы, любезный Александр Евгеньевич, стали в Энской области начальником следственного отдела УВД, доля эта быстро выросла аж до 18. Какой вывод из этого сделала Филатова? Полагаю, такой же, как и я, потому что я хорошо представляю себе ее логику. Она поняла, что где-то у вас окопался врач-взяточник, не без вашего, Александр Евгеньевич, ведома ставящий липовые диагнозы, которые позволяли приостанавливать дело «до выздоровления», то есть навсегда. Взятки давались как минимум в трех местах: врачу, следователю и вам. Может быть, вам лично и не давали, с вами делились врач и следователи. Забавная картинка!

Но даже если все это правда и вы действительно такой нехороший человек, остается непонятным, откуда у Ирины интерес к Энской области, причем тщательно скрываемый (даже листок не надписала). Этот интерес не может быть связан лично с вами, ибо вы меня полностью убедили, что никогда до приезда в Москву не знали и не видели Филатову, хотя старательно утверждаете обратное. Но должна же быть какая-то связь! Должна!

Попробуем третий подход. Все, что говорят

сослуживцы Филатовой, — правда. Павлов безуспешно ухаживает за Ириной, потом начинает, как выразился ее начальник, «цепляться к ней». Он раздражает Ирину, доводит ее до бешенства, и она пытается найти что-нибудь, что позволило бы ей его остановить. Кто-то из коллег едет в Энск, и она просит привезти ей статистику о движении уголовных дел. Статистика открытая, никаких секретов здесь нет, получить ее можно в любом зональном информационном центре. Похоже на правду, но чуть-чуть не сходится. Конфликты с Павловым начались весной, к этому времени уже давно готовы данные за предыдущий год. В этом случае в таблице Филатовой был бы и 1991 год, а его нет, последний год — 1990-й. И вообще на Ирину не похоже, чтобы она опустилась до шантажа, да еще по такому, в сущности, незначительному поводу. Ну что она могла бы сказать Павлову? Александр Евгеньевич, я знаю, что вы взяточник, поэтому перестаньте возвращать мне документы на доработку? Бред. Кроме того, остается открытым вопрос, зачем Павлов *лжет*.

Четвертый вариант — правду говорят все, как ни парадоксально это звучит. Ирина действительно не была любовницей Павлова и приезжала расстроенная и издерганная именно после

встреч с ним в министерстве. Павлов и Ирина действительно начали общаться лишь несколько месяцев назад. И при этом Павлов знает Ирину много лет. А она его не знает. Но зато она знает какого-то Владимира Николаевича, о котором думает весь день 12 октября 1991 года (страница из ежедневника была именно за это число), а также в тот день, когда изучает статистику по Энской области. А 15 октября на перекидном календаре появляется служебный телефон главного эксперта Штаба МВД А. Е. Павлова.

Настя была уверена, что где-то между этими разноликими правдами лежит истина.

* * *

Вечером на стол Гордеева легла сводка наружного наблюдения за «политическим противником» Ковалева Борисом Васильевичем Рудником. Гордеев несколько минут похмыкал над ней, погрыз, по своему обыкновению, оправу очков и позвал к себе Настю.

— Анастасия, — строго сказал он, — где твои «двести»? Я хочу знать, могу я отзывать ребят из Интерпола или нет. Людей не хватает, за эту неделю на нас еще четыре убийства повесили. Так что?

— Отзывайте, — твердо ответила Настя. — Я уверена, что там ничего нет. Зато у меня — одни загадки. Но будем действовать как решили.

— Хорошо, — сразу смягчился Виктор Алексеевич. — Теперь с Ковалевым. Почитай-ка вот это.

Он протянул Насте сводку. Та внимательно вчитывалась в нее и наконец протяжно присвистнула.

— Ничего себе! Нашего Рудника, кроме нас, «пасут» еще двое независимых соглядатаев. На него большой спрос!

— Как бы мы с тобой не опоздали, Стасенька. Сейчас Рудник уехал в аэропорт. Боюсь, не улетать ли собрался. «Наружники» обещали позвонить, когда будет ясность. Если он улетит, весь наш план пойдет насмарку. Придется придумывать что-нибудь другое. Времени-то у нас совсем нет ждать, пока он вернется.

В дверь постучали. Заглянул Коля Селуянов.

— Ты чего стучишься? — набросился на него Гордеев. — Сколько раз тебе повторять, что стучаться в служебный кабинет неприлично. Ты тем самым показываешь, что в кабинете может происходить что-нибудь эдакое… — Он замысловато покрутил рукой.

— Ей-богу, Виктор Алексеевич, и в мыслях не

было. Я машинально, — оправдывался Селуянов. — Я месяц в доме отдыха пробыл, а там, сами знаете, без стука нельзя…

— В мыслях у него не было, — продолжал ворчать Колобок. — Вот из-за таких сплетни и плодятся. Чтоб в последний раз. Что у тебя?

— Там пришел адъюнкт Филатовой, папку какую-то принес. Взять у него или будете с ним разговаривать? — Он вопросительно посмотрел на Настю.

Та сразу поднялась.

— Я пойду, Виктор Алексеевич, можно? Если что — я на месте.

* * *

— Что это? — спросила Настя, открывая толстую зеленую папку.

— Монография Ирины Сергеевны. У меня диссертация по проблеме показателей преступности, и она дала почитать, здесь есть очень интересные рассуждения о латентности.

Экземпляр был почти «слепой», вероятно четвертый. Интересно, а где же первые три?

— Давно она вам это дала?

— Давно, сразу после Нового года. Я бы раньше принес, но подумал, раз у вас все равно есть пер-

вые экземпляры, то этот вам не нужен. А вчера мне сказали, что ваш сотрудник интересовался монографией Ирины Сергеевны…

— Вас как зовут?

— Антон.

— Очень приятно. Так вот, Антон, вы не знаете случайно, где остальные экземпляры? Мы не смогли их найти.

— Как это? — Антон неподдельно удивился. — Они лежали все вместе, в зеленых папках, все четыре экземпляра. Ирина Сергеевна при мне их доставала из сейфа. Она сказала, что три экземпляра пойдут в редакционно-издательский отдел, а четвертый ей не нужен, и я могу держать его у себя столько, сколько потребуется. Как же так?

Настя неопределенно пожала плечами.

— Скажите, Антон, вы никогда не были в Энске?

— Ну как же не был. — Он широко улыбнулся.

— А Ирина Сергеевна не просила вас привезти ей оттуда статистику по предварительному следствию?

Настя задала вопрос для проформы, потому что уже знала ответ. Но реакция Антона ей не понравилась. Он напрягся, словно почуявший опасность зверь.

— Так что, Антон? Просила или нет? Не утруждайте себя попыткой соврать, я знаю, что просила. И знаю, какие цифры вы ей оттуда привезли. Взгляните. Вот эти?

Настя протянула ему листок Филатовой. Антон мельком взглянул на него и молча кивнул.

— Почему вам так неприятен этот разговор? — мягко спросила Настя. — В том, что вы сделали, нет ничего противозаконного или неприличного.

Антон упрямо молчал, глядя куда-то мимо Насти.

— Хорошо, оставим это, — неожиданно сказала она. — Когда вы привезли Ирине Сергеевне статистику?

— Прошлым летом, в августе, — с явным облегчением ответил Антон.

— Припомните, пожалуйста, как это произошло. Какими словами она излагала свою просьбу. Может быть, что-то объясняла вам?

— Она спросила, куда я собираюсь в ближайшее время в командировку. Я сказал, что в Кемерово. Она говорит: «Жаль. А в Энск вы не собираетесь?» Я ответил, что он у меня запланирован на ноябрь, но если нужно, я могу командировки поменять местами, большого значения это не имеет. Ну,

она сказала, что будет очень мне признательна, если я сначала съезжу в Энск, потому что ей для работы нужна статистика, которой нет в Москве, в ГИЦе, а в зональном центре есть. И объяснила, какие данные ей нужны. Вот и все.

— Ирина Сергеевна до этого никогда не говорила с вами об Энске?

— Сейчас вспомню… Да нет, пожалуй. Только однажды спросила, где они защищаются.

— Что делают? — не поняла Настя.

— Где жители Энска защищают диссертации по юридическим дисциплинам, — терпеливо пояснил Антон.

— И где же?

— Обычно или в Москве, или в Екатеринбурге, в юридическом институте. Я ей так и сказал.

— И больше ничего?

— Больше ничего.

— Еще вопрос, Антон. Ирина Сергеевна никогда не упоминала в связи с Энском имя Владимира Николаевича?

— Не помню. Нет, кажется.

— А фамилию Павлов?

— Нет.

— А не в связи? Упоминала?

— Конечно. Она его автореферат искала. Точ-

нее, искал я по ее просьбе.

— Когда это было?

— Год назад примерно. Она сказала, что есть очень интересная диссертация, с которой и мне не мешало бы ознакомиться, только она не помнит, кто автор, зато название знает. Я этот автореферат в библиотеке Академии МВД нашел. Автор — Павлов.

— Теперь, Антон, будьте повнимательней. Мне нужно знать точно, что было сначала, что — потом. Как можно точнее.

— Сначала был автореферат, это совершенно точно. Я помню, что списал с титульного листа выходные данные для Ирины Сергеевны, а читать его не стал, торопился. Я еще тогда подумал: до закрытия библиотеки на каникулы у меня целый месяц, успею в другой раз. В академии библиотека закрывается первого августа и до первого сентября не работает. Потом закрутился, так и не прочитал. Так вот, когда я ей привез выходные данные, она прочитала, что диссертация подготовлена на кафедре уголовного права юридического факультета Энского университета, и спросила, где защищаются жители Энска. А когда я ей ответил, она плечами пожала и говорит: «А этот почему-то в Саратове». Насчет командировок

же разговор был накануне августовских событий, я как раз перед самым путчем улетел в Энск.

— И все-таки вернемся к Энску, — плавно свернула Настя, когда ей показалось, что Антон достаточно освоился с ситуацией. — Вы разумный человек, юрист, вы прекрасно понимаете, что речь идет об убийстве. Ваша попытка что-то скрыть бессмысленна. Чем больше вы будете молчать, тем больше мы будем к вам приставать и не отстанем до тех пор, пока вы не скажете, что вы сделали в Энске такого, о чем вам неприятно говорить. Ирине Сергеевне повредить вы не можете, ее нет в живых. Вы боитесь за себя? Уверяю вас, мы все здесь взрослые люди, и что бы там, в Энске, вы ни натворили, грозить пальчиком вам не будут, тем более что вы выполняли просьбу научного руководителя, то есть человека, от которого вы зависели. Хотите, я попробую догадаться, что вы сделали?

Антон сидел, по-прежнему уставившись в стену.

— После того, как сняли с компьютера статистику для Ирины Сергеевны, вы пошли в картотеку и попросили выбрать карточки за несколько лет на уголовные дела, приостановленные по части два статьи сто девяносто пять. Верно?

Он затравленно кивнул.

— А потом? Что вы сделали потом? Сняли с них копии?

— Нет. — Антон глубоко вздохнул, как перед прыжком в воду. — Я только выписал фамилии следователей и подследственных и номера статей. Честное слово, это все.

— Кто же вам позволил это сделать?

— А… — Антон обреченно махнул рукой. — Меня там все знают, никто за мной не присматривал.

— Где сейчас эти списки?

— Не знаю. Я Ирине Сергеевне отдал.

— И, конечно, никаких фамилий не помните?

— Только следователей, и то не всех, а тех, чьи фамилии чаще всего встречались. А подследственных, конечно, нет.

— Пишите, что вспомните. — Настя протянула ему бумагу.

Пока Антон вспоминал фамилии следователей, Настя разыскала по телефону Мишу Доценко и попросила его срочно приехать.

— Антон, вам придется задержаться здесь. Сейчас подъедет наш сотрудник, поможет вам восстановить фамилии подследственных.

— Но я же сказал: не помню.

— Это вам кажется, — усмехнулась Настя. — На

самом деле вы просто не умеете вспоминать. А Михаил Александрович специально этому учился.

Антон сидел насупившись. «Переживает, — сочувственно подумала Настя. — Выполнил просьбу научного руководителя на свою голову».

— Послушайте, — вдруг заговорил Антон, — у меня в октябре защита диссертации. Если мне будут объявлять выговор, можно сделать так, чтобы не до защиты, а после?..

— Перестаньте, Антон. — Настя рассердилась. — Что вы как ребенок, честное слово! Никто не будет объявлять вам выговор, никто ничего не узнает. Вы что, первый день в милиции?

Антон неопределенно покрутил головой, но немного успокоился. Убрав со стола все бумаги и заперев их в сейф, Настя оставила адъюнкта в своем кабинете и отправилась к Гордееву.

— Порядок, Анастасия, — с облегчением сообщил он. — Рудник никуда не улетел. Посадил жену на самолет и вернулся в город.

— В отпуск отправил? — Настя задала вопрос автоматически, мысли ее были далеко от Рудника и тем более от его жены. Но ответ Гордеева заставил ее чуть не подпрыгнуть.

— В Энск. Наверное, к родителям. Они же оттуда

в Москву года полтора как приехали.

Славный город Энск! Не слишком ли часто ты упоминаешься в последние дни? Настя поделилась с начальником своими сомнениями.

— Может быть, Рудник знаком с Павловым? Это можно было бы красиво использовать. Ты сказала Павлову, что уходишь в отпуск?

— Да. Как мы договорились.

— Отлично. Значит, поступим таким образом…

* * *

Вернувшись к себе, Настя из-за двери услышала возбужденные голоса. В кабинете чуть ли не в обнимку хохотали Антон и Миша Доценко. Оказывается, они вместе учились в Омской школе милиции и теперь весело вспоминали юношеские проказы. Да, папуля, как всегда, прав, подумала про себя Настя, всюду натыкаешься на своих. Хорошо еще, что Павлов не успел обрасти знакомствами в московской милицейской среде. Это сильно затруднило бы работу.

Она положила перед собой послужной список Павлова. Юрист по образованию, работал в партийных и советских органах, в 1986 году назначен в УВД области на должность начальника следственного отдела. Кому могла прийти

в голову такая идея? Впрочем, чего удивляться, в то время считалось нормальным «бросать» партработников на любые руководящие должности «для укрепления». Стало быть, Павлов в следственно-розыскном деле разбирается мало. Он — непрофессионал. Он по специальности — начальник. А по стилю мышления — типичная баба в штанах. Настя очень любила замечательный рассказ Аркадия Аверченко «Ложь», часто его перечитывала. Жизнь показывала, что известный сатирик был прав: женщина, чтобы скрыть малозначительный пустяк, возводит целую Эйфелеву башню лжи, причем делает это неумело, конструкция каждую минуту грозит обвалиться, и она подпирает ее еще большей ложью, увязая в обмане, как муха в капле меда. Мужское же мышление отличается тем, что они предпочитают недосказанную правду и не рискуют быть разоблаченными на ерунде. Итак, Александр Евгеньевич, какую же правду вы хотите замаскировать байками о неземной любви?

Зашел Коля Селуянов, попросил клей и ножницы. Пока Настя рылась в столе, он подошел к распахнутому настежь окну, выглянул на улицу.

— Аська, а где твой поклонник? Что-то я его сегодня не вижу.

— Какой поклонник?

— Тот, что тебя после работы вчера дожидался. И позавчера я его видел.

— Ты не шутишь?

Настя привыкла к бесконечным розыгрышам и подначкам Селуянова. Но сейчас у нее от тревожного предчувствия заныл желудок.

— Коля, я серьезно спрашиваю. У меня нет никакого поклонника, у меня вообще никого нет, кроме Лешки. Но Лешку ты знаешь.

— Значит, кому-то на хвост наступила. Помощь нужна?

Известный шутник и балагур Коля умел мгновенно перестраиваться, чутко улавливая грань между игрой и реальной опасностью.

— Я… не знаю…

Настя растерялась. Она и в самом деле не очень хорошо представляла себе, что надо делать в таких случаях. Ах, какая она была дура, негодовала на Колобка, недоумевала, почему он держит ее на привязи, почему прячет от всех. И вот он перестал ее прятать, он «отдал» ее Павлову, а она, оказывается, ничего не умеет…

— Погоди, не дергайся. Я сейчас.

Коля быстро вернулся, позвякивая связкой ключей.

— Колобок сказал, чтобы я отвез тебя на квартиру к его сыну, они сейчас все в деревне. Сначала к тебе домой, соберешь вещи, и отправим тебя в отпуск. Да не бойся ты, — добавил он, видя Настино побледневшее лицо. — Оторвемся. Не в первый раз.

Настя Каменская боялась напрасно. Весть об уходе в отпуск уже достигла нужных ушей, и за ней, как за человеком, выбывшим из игры и более опасности не представляющим, решили не наблюдать. Услуги частных фирм стоят дорого, нечего деньги впустую выбрасывать.

* * *

У Гордеева-младшего квартира была просторной, с удобной планировкой, большой квадратной прихожей. Селуянов поставил на пол большую дорожную сумку, критически осмотрел дверной замок, заглянул в комнаты.

— Располагайся, отдыхай. Колобок велел передать, чтобы ты не стеснялась. Ну, я пошел.

Проводив Колю, Настя начала распаковывать свой багаж. Вытащила яркие красивые майки, юбки, две пары светлых модных брюк, три коробки с обувью. У нее, зимой и летом ходившей на работу в одних и тех же джинсах, был хороший

гардероб, постоянно пополняемый живущей за границей матерью. Вещи эти Настя не надевала, но обожала примерять и крутиться перед зеркалом.

Разложив одежду на стульях, она вытащила из большой сумки сумочку поменьше. В ней Настя захватила с собой то, что ее отец называл «игрушками», мать — забавным хобби, а сама она — лучшим в мире развлечением. Расставила на столе многочисленные флакончики, баночки, коробочки, замшевые футляры. Рядом положила несколько толстых, прекрасно оформленных журналов. Сегодня она слишком устала. Она займется этим завтра.

Постелив себе на диване в маленькой комнате, Настя приняла душ, забралась в постель и раскрыла зеленую папку, в которой лежал четвертый экземпляр монографии Ирины Сергеевны Филатовой.

* * *

Из здания Ленинской библиотеки вышла стройная женщина с рыже-каштановыми волосами. Весело цокая тонкими каблуками изящных босоножек, она дошла до Военторга, свернула за угол и села в темно-вишневый «Москвич-Алеко».

— Ну как? — спросил сидящий за рулем мужчина. — Ознакомилась?

Женщина кивнула.

— Потрясающе. — Она помолчала, словно подбирая нужные слова. — Язык, логика изложения, четкость формулировок — просто блеск. Работа уникальная.

— И какой из этого вывод?

— Какой может быть вывод? — Женщина достала из сумочки зеркало и принялась подправлять косметику. — У уникальных работ должны быть уникальные авторы. Вот и весь вывод. Я не опаздываю?

Мужчина посмотрел на часы.

— Нормально. Успеваешь.

* * *

Александр Евгеньевич Павлов предупредительно ждал свою гостью на крыльце, в тени, возле стеклянных вращающихся дверей.

— Здравствуйте, Лариса.

Он поцеловал протянутую руку, сжимая кисть на секунду дольше, чем полагалось бы.

— Александр Евгеньевич, — начала Лебедева, когда Павлов подал ей кофе и дал понять, что готов к работе, — я понимаю, что вы человек

занятой, поэтому постараюсь сделать так, чтобы отнять у вас как можно меньше времени.

— Вы меня огорчаете, Лариса, — с шутливой обидой протянул Павлов. — Я бы хотел, чтобы мы с вами общались как можно дольше.

— Я показала материал, который подготовила после беседы с вами, своему редактору, — невозмутимо продолжала она, не поддаваясь на легкий тон, — и он очень заинтересовался вашей концепцией. Мне поручено сделать не короткое интервью, как сначала планировалось, а развернутое, типа проблемной статьи. Чтобы не отвлекать вас, я прочла вашу диссертацию в Ленинке. Это избавит вас от необходимости подробно объяснять мне все нюансы и детали. Теперь мы можем только обсудить план интервью, согласовать вопросы, которые я собираюсь вам задать. А ответы я напишу сама, исходя из текста вашей диссертации. Вас устраивает мое предложение?

— Я польщен, что мою работу кто-то читал, а тем более — вы. Вот уж не думал, что она кого-нибудь заинтересует.

— Не скромничайте, Александр Евгеньевич. — Лебедева обворожительно улыбнулась. — Вы прекрасно знаете, что проблема борьбы с кор-

рупцией сегодня — одна из самых актуальных. И не далее как в среду вы публично заявили, что будете отстаивать свою концепцию. Но вы не ответили на мой вопрос. Вас мое предложение устраивает?

— Вполне, если вам так удобнее, — суховато сказал Павлов.

— А вам? — Шоколадные глаза блеснули, полные губы приоткрылись, будто желая подсказать Павлову нужный ответ. И он услышал подсказку.

— Не дразните меня, Лариса. — Он натянуто улыбнулся. — Вы же видите, я очарован вами. Я согласен на любое ваше предложение, если оно устраивает вас. Но взамен вы позволите пригласить вас на ужин?

— Позволю. Если мы договорились, то давайте начнем работать.

Некоторое время они деловито обсуждали вопросы, ответы на которые Лариса собиралась формулировать сама, без помощи Павлова.

— Давайте уточним несколько моментов. Вы ссылаетесь на проведенный американцами опрос советских граждан в конце семидесятых годов. Что это был за опрос, какова была выборка респондентов? Я хотела бы, чтобы это непремен-

но было в статье.

— Вы думаете, нужно? — засомневался Павлов. — По-моему, это не очень интересно. Давайте не будем это включать.

— Хорошо, — покладисто согласилась журналистка. — Вы критикуете работу Сьюзан Роуз-Эккерман, которая предлагает математическую модель, позволяющую определять вероятность того, будут ли чиновники при той или иной иерархической структуре брать взятки. Чем вас не устроила эта модель и чем отличается от нее ваша концепция?

— Да что вы, Лариса, неужели вы собираетесь терзать читателей этими тонкостями? Зачем им математика? Они дочитают до этого места, и им станет скучно. Не надо портить материал, — убедительно уговаривал Павлов.

— Как скажете. Это ведь ваше интервью.

Лариса, казалось, ничуть не обижается.

— Вы пишете, что пользуетесь классическим определением коррупции, которое сформулировал Наг. Вы сами перевели с английского формулировку или пользовались опубликованным русским переводом?

— Я где-то прочитал определение. Сейчас уже запамятовал. У вас еще много вопросов?

— Много, — вполне серьезно ответила Лебедева. — Но я боюсь вам надоесть, и вы в отместку оставите меня без ужина. Мне бы не хотелось остаться голодной.

Когда официант принес кофе, Лариса посмотрела на часы.

— В моем распоряжении ровно тридцать минут.

— А что будет через тридцать минут? Пробьют часы, и вы превратитесь из принцессы в Золушку? — пошутил Александр Евгеньевич.

Брови Ларисы приподнялись, губы изогнулись в легкой улыбке, но глаза ее не улыбались. Они были серьезными и странно неподвижными. «Будто спрятанный в лесу капкан, — подумал Павлов. — Неподвижно стоит и ждет, когда в него попадется дичь. Опасная, чертовка».

— Через полчаса меня будет ждать муж с машиной. Вы же не думаете, что я вечером поеду одна в общественном транспорте.

— Я бы проводил вас. Это доставило бы мне удовольствие.

— Пешком? Или на такси? — Лариса тихо рассмеялась своим хрипловатым смехом. — Не усложняйте, Александр Евгеньевич. Муж сейчас у родителей, на Бронной. Через полчаса он

встретит меня возле «Макдоналдса», и все будет прекрасно. Если мы пойдем теперь же, то можем не спеша прогуляться.

Они медленно шли по бульвару от Арбата до Тверской. Женщина чувствовала горьковатый запах туалетной воды, которой пользовался ее спутник. Ей нравилось слушать его тихий напряженный голос, его недосказанные многозначительные фразы, нравилось ощущать прикосновения его руки к своему обнаженному плечу, как бы случайные, но исполненные страсти. Ей нравилось чувствовать, что она желанна. Но ей не нравился сам Павлов.

Не доходя до «Макдоналдса», Лариса остановилась.

— Меня уже ждут. Дальше я пойду одна. Я вам позвоню.

Она на мгновение приблизилась к Павлову, ровно настолько, чтобы коснуться его грудью и дать ему почувствовать сладкий запах своих духов. Потом порывисто повернулась и почти бегом направилась к серебристому «Вольво», припаркованному на углу Тверской.

Машина была другой, но водитель — тот же. Захлопывая дверь, женщина восхищенно сказала:

— Роскошная тачка.

— Я же все-таки работник МИДа, — улыбнулся мужчина за рулем. — Сказала бы, что я слесарь, я бы на «Москвиче» прикатил.

Женщина расхохоталась.

— Димка, ты — прелесть. Поехали скорее домой, глаза болят — сил нет терпеть. Как будто песку насыпали. Ты не забыл, что сегодня ночуешь со мной?

— Как же, забудешь, — шутливо проворчал Дима. — Не каждому такое счастье выпадает — провести ночь с самой Каменской.

* * *

Они вошли в квартиру Гордеева-младшего, где на всякий случай должны были изображать семейную пару. Прямо от порога Настя бросилась в кресло и вытянула ноги.

— Господи, как же все болит! — простонала она. — Муки адские. По-моему, босоножки с кожей срослись. Эй! — позвала она. — Муж ты или не муж? Помоги больной жене.

Захаров опустился перед ней на колени и начал осторожно снимать с Насти обувь.

— У тебя ноги красивые, — сказал он, проводя рукой вверх от лодыжки до колена.

— Только сейчас заметил? — насмешливо спросила Настя.

— Ты же в джинсах все время, как тут заметишь.

— Подай мне, пожалуйста, вон ту коробочку, — попросила она.

Отвинтив крышки с двух пластмассовых емкостей с физраствором, Настя быстро и умело вынула из глаз контактные линзы, сделавшие ее светлые глаза шоколадно-коричневыми. Проделав эту операцию, она облегченно вздохнула.

— Теперь можно жить. Ты так и будешь сидеть на полу?

— Буду. Отсюда смотреть удобнее.

Настя откинулась в кресле, закрыла глаза, отдыхая.

— И что же ты видишь со своего удобного места? — спросила она, не открывая глаз.

— Что ты очень красивая.

— Не выдумывай. Это все грим. Сейчас я соберусь с силами, пойду в ванную, смою с себя этот маскарад, сниму парадные тряпки и опять превращусь в серую мышку.

Настя говорила медленно, лениво, едва шевеля губами. Целый день в образе темпераментной энергичной журналистки дался ей нелегко.

— Павлов, наверное, умирал от желания?

— Умирал, — равнодушно подтвердила Настя.

— А ты? Тебя это не будоражит?

— Нет. Если бы это был не Павлов, тогда — может быть.

— А я?

— Что — ты?

Дима осторожно поцеловал ее колено. Настя не шевельнулась.

— Ты очень красивая.

— Ты уже говорил. У меня с памятью все в порядке.

— И еще раз повторю.

— Зачем?

— Чтобы ты это запомнила.

— Я запомнила.

— Но не поверила?

— Нет.

— А почему именно этот типаж ты выбрала? Павлов любит рыжих?

— Не знаю. — Настя чуть заметно шевельнула плечом. — Просто увидела такую женщину на улице, она мне понравилась. Срисовала.

— А кого еще ты можешь изобразить?

— Кого угодно. Много лет тренируюсь. У меня хобби такое — менять внешность. Мама часто за

границей бывала, привозила всякие игрушки.

— Какие игрушки?

— Ну, грим, краски для волос, линзы всех цветов. Остальное я сама придумывала. Училась менять голос, жесты, походку. Очень хорошо отвлекает.

— От чего отвлекает?

— От мыслей о бренности существования. — Она усмехнулась. — Так что если меня выгонят из милиции, без работы не останусь. Пойду на киностудию фильмы озвучивать.

Дима подвинулся ближе, положил голову ей на колени.

— Если ты все это умеешь, то почему не пользуешься?

Настя лениво подняла руку, безвольно свисавшую с подлокотника кресла, запустила пальцы в его волосы.

— Зачем своих обманывать? Какая есть — такая есть.

— Мужики по тебе сохли бы.

— Мне неинтересно.

— Почему? Нормальной женщине это должно быть интересно.

— Я — не нормальная женщина. Я вообще не женщина. Я — компьютер на двух ногах. И потом,

они все равно увидели бы меня после ванны. И вся любовь тут же кончилась бы.

— Не наговаривай на себя. Ты — нормальная молодая красивая женщина. Только в тебе огня нет.

— Огня нет, — согласилась Настя.

— Может, ты не хочешь его зажигать?

— Может, не хочу. Перестань меня уговаривать. Я очень устала. У меня сил нет дойти до душа, а ты мне рассказываешь про высокую страсть. Ну нет ее во мне, что я могу поделать?

— Хочешь, я тебе помогу?

— В чем? — Настя открыла глаза, внимательно посмотрела на Захарова.

— До душа дойти. Раз в тебе нет высокой страсти, тебя это не должно смущать.

— Помоги. — Она опять расслабленно прикрыла глаза.

Дима включил в ванной воду, налил в нее пенящийся «Бадузан», вернулся в комнату. Не поднимая Настю с кресла, осторожно снял с нее мини-юбку, потом аккуратно, стараясь не касаться тела руками, стянул бирюзовую майку на бретельках.

— А грудь-то! — Он укоризненно покачал головой. — Это надо совсем себя не любить, чтобы

такую красоту прятать.

— А я и не люблю.

Настя по-прежнему не открывала глаз.

— А что ты любишь?

— Задачки решать.

Он легко подхватил Настю на руки, отнес в ванную и осторожно опустил в воду. В горячей воде она быстро приходила в себя, бледные щеки порозовели. Дима уселся на край ванны, продолжая с любопытством рассматривать Настино умытое лицо.

— Сколько раз тебя Павлов видел в натуральном виде?

— Два.

— И ты не боялась, что он тебя узнает? Рисковая ты девушка.

— Никакого риска. Меня почти невозможно запомнить. Я — никакая. Вот ты столько лет меня знаешь, а описать словами не сможешь. Во мне нет ни одной яркой черты.

— Кто тебе сказал, что ты — никакая? Сама придумала?

— Отчим. Это случайно вышло. Мне тогда пятнадцать лет было. Он по телефону разговаривал, не думал, что я слышу. Кого-то распекал, что слишком заметного парня куда-то послали. Он

тогда еще в розыске работал. И говорит: «Он должен быть таким, как моя Аська. Никаким. Сто раз мимо пройдешь и не запомнишь». Я, естественно, в слезы. Он понял, что я слышала, утешать начал. Вот тогда-то он мне и сказал: «У тебя лицо как чистый лист бумаги. На нем что угодно можно нарисовать. И красоту, и уродство. Это редчайший дар природы, им надо уметь пользоваться». Кроме того, Димуля, мы ведь не черты лица запоминаем, а масть, мимику, моторику, голос, манеры. А это все легко меняется, было бы желание. Так что, повторяю, риска не было ни малейшего.

— Ты с ним и голос меняла?

— Конечно.

— Скажи что-нибудь, мне интересно, как ты с ним разговаривала, — попросил Дима.

Низким голосом, в котором явственно слышались англоязычные интонации, Настя произнесла:

— Мне кажется, Дмитрий Владимирович, вы предпринимаете попытки меня соблазнить. Я полагаю, что вы человек трезвомыслящий и отдаете себе отчет в полной безнадежности вашего предприятия.

Она скользнула вниз, и белая пена укрыла ее

до самого подбородка.

* * *

— Ну, ожила? — спросил Захаров, когда Настя, укутанная в длинный халат, вышла из ванной. — Я чай заварил. Садись, рассказывай.

— Мне перед сном чай нельзя, — помотала головой Настя. — Я яблоко погрызу. Значит, так, Димуля. Первое. Александр Евгеньевич Павлов хорошо ориентируется в тексте своей диссертации, помнит его и достаточно связно излагает. Но я абсолютно убеждена, что он ее не писал. Он всего лишь добросовестно выучил ее. Он не смог ответить ни на один вопрос, на который ответил бы любой настоящий автор.

— Значит, Филатова не преувеличивала, когда говорила мне в машине, что начальникам диссертации пишут профессора? Я, честно говоря, ей не поверил.

— Зря. Очень распространенная практика. Я это специально выяснила. Теперь второе. Свою монографию Ирина Сергеевна Филатова писала, несомненно, сама. Среди ее бумаг есть переводы всех зарубежных работ, на которые она ссылается, причем переводы не официальные, а рукописные, выполненные ею же. Она хорошо

владела английским. Стиль, логика, подача материала — все указывает на ее авторство.

— А что, были какие-то сомнения?

— Посуди сам. План на следующий год верстается в сентябре. До этого долгое время Филатова отказывается заниматься докторской диссертацией, она постоянно загружена текущей научной работой. Наконец, после длительных уговоров, она заявляет в план монографию, происходит это в сентябре прошлого года, а уже к Новому году книга отпечатана начисто. Ее адъюнкт получает экземпляр, по его словам, сразу после праздников. Когда она успела ее написать?

— Бывает же, что все материалы и наброски уже готовы, остается только скомпоновать их. Это не занимает много времени.

— Бывает, — согласилась Настя. — Но где эти наброски? Я не нашла ничего, ни одного самого малюсенького листочка. Такое может быть только в том случае, если книгу ей кто-то написал. Или она украла рукопись. Но все это не так, потому что, повторяю, ее авторство сомнению не подлежит.

— Ты видишь какую-то связь между диссертацией Павлова и этой монографией? — недоверчиво спросил Дима.

— Самую прямую. — Настя вздохнула. — Тексты абсолютно идентичны. Слово в слово. Только названия разные. У Павлова — «Криминологическая характеристика консенсуальных деликтов в сфере советского государственного управления», а у Филатовой «Криминология. Коррупция. Власть». Да по существу и названия не так уж отличаются, консенсуальные деликты в сфере государственного управления — это эвфемизм, характерный для того периода, когда Павлов защищался. На самом деле это завуалированное название коррупции.

— Ничего не понимаю. В восемьдесят седьмом году кто-то пишет Павлову диссертацию, а спустя четыре года Филатова самостоятельно пишет точно такую же работу? Настя, не морочь мне голову.

— А ты не допускаешь, что этим «кто-то» и была Филатова? Почему бы ей не написать Павлову диссертацию за деньги? Тогда, по крайней мере, ясно, что Павлов действительно давно знает ее, но не хочет афишировать деловой характер знакомства и прикрывается амурными делами. Здесь многое не сходится, согласна, но в качестве рабочей гипотезы подойдет. Во всяком случае, эта гипотеза объясняет отсутствие черновых

материалов и невероятную скорость написания книги. Павлов чем-то очень обидел Ирину, и она решилась на публикацию давно написанной рукописи. Если бы Павлов поднял скандал и обвинил ее в плагиате, она бы в два счета доказала свое авторство.

— А что у тебя не сходится? По-моему, вполне правдоподобно.

— Нет, в этой гипотезе дыр больше, чем связок. В одну дыру у меня провалился автореферат диссертации Павлова, который Филатова искала по названию, а не по фамилии автора. В другой дыре торчит голова какого-то Владимира Николаевича. И вообще это не вяжется с ее характером: написать кому-то работу, получить за это деньги, а потом пытаться при помощи этой же работы пролезть в докторантуру. Мошенническим путем собрать два урожая с одного посева. Нет, не вяжется. Если бы она написала диссертацию за деньги, то не стала бы публиковать книгу. И наоборот, она опубликовала бы книгу только в том случае, если бы не было этой истории с диссертацией. Или — или. И анализ статистики по Энской области никак сюда не приклеивается. Ирина искала компромат на Павлова, это совершенно очевидно. Зачем?

— Может быть, чтобы он не возникал, когда она опубликует книгу?

— Слишком сложно, — покачала головой Настя. — Ей незачем было бояться этого. Любая филологическая экспертиза подтвердит ее авторство. И потом, заткнуть рот Павлову — вовсе не решение вопроса. Кто угодно может прочитать и диссертацию, и монографию, тем более что они посвящены одной проблеме. Нет, тут что-то другое. Но самое главное — непонятно, какое отношение все эти научные дела имеют к убийству. Пойдем-ка спать, Димуля. В постели лучше думается.

— Женщина, у которой постель ассоциируется с местом для размышлений, совершенно безнадежна, — шутливо вздохнул Захаров.

Но Дима Захаров ошибался, Настя вовсе не была так уж безнадежна. Просто она привыкла решать задачи последовательно, по мере их возникновения.

Лежа в постели в маленькой комнате квартиры Гордеева-младшего, она снова и снова пыталась составить такое уравнение, при решении которого в ответе получились бы два идентичных текста и один труп. Было почти четыре часа утра, когда уравнение наконец составилось.

Настя встала, накинула халат и на цыпочках подошла к комнате, в которой спал Дима. Дверь была распахнута настежь, Настя осторожно заглянула в комнату.

— Дима, — шепотом позвала она.

Тот мгновенно открыл глаза, словно и не спал.

— Ты чего не спишь? — спросил он тоже шепотом.

— Я решила.

— Что ты решила?

— Задачку. Я все поняла. У меня возникли новые вопросы, но зато не осталось ни одной дыры.

Дима включил лампу у изголовья и посмотрел на Настино сияющее лицо и сверкающие от радости ярко-голубые глаза.

— Сумасшедшая! — тихо проговорил он с улыбкой. — Для тебя решенная задачка слаще шоколадной конфеты. Иди сюда.

Настя вытянулась рядом с ним на диване, обняла за шею и возбужденно зашептала:

— Скорей бы утро! Тогда я смогу кое-что выяснить…

— Замолчи, — одними губами произнес Дима, крепко прижимая ее к себе и целуя. — Хватит быть умницей. Побудь хоть немного просто женщиной…

* * *

— Я думаю, произошло следующее, — рассказывала на другой день Настя приехавшему к ней Гордееву. — В 1986 году Павлов, став начальником следственного отдела УВД области, решает, что неплохо бы ему стать кандидатом наук, для дальнейшего продвижения. О том, чтобы написать работу самому, речь не идет. Он обращается к некоему лицу, назовем его условно посредником, чтобы тот нашел «рабочую лошадку», желающую заработать десять тысяч. В то время именно столько стоила диссертация «под ключ», то есть с введением, заключением, списком литературы и авторефератом. Посредник находит Филатову, которая остро нуждается в деньгах, потому что из-за жилищных условий не может устроить свою личную жизнь. У нее в разгаре роман с хирургом Корецким, и роман этот наверняка закончился бы разводом Корецкого и браком с Филатовой, если бы решился квартирный вопрос. Ирина берется за диссертацию и занимается кооперативом, рассчитывая на обещанный гонорар. Но Павлов — человек осторожный. Он ставит посреднику условие: «рабочая лошадка» ни в коем случае не должна знать, на кого она работает. Ни имени,

ни должности, ни даже города, в котором живет заказчик. Он известен Ирине под вымышленным именем «Владимир Николаевич», она не знает даже его телефона. Она имеет дело только с посредником, который передает заказчику ее координаты. Связь, таким образом, у них односторонняя, «Владимир Николаевич» сам звонит Ирине, согласовывает с ней тему, содержание глав и параграфов, а когда она сообщает, что работа готова, присылает посредника за текстом. И исчезает, не заплатив. Вот они, те десять тысяч, которых Ирина ждала, но не дождалась. Где искать недобросовестного заказчика, она не знает. Связи с посредником у нее нет. Она понимает, что ее обманули. Будучи человеком одновременно обидчивым и гордым, она не пытается искать обманщика. И историю эту, по вполне понятным причинам, никому не рассказывает. На том этапе она ее похоронила в душе.

Проходит четыре года, начальник все настойчивее рекомендует ей заняться докторской диссертацией, чтобы номинально соответствовать занимаемой должности ведущего научного сотрудника. Филатова раздумывает, можно ли использовать написанную ею работу. Может быть, заказчик не стал защищать диссертацию?

Передумал, обстоятельства изменились, текст не понравился — да мало ли по каким причинам. Если диссертация не защищена, то рукопись готова к использованию. Она обращается к своему адъюнкту, и он приносит ей ответ: диссертация защищена в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году, автор — Александр Евгеньевич Павлов из Энска. По-видимому, она наводит о нем справки и узнает, где и кем он работает. В ней поднимается прошлая обида, на которую наслаивается и неудавшаяся личная жизнь, и пренебрежительное отношение к науке со стороны руководителей-управленцев. Замкнутая, трудолюбивая, безотказная, Ирина Филатова испытывает к Павлову такую жгучую ненависть, которую трудно было даже заподозрить в ней. Она понимает, что человек, «нагревший» ее на десять тысяч, наверняка нечестен в работе. Опытный аналитик, она знает, где искать. Но она ищет не просто компромат на Павлова, она не собирается его шантажировать и тем более не собирается ничего доказывать. Она ищет, чем его можно напугать, смертельно напугать, а еще лучше — уничтожить как личность, заставив жить в вечном ожидании неприятностей. И она находит. Она находит фамилии людей, которые

не простят Павлову, если вокруг него поднимется скандал, который может вывести на их прошлые грешки. А скандал обязательно возникнет, если она опубликует свою книгу и найдется хоть один человек, который сравнит ее с диссертацией Павлова. Тогда она ставит книгу в план НИР института.

Павлов тем временем объявляется в Москве, в Штабе МВД России. Ирина никогда не видела его в лицо, фамилия у него достаточно распространенная, услыхав, что в министерстве появился новый главный эксперт Павлов, она еще ни в чем не уверена. Она «примеряет» его, думает о нем, даже записывает его служебный телефон. Но их очное знакомство происходит позже, зимой. Начальник Филатовой помнит, что он лично знакомил их у себя в кабинете, представляя новому главному эксперту своего ведущего сотрудника. Павлов понимает, кто перед ним. Некоторое время Ирина держит его в напряжении, потом дает понять, что узнала в нем своего заказчика. По-видимому, это произошло в марте, потому что как раз тогда Павлов начал наезжать в институт, как говорит Семенова, «с цветами и подарками». Можно предполагать, что он узнал о замысле Ирины и пытался уломать ее, как говорится, доб-

ром. Убедившись, что она не поддается, принял более жесткий тон. С середины апреля начались вызовы в министерство и морока с переработкой документов. На самом деле Павлов использует любой повод повидаться с Ириной и уговорить при помощи денег, угроз или еще чего-нибудь, он пробует взять ее измором. Та же Семенова утверждает, что Ирина не умела никому говорить «нет», была очень мягкой и уступчивой. Один бог знает, чего ей стоило не уступить Павлову. После этих разговоров она приезжает в институт измученная и разбитая. Видно, уж очень сильна была обида. Мошенничества она никогда не прощала.

Но Ирина чего-то не учла, где-то просчиталась, потому что Павлов испугался этого скандала гораздо сильнее, чем она предполагала. Настолько, что стал бояться за свою жизнь. Что-то в этой ситуации есть такое, чего Ирина не знала и не могла знать, а сказать ей это Павлов не мог или не имел права. Это и послужило причиной ее гибели.

Когда Павлов попал в поле нашего зрения, он начал отчаянно врать про любовь, про то, что давно знает Ирину. Казалось бы, зачем? Все имеющиеся в наличии экземпляры рукописи исчезли, надо думать, не без его помощи. Про четвертый экземпляр он и знать не знал. Никто никогда не

связал бы имя Ирины с его диссертацией. Могу предположить, что дело здесь в посреднике. Павлов ему не доверяет. У него нет никаких гарантий, что посредник еще тогда, в 1986 году, не «сдал» его Филатовой. А вдруг Ирина кому-нибудь об этом сказала? Он начнет отрицать их знакомство, а кто-то станет утверждать обратное, ссылаясь на Ирину. Он решил подстраховаться, но сделал это крайне неумело и топорно. Это влетело ему в копеечку, а нас заставило приглядеться к нему повнимательнее. Я думаю, все было именно так. И возникают два вопроса: чем конкретно Филатова думала испугать Павлова и чего он так сильно испугался на самом деле? Понятно, что убийство совершил не он. Убийство «заказное», это значит, что повод для него был очень и очень серьезный…

— Складно выходит. — Гордеев задумчиво постучал ложечкой о край чашки, из которой пил чай. — И все, что мы на сегодняшний день знаем, вроде бы в эту картинку укладывается. А вдруг все было не так? А, Анастасия? Может такое быть?

— Может, конечно. Просто я пока ничего другого не придумала.

— Ну что ж, раз нет пока ничего другого, будем работать с этой версией. Давайте определимся,

что мы можем и чего не можем. Мы можем пойти по тому же пути, по которому шла Филатова, поехать в Энск, поднять карточки и архивные уголовные дела, восстановить полностью список фамилий, развернуть мощную проверочную деятельность и попытаться выяснить, чем она напугала нашего друга Павлова. Допустим, мы это выяснили. Что нам это дает? В нашу задачу не входит обвинение Павлова во взяточничестве, тем более что доказать здесь практически ничего невозможно. Сами для себя мы сделаем вывод о том, что Александр Евгеньевич нечист на руку. Ну и что? Это ни на миллиметр не приблизит нас к убийце Филатовой. Более того, Павлов меньше года как уехал из Энска, у него там полно своих людей, и, если мы начнем проявлять активность, он узнает об этом через два часа. А нам этого не нужно.

«Да, папуля, — подумала Настя, — круг и вправду тесный. Не зря ты говорил, что хуже нет — работать среди своих».

— Если предположить, что Анастасия права и Павлов является инициатором убийства, потому что есть некоторое обстоятельство, представляющее для него смертельную опасность, — продолжал между тем Гордеев, — то пугать его ни в коем

случае нельзя. Нельзя по двум причинам. Во-первых, убийство Филатовой произошло потому, что она была единственным источником опасности. Ее устранили, и Павлов спокойно сидит на месте. Если напугать его суетой вокруг Энска, то что он сделает? Не сбросит же бомбу на УВД в Энске, а заодно и на Петровку. Сбежит куда-нибудь, застрелится, но в любом случае к убийце он нас не приведет. В этой ситуации убийца ему не поможет, слишком много людей вовлечено в оборот. Во-вторых, пугать Павлова нельзя, потому что его самоуверенность — наш козырь. Я надеюсь, ты его во лжи не уличала? — обратился он к Насте.

— Ни в одном глазу, — заверила она. — Все приняла за чистую монету, и Филатову, и диссертацию.

— Очень хорошо. Павлов достаточно осторожен, но не очень профессионален, зато весьма самонадеян. Он успел наделать массу ошибок, но не подозревает об этом. И не должен подозревать. Нам удалось создать у него иллюзию, что «научная» версия проработана и закрыта. Каменская ушла в отпуск, а убийство мы пытаемся раскрыть со стороны Интерпола и Идзиковского. С другой стороны, мы создали у него впечатление о самом себе как о человеке ловком, умном и хитром. Это

впечатление мы должны всячески поддерживать. Тогда мы сможем заставить его действовать так, как нужно нам. А напуганный человек, хотя со страху и совершает много ошибок, непредсказуем, им невозможно управлять. Пусть Павлов думает, что он все делает правильно. Дмитрий, — он посмотрел на Захарова, — ты как? Умываешь руки или будем работать дальше?

— Виктор Алексеевич, я же говорил вам, вы можете на меня рассчитывать полностью.

— Спасибо. С этим все. Теперь Ковалев, вернее Рудник. Рудник хорошо знаком с Павловым, это я уже выяснил. Анастасия, начинаешь работать с Рудником. Попроси Павлова составить тебе протекцию. Таким образом мы убьем двух зайцев. Отвлечем внимание Павлова, дадим ему понять, что ты как журналистка интересуешься не только его гениальной диссертацией и не только проблемой коррупции. И к Руднику ты придешь не «с улицы». Уточним легенду. Ты Павлову что-нибудь о себе рассказывала?

— Муж — работник МИДа, долго жила с ним на Востоке, мать — азербайджанская турчанка. Больше ничего.

— Откуда это все взялось? — изумленно спросил Гордеев. — Ну и фантазия у тебя, деточка. А

почему не внебрачная дочь короля Норвегии?

— Тип не тот, — засмеялась Настя. — Темнорыжая, кареглазая и темпераментная не может быть норвежкой. На самом деле я копировала вполне реальную женщину, которую видела своими глазами. У нее был легкий акцент, который я сохранила, чтобы не выпадать из образа. Когда Павлов его заметил, нужно же было что-то сказать, сказала первое, что в голову пришло. А в голову пришла Турция, потому что как раз перед этим я говорила с Доценко о турецко-карабахской версии. Вот и все.

— И что Павлов? Удовлетворился твоими объяснениями?

— Я, кажется, сумела довольно натурально смутиться, так что он вполне может подозревать во мне иностранку. По-моему, для работы с Рудником это будет неплохо.

— Будет неплохо, — согласился Гордеев. И добавил: — Если ты грамотно сработаешь. И имей в виду, Рудник, по моим сведениям, в плохом состоянии. Подавлен, нервничает, отправил жену в Энск, встретился со своей девицей и напился до невменяемого состояния, хотя это за ним не водится. Продумай это. И завтра приступай.

Гордеев ушел вместе с Захаровым, который

вызвался его подвезти. У порога Дима обернулся, стараясь поймать взгляд Насти и прочитать в нем приглашение на вечер. Но в ее глазах он не видел ничего, никакого следа предрассветной вспышки. Она решила одну задачу и принялась за решение следующей.

Глава 8

А следующей задачей для Насти Каменской была подготовка к очередной встрече с Павловым. К этой встрече должен быть готов текст статьи с изложением концепции борьбы с коррупцией, а результатом встречи должен явиться звонок Павлова Руднику и согласие последнего принять для беседы журналистку Лебедеву. Над этой задачей Настя трудилась до позднего вечера, используя в качестве подспорья монографию Филатовой, которая вполне заменяла диссертацию Павлова и избавляла от необходимости сидеть в Ленинке. Закончив печатать текст, она придирчиво пересмотрела свой гардероб и остановила выбор на темно-синем комбинезоне из тонкой синтетики. Конечно, в этом году комбинезоны уже вышли из моды, а по нынешней жаре в синтетике ей будет не очень комфортно, но зато такая ткань легко отстирывается. Сняв халат, Настя вышла на кухню и несколько раз прорепетировала. Получилось нормально. На случай, если Павлов окажется не очень внимательным, она продумала еще пару домашних заготовок, которые при необходимо-

сти можно будет пустить в дело.

Закончив работу, Настя привычно подвела итоги. Ну что, подруга, сказала она себе, посмотрим, какие выводы можно сделать из вчерашнего дня. Первое. Когда интерес мужчины к тебе является результатом твоих собственных целенаправленных усилий, это не вызывает волнения или, как выразился Дима, не будоражит, но оставляет чувство удовлетворения, как от хорошо выполненной работы. Второе. Интерес, проявленный Захаровым, был спровоцирован образом красотки-журналистки и скорее всего не распространялся на Настю как таковую. Она прекрасно это понимала, но Димке удалось подловить ее в тот момент, когда она была радостно возбуждена, решив трудную задачу. С этим все. Теперь Энск. Терпеливый и дотошный Доценко сумел «выжать» из Антона около трех десятков фамилий подследственных, но ни одна из них не бросалась в глаза. Статьи же, по утверждению Антона, были в основном «хозяйственно-должностные» — присвоения, растраты, взятки и только несколько общеуголовных. Любопытно, нет ли в этом списке фамилии Рудника? Антон ее не вспомнил. Если только…

Настя схватила телефонную трубку. Ей везло не

часто, но сегодня был именно тот случай. Антон оказался в гостях у Доценко.

— Рудник? — переспросил он. — Был. Точно был. Статья сто двадцатая.

— Какая?! — Настя чуть не уронила телефон.

— Сто двадцатая. Я потому и запомнил, что статья редкая, а в тех карточках вообще единственная. Я еще тогда подумал, что он однофамилец нашего начальника типографии. Нет, имени и отчества, конечно, не помню.

Однофамилец? Родственник? Или сам лично Борис Васильевич Рудник оказался любителем несовершеннолетних девочек? Черт возьми, ну и в положение она попала. Хорошо, если это однофамилец. А если нет? Тогда ни с какими просьбами о Руднике к Павлову обращаться нельзя. Придется переписывать весь сценарий. Ах, как некстати, если речь идет о том самом Руднике! То есть для дела Филатовой, конечно, хорошо, а для борьбы с Ковалевым — не очень. Если Павлов заметит, что Лебедева крутится около Рудника, он забеспокоится, а тревожить его нельзя. Но это только при условии, что Рудник — тот самый… Если же не трогать Рудника, то придется искать другой источник информации о Ковалеве, и опять время уйдет. Придется сыграть с Павловым

в открытую…

— Уже готово? — не скрыл своего восхищения Павлов, пролистывая принесенный журналисткой текст интервью. — Вы очень быстро работаете, Лариса. Красивая женщина должна себя щадить, — многозначительно добавил он.

— У меня нет возможности щадить себя. Чтобы зарабатывать деньги, надо быстро поворачиваться.

Павлову показалось, что она сказала это раздраженно и сухо. И вообще сегодня Лариса была другая, чем-то недовольная, все время озабоченно поглядывала на часы. Кажется, только и ждет, когда можно будет вскочить и уйти. Но Александр Евгеньевич так легко завоеванные позиции не сдавал. Он слишком хорошо помнил, какая она была всего два дня назад, в субботу. Нет, в таком настроении он ее не отпустит.

— Что с вами, Лариса? — мягко спросил он. — Чем вы расстроены?

Она уклонилась от ответа, сделав вид, что не слышит.

— Прочитайте, пожалуйста, текст, Александр Евгеньевич. Если вас устраивает, будем ставить в номер через две недели.

— А если меня что-то не устраивает? Вы будете

переделывать и опять придете ко мне? Или бросите эту затею?

Она молча курила, всем своим видом выдавая нетерпение. Павлов поднялся со своего места, подошел к приставному столику, за которым сидела Лариса, подвинул себе стул, сел рядом с ней. Ласково взял ее за руку, тихо заговорил:

— Лариса, вы должны понять, я не хочу, чтобы наша сегодняшняя встреча оказалась последней. Но от моего желания мало что зависит, решение принимаете вы. И если ваше решение будет таково, что мы больше не увидимся, я не могу допустить, чтобы расстались мы вот так — сухо, по-деловому, взаимно недовольные. Согласитесь, у нас нет повода сердиться друг на друга.

Не отнимая руки, Лариса подняла на него темные глаза и горько усмехнулась:

— Я бы хотела, чтобы вы были правы. Но, к сожалению, это не так.

— Что именно не так?

— Решение принимаю не я. Мне его навязывают и ставят в такие условия, что отказаться я не могу.

Павлов понял, что она вот-вот расскажет, поделится с ним своими неприятностями, а там, глядишь, и разговор станет более задушевным,

и Лариса смягчится. Он быстро прикинул, что лучше: остаться сидеть, держа ее за руку, или предложить кофе. Он осторожно поднес ее пальцы к губам, поцеловал.

— Давайте-ка я сделаю вам кофе, а вы мне расскажете, как можно поставить вас в такие условия, чтобы вы не могли отказаться. Может быть, я смогу этому научиться, — лукаво улыбнулся он.

Оказалось, Ларисе заказали материал о предсъездовской борьбе в парламенте, причем ясно дали понять, что акценты должны быть расставлены в пользу нынешнего премьер-министра и резко против его конкурента. Она, Лариса, человек независимый по натуре и не терпит, когда ей делают такие заказы, она привыкла писать так, как сама думает. Это во-первых. А во-вторых, она слишком долго жила за границей, в России сравнительно недавно, в парламентских кругах у нее никого нет, и она ума не приложит, как ей собрать информацию. Она решила было отказаться от материала, но дело в том, что заказчик — не та газета, в которой она работает, а совсем другая, и с просьбой они обратились к ней через мужа, который от них сильно зависит и очень просил ее взяться за работу. Особенно ее смущает неве-

роятно высокий гонорар, который ей обещали, но, с другой стороны, деньги так нужны!..

— И вы из-за этого переживаете? — посочувствовал Павлов, подавая ей чашку.

Лариса молча кивнула, каштановые пряди упали ей на лицо. Она резко тряхнула головой, убирая волосы, рука ее непроизвольно дернулась. На темно-синей ткани расплылось кофейное пятно. Павлов явственно услышал, как она с досадой пробормотала что-то вполголоса, но не понял ни слова, разобрал только гортанные звуки. Лариса закусила губу, быстро глянула исподлобья, но Павлов сделал вид, что ничего не заметил.

— Ошпарились? — кинулся он к ней. — Как же вы так неосторожно!

Лариса, казалось, полностью овладела собой, достала носовой платок и аккуратно промокнула пятно на комбинезоне.

— Ничего страшного, на темном не будет заметно, когда высохнет, — спокойно сказала она.

«Так-так, голубушка, — подумал Александр Евгеньевич, — похоже, ты слишком долго жила на Востоке, в своей тюркоязычной среде. Учитель русского у тебя был первоклассный, но внезапный испуг — классическая ситуация, при которой вылезло твое настоящее происхождение.

Ты какая же Лебедева, как я — Саддам Хусейн. И никакая газета тебе ничего не заказывала. Ты собираешь информацию для каких-то промышленных кругов, которые хотят поддержать премьера и не допустить его смены. Может, ты, конечно, и Лебедева, но по мужу, а не по рождению. Вот подарок-то я сделаю Борису! Пусть знает, что я своих в беде не бросаю. Жаль, что нельзя тебя в постель уложить, уж больно ты хороша! Но — опасно. Вовремя я тебя раскусил. А впрочем, может, и не опасно. Ладно, посмотрим».

— Давайте будем считать, что это пятно — самая большая ваша неприятность на сегодняшний день, — торжественно произнес Павлов. — Потому что в решении другой проблемы я, кажется, могу вам помочь. Мой старинный приятель — сотрудник аппарата парламента. Он как раз примыкает к той группировке, которая поддерживает премьер-министра и борется с его конкурентами. И он, если я его попрошу, будет рад побеседовать с вами.

Глаза Ларисы радостно загорелись, на скулах выступил румянец.

— Вы не шутите, Александр Евгеньевич? Вы в самом деле можете мне помочь? А этот ваш приятель, он достаточно информирован? Вы ведь

понимаете, какого рода сведения мне нужны… — Лариса замялась.

— Я понимаю, — очень серьезно сказал Павлов, — что большие деньги не платят за то, что можно прочесть в любой газете. Вы можете быть уверены, Лариса, что я рекомендую вам того, кто вам нужен. Его фамилия Рудник. Не слыхали?

— Нет. А кроме него, у вас там нет больше знакомых?

— Заверяю вас, Лариса, Рудника вам будет более чем достаточно. Он очень, — Павлов подчеркнул это слово, — много может рассказать. Вам никто другой и не понадобится. Ну так как, звонить?

— Конечно. Спасибо вам огромное. — Лариса облегченно улыбнулась. — Вы прямо камень с моей души сняли.

* * *

Позвонив Руднику и отправив к нему журналистку, Александр Евгеньевич снова снял телефонную трубку.

— Это опять я. Послушай, та девица, которую я к тебе направил… Одним словом, ты можешь сделать хорошую игру. Информация уйдет за кордон, это сто процентов. А ты чист, как ангел, по документам она — наша журналистка. Так что

расскажи ей все, что знаешь. Хватит каштаны из огня своими руками таскать, пусть миллионеры на тебя поработают. И не раскисай, Борис, ты понял меня?

Павлов брезгливо поморщился, вспоминая унылый голос своего собеседника. Тряпка! Чуть запахло паленым, еще и близко огня нет, а он уже растаял, растекся мокрой лужицей. Его и хватило-то только на то, чтобы найти «заказника», и то из последних сил держался. А когда дело было сделано, совсем расклеился. Больше ни на что не годен. Надо, надо поддержать его, пусть воспрянет духом, немного удачи ему не повредит. А то если все кругом будет плохо, так, не приведи господь, еще с повинной побежит. И как такие слюнтяи наверх пробиваются — уму непостижимо! Трус. Нашел, чего бояться. Знал бы он…

Павлов поежился. Эта мерзавка Ирина была права только наполовину, если будет скандал — ему всегда можно слинять из органов. Подумаешь, карьера! Гроши. Но на вторую половину она не была права, потому что вторая половина… Ох, лучше об этом не думать. *Он* в живых не оставит. Я ведь *ему* поклялся, что в Энске за ним ничего не осталось, все стерильно, никто не докопается. И *он* мне поверил. Но предупредил, что если по

моей вине что-нибудь случится, то мне не жить. За обман и непослушание *он* наказывает беспощадно. За *ним* — такая сила, что думать страшно. Международная наркомафия. Посадила его генеральным директором СП, через которое деньги отмывают. И условие поставила: в России ты должен быть кристально безупречен, на твое СП не то что тень, намек на тень не должен попасть. И *он* дал им гарантию, а под этой гарантией — его, Павлова, честное слово. А он допустил такой промах с этими дурацкими карточками! Разве пойдешь сейчас к *нему* признаваться? Следующего утра уже не увидишь. У них дисциплина жесткая. Поэтому и «заказника» пришлось искать через Бориса, хотя и понимал Павлов, как это рискованно. Лучше было бы через *него,* конечно, но ведь пришлось бы объяснять, в чем дело, а это все равно что приговор себе подписать. Нет, в сравнении с *ним* никакой скандал не страшен. Хорошо, что Борис ничего не знает, а то со страху бы уже на Петровку побежал. Или к *нему*…

От этой мысли Александр Евгеньевич вмиг похолодел. «Да нет, — успокаивал он себя, — не может быть, Борис *его* не знает. Борис вообще не знает, что в этом деле есть кто-то второй. Может догадываться, что не один он такой у меня, но кто

конкретно — не знает. Но *он*-то знает, от него я не посмел скрыть. Лучше не думать об этом.

В конце концов пока еще ничего не случилось. Ариф был на похоронах, послушал разговоры. Ничего опасного, все думают, что ее убили из-за любовника. То ли из ревности, то ли из-за этого, из Интерпола. Наша цыпочка-то монашкой не была, вот и пусть крутятся теперь. Удачно он придумал с этой любовной историей, проглотили и не поморщились. Зато теперь думают, если она роман с ним сумела скрыть, так, может, у нее еще какие-нибудь мужики есть, про которых никто не знает. Пусть раскапывают. Главная опасность была в этой Каменской, про нее прямо легенды рассказывают. Если бы у Ирины хоть одна бумажка завалялась, эта мышь бесцветная ее тут же зубами бы ухватила. Но, видно, не нашлось такой бумажки. Да и в отпуске Каменская. Так что проехали. Можно вздохнуть свободно. Завтра же наведаюсь к Гордееву, спрошу, как дела. А то в глаза бросится: к Каменской ходил, даже два раза, и вдруг перестал. Будем поддерживать реноме безутешного вдовца.

Интересно, как все-таки эта девка меня вычислила? Неужели Ариф? Сколько раз спрашивал ее — так и не сказала. Фамилию мою нашла по

автореферату, но это я только сейчас сообразил. Я же тогда, пять лет назад, и представления не имел, что эти авторефераты рассылаются чуть не по всей стране, во все юридические вузы. Принес девочкам в ученый совет коробку конфет и бутылку коньяка, они все без меня сделали. Но фамилия — ладно, а вот как она про остальное узнала? Наверное, все-таки Ариф, больше некому. Клянется, сволочь, что не говорил ей ничего, но как проверишь. Правду говорят, Восток — дело тонкое. Когда я ему в Баку звонил, просил диссертацию в Москве забрать, он все ждал, что я про деньги заговорю, сам не спрашивал. По голосу слышно было, не одобрял. Да кто он такой, чтобы меня одобрять? Попался у меня в области на золоте, еле-еле я его отмотал. Вечный мой должник. Правильно я тогда сделал, что денег с него не взял, как чувствовал, что пригодится еще. Вот и пригодился. Не верю я ему, ох не верю, но выхода-то нет, опереться больше не на кого. Борис не в счет, за ним самим глаз да глаз нужен. Трудно работать, когда кругом все чужие. Вот в области меня каждая собака знала, любой вопрос мог решить, не отходя от телефона. А здесь… Зачем мне нужна была Москва? Зачем соглашался? Дурак. Да разве ж меня спрашивали? Согласился,

потому что *он* велел...»

* * *

Борис Васильевич Рудник серьезного сопротивления не оказал. Настя не переставала удивляться тому, как легко у нее все получилось, как быстро, поддаваясь малейшему нажиму, он выкладывал ей все, что она хотела услышать. Похоже было, что Павлов звонил ему еще раз и провел подготовительную работу. Несмотря на то что Колобок предупреждал о нервозности Рудника, реальная картина превзошла все ожидания. Он был не просто нервозен, не просто расстроен. Настя, добираясь до своего нового дома, пыталась найти слова, наиболее точно описавшие бы состояние ее собеседника. Угнетен — да, подавлен — да, но это не совсем то... В голову пришли строчки: «Безнадежный, будто путь на плаху, день завтрашний уже вам ни к чему». Вот это похоже. Да-да, это как раз те самые слова. Рудник — человек, ожидающий развязки, причем он не ждет с любопытством, чем кончится, как бывает, когда смотришь хорошо сделанный детектив. Он знает, какой будет конец, и покорно ждет его. У него нет интереса к жизни, потому что он знает, что его жизнь вот-вот закончится. У него нет надежды.

Одна тоска, безысходная, отупляющая, лишающая человека способности сопротивляться. Насте порой казалось, что если она спросит его про Энск, то он и об этом расскажет. Но она не спросила. Во-первых, Колобок категорически запретил произносить слово «Энск», дабы не спугнуть Павлова. А во-вторых, ей и без того было понятно, что Рудник — тот самый, статья сто двадцатая.

С каждым днем Настя все глубже постигала смысл предупреждения Леонида Петровича, своего отчима, о тесноте круга. Дело не только в том, что все время натыкаешься на своих. Еще большую трудность составляла ограниченность источников информации. Не был бы Павлов сотрудником министерства, не служил бы в органах МВД — да разве мучились бы они сейчас от недостатка нужных сведений, восполняя пробелы гипотезами и предположениями? То, что смогла узнать Филатова, они бы тоже узнали. Наверняка, кроме перечня фамилий, она знала еще что-то, но поскольку сама в Энск не ездила, значит, эти сведения ей кто-то раздобыл. Кто-то опять же из своих, кто ездил туда в командировку, может быть, даже в составе бригады, проводящей инспекторскую проверку. Узнать в министерстве, была ли такая проверка, попросить список

бригады, выяснить, нет ли среди выезжавших знакомых Филатовой, — работы на два часа. Но прежде чем истекут эти два часа, о нашем интересе узнает Павлов. Инспекторские проверки — прерогатива Штаба.

Хватит мечтать, оборвала сама себя Настя, что было бы, если бы… Как сказал Колобок, будем работать с тем, что есть. Попробуем восстановить цепочку.

Придя домой, она начала смывать с себя Ларису Лебедеву, не прерывая своих размышлений. Вчера она остановилась на том, что Павлов чего-то смертельно боится. Или кого-то. И Филатова об этом не догадывалась. Продолжим с этого места. Павлов боится не Рудника, это очевидно. И точно так же очевидно, что Рудник замешан в убийстве и покорно ждет разоблачения. Если есть кто-то более опасный и, следовательно, более могущественный, то почему Павлов связался с Рудником, чтобы убрать Филатову, а не с этим всемогущим неизвестным? Ответ был настолько прост, что Настя не сдержала улыбку.

* * *

Виктор Алексеевич Гордеев оторвался от бумаг, лежащих перед ним на рабочем столе. Что ж,

этого вполне достаточно, чтобы объясниться с Ковалевым на понятном ему языке. Гордеев вздохнул, сложил материалы в папочку и, удовлетворенно улыбнувшись, запер их в сейф.

Через полчаса в его кабинете собрались Доценко, Ларцев, Коротков, Селуянов и Дмитрий Захаров.

— Наступил переломный момент, — начал полковник. — По делу Филатовой теоретическая часть окончена. Нам кажется, что мы знаем, почему она была убита. Мы уверены, что убийство это заказное, и мы думаем, что заказчиком или, если хотите, инициатором убийства был Александр Евгеньевич Павлов. Есть среди вас кто-то, кто думает по-другому?

Гордеев обвел глазами присутствующих.

— Хорошо, продолжим. Возможности проверки наших теоретических изысканий крайне ограничены. У нас пока есть только идеи и несколько косвенных, я подчеркиваю, косвенных, улик. Мы располагаем двумя идентичными текстами и очевидной ложью полковника Павлова. На этом, как вы понимаете, обвинения в убийстве не построишь. Кроме того, не исключено, что все мы ошибаемся и Павлов к убийству Филатовой непричастен. Тем не менее теоретическая часть,

как я уже сказал, окончена, и мы приступаем к практическому этапу. Цель его — попытаться выманить наемного убийцу из норы. Никаким другим способом мы его не найдем. Судя по его почерку, это не случайный киллер, к услугам которого прибегают при разборках между преступными группировками. Это человек, надежно защищенный хорошо продуманной системой безопасности и контроля. И даже если случится невероятное и Павлов отдаст нам связь, при помощи которой он вызывал «заказника», дальше первого звена мы не уйдем. Остальные звенья мгновенно рассыплются, и конца этой цепочки мы никогда не найдем. С этим все согласны?

И снова молчание было ему ответом.

— Нам с вами выпал редчайший шанс — возможность поимки «заказника», работающего на верхние эшелоны. Такого случая в нашей практике еще не было, поэтому умениями и навыками в этом деле мы похвастаться не можем. Риск совершить ошибку чрезвычайно велик, а шанс добиться успеха чрезвычайно мал. Я хочу, чтобы все вы об этом помнили.

Виктор Алексеевич замолчал, привычно сунул в зубы дужку очков и задумался. Внезапно он хитро усмехнулся и спросил:

— Кто из вас заядлый рыболов?

Вопрос был настолько неожиданным, так резко выпадал из общего настроя разговора, что оперативники даже не улыбнулись.

— Я, — чуть помедлив, откликнулся Коля Селуянов.

— Эх вы, молодое поколение, — шутливо вздохнул Гордеев, — простые радости вам недоступны. Ну хотя бы разницу между блесной и живцом вы знаете?

Все дружно закивали, расслабившись.

— Так вот. В деле Ковалева мы использовали Каменскую как блесну, на которую потянулся сначала Павлов, а потом, с его подачи, Рудник. А теперь мы будем делать то, чего в рыбацкой жизни не бывает, — мы будем делать из блесны живца. Ваша задача — обеспечить максимальный контроль за ситуацией. Павлов является сотрудником Штаба нашего министерства, поэтому использовать наружное наблюдение мы не имеем права. Я имею в виду, что мы не можем обращаться за помощью к соответствующей службе. Но делать это своими силами нам придется. Не забывайте, что Павлов здесь бывал и может опять появиться в любой момент. Каждого из вас он мог видеть в лицо и запомнить. Захаров? —

Гордеев вопросительно взглянул на Диму.

— Сделаем, Виктор Алексеевич. Друзья еще не перевелись, — отозвался Дима.

— Хорошо. Нужна подробная психологическая характеристика Павлова и его стиль мышления. Ларцев? — полковник кинул взгляд на Володю, который славился своим умением разбираться в людях, за что его ценили коллеги и, надо заметить, пользовались его талантом порой совершенно беззастенчиво.

— К завтрашнему утру сделаю, — сказал Ларцев.

Гордеев отрицательно покачал головой.

— Сегодня к вечеру. Часам к девяти, не позже, — категорически отрезал он.

Володя покорно вздохнул.

— Еще одна задача. Подстраховать установление личности журналистки Лебедевой. Здесь не должно быть никаких осечек. Коротков.

Юра молча кивнул.

— И последнее. В нашей схеме есть одно слабое звено — Борис Васильевич Рудник. Мы предполагаем, что при организации убийства Филатовой Павлов действовал через него. Если история повторится и Павлов попытается выйти на убийцу опять через Рудника, весь наш замысел разва-

лится. Рудник нервничает, он, как сказали бы психиатры, неадекватен. Как только он пойдет по цепочке, это сразу же будет замечено и сработает система безопасности. На убийцу он не выйдет. Таким образом, наша цель не будет достигнута. Нам нужно, чтобы Павлов к Руднику не обратился. Но это мы взять под контроль не можем. Остается надеяться только на то, что Павлов будет думать так же, как и мы. Он побоится пугать Рудника вторым убийством.

Совещание у полковника Гордеева длилось еще полтора часа. Отпустив сотрудников, Виктор Алексеевич еще раз обдумал все детали. Кажется, сделано все возможное, ничего не упущено. Но риск велик, очень велик. Вся операция построена на домыслах, на том анализе, который сделала Каменская. Голова у нее, конечно, светлая, но возможность ошибки исключать нельзя.

Он припомнил недавний визит Павлова к нему. Тогда план операции еще был в зародыше, ясности — никакой, но Виктор Алексеевич все-таки сделал первый шаг, сказал Павлову, что нашелся свидетель, который видел убийцу, выходящего из дома, где жила Филатова, так что теперь они располагают приметами преступника. Это должно сыграть свою роль, если они все верно

рассчитали. Если верно… А если нет?

Гордеев подсел к телефону, набрал номер. Мысленно упрекнул себя за то, что злоупотребляет хорошим отношением человека, который помогает ему «отделять правду от истины». За время, прошедшее со дня убийства Филатовой, он звонит ему уже в третий раз, а раньше, бывало, месяцами не объявлялся. Нехорошо это.

— Как здоровье, Степан Игнатьевич? — бодро спросил он, когда на другом конце сняли трубку.

— Видать, крепко тебя прихватило, Витюша, — раздался в ответ скрипучий старческий смех. — Помереть спокойно не дашь. Чего опять стряслось?

— Бог с вами, Степан Игнатьевич, ничего не стряслось, просто проведать решил, — солгал Гордеев и с ужасом почувствовал, что краснеет.

— Ты как, по телефону проведывать будешь или на чашку чаю попросишься? — ехидно поинтересовался Степан Игнатьевич.

— Попрошусь, если нальете.

— Чаю-то? Чаю налью, чего ж не налить. Так что, поджигать газ под чайником или в другой раз проведывать будешь?

— Поджигайте, — решительно сказал Гордеев, посмотрев на часы. — Сейчас приеду.

Степан Игнатьевич Голубович был когда-то учителем Гордеева, его наставником и ангелом-хранителем. Ему было под восемьдесят, сердце не то что пошаливало, а буянило вовсю, порой и ноги подводили, и руки тряслись. Жил он один, в уютной комнатке огромной коммунальной квартиры, которые еще сохранились в центре Москвы. У Голубовича были заботливые дети, почтительные зятья и невестки, любящие внуки, но старик ни в какую не соглашался жить с ними, несмотря на их настойчивые просьбы. Оно и понятно, жили дети со своими семьями далеко от центра, часто навещать отца у них времени не было, а редко — стыдно было, да и душа за него болела, они и в самом деле любили его. Характер у Степана Игнатьевича был вполне уживчивый, и если бы он переселился к сыну или к дочкам, все бы облегченно вздохнули. Но он был неумолим.

— Я к вашим порядкам не привыкну, — говорил он, — а вы мне мешать будете.

В чем дети и внуки будут ему мешать, никто не знал, а сам Голубович никогда не объяснял.

По дороге к дому Голубовича Виктор Алексеевич купил в коммерческой палатке несколько шоколадок «Марс» и «Сникерс». Он знал, чем угодить ворчливому старику, который, сохранив

цепкую память и ясность ума, в своих гастрономических пристрастиях, как говорится, впадал в детство.

Неторопливо шагая по раскаленным июньской жарой улицам, Колобок-Гордеев мысленно благодарил судьбу за то, что есть такой вот Степан Игнатьевич, который не просто много чего знает всякого разного, но и подскажет, где и как можно раздобыть сведения, которых нет у него самого. Когда Гордеев обратился к нему с вопросом о Ковалеве и Виноградове, старик сказал:

— А помнишь, Витюшка, я когда-то просил тебя помочь одному человеку с пропиской? Я-то уже на пенсии тогда был, а человек только-только из зоны вернулся. Ты помог, за что я тебе благодарен. Но человек этот тебе, конечно, благодарен еще больше. Ты уж прости, не стал я от него скрывать, кто именно ему ту прописку пробил. А память у него длинная, он добро ценить умеет. Так вот, работает он сейчас в пивнухе, где водители служебных машин частенько околачиваются. Он там кружки собирает и моет, одним словом, для посетителей — вроде мебели. Я думаю, он много чего интересного там слышит. Водитель — он ведь для своего шефа тоже навроде мебели, при нем не больно-то стесняются и настроение пока-

зывать, и разговоры разговаривать. Сходи к нему, скажи, что ты — Гордеев, от меня привет передай. Сходи, не поленись. Толк будет.

Толк действительно был. Но сегодня Виктор Алексеевич шел к Голубовичу с вопросом деликатным, тонким и зыбким, как блики на воде. Но если ответа на этот вопрос у Степана Игнатьевича он не получит, думал Гордеев, то он не получит его нигде. Голубович был поистине кладезем информации, но источники, из которых он ее черпал, были весьма специфическими. Когда-то, много лет назад, он спросил Гордеева:

— К тебе часто твои «бывшие», выйдя из зоны, с бутылкой коньяка приходят?

— Случается, — улыбнулся тогда Колобок.

— Вот видишь. Если бы этого не случалось, ты бы у меня сейчас не сидел тут и чай не пил бы. Потому что, если бы этого не случалось, ты был бы плохой сыщик и говорить мне с тобой было бы не о чем. А коль приходят — значит, не напрасно я тебя натаскивал и жизни учил. И ко мне приходят. Только я намного дольше тебя в милиции работаю, стало быть, больше людей поймал и посадил, поэтому ко мне и ходят чаще. Но это — пока. Вот выйду на пенсию, не буду никому нужен, а ты станешь опытным и старым, тогда к

тебе будут ходить чаще, чем ко мне.

Но Голубович ошибался. То ли он недооценивал людей, то ли в самом деле был человеком выдающимся, но и после выхода на пенсию приходили к нему его «бывшие»…

Степан Игнатьевич открыл дверь, едва Гордеев успел прикоснуться к звонку. У полковника даже сердце заныло: он понял, как тоскует старик, как ждет, что к нему придут, как радуется каждому гостю, даже если гость этот пришел не от доброты душевной, а по делу.

— Быстро ты добрался, — пряча усмешку, проворчал Голубович. — И не вздумай мне врать, что без дела пришел. Я не обидчивый. Мне, может, приятней даже, что ко мне по делу ходят, значит, нужен еще, польза от меня есть. А когда просто так начнут навещать, из жалости или из благородства, тогда мне и жить незачем, обузой стану.

Голубович принес чайник из кухни, тщательно соблюдая все процедурные тонкости, заварил чай, разлил его по чашкам.

— Давай, Витюшка, излагай. Не томи старика.

Он аккуратно развернул обертку, откусил шоколад и приготовился слушать.

— Степан Игнатьевич, расскажите мне об убийцах-заказниках. Не о нынешних, с пистолетами

и прочими пукалками, а о тех, других… Ну, вы понимаете.

— Ишь ты… — Голубович задумчиво пожевал губами. — Про них я мало что знаю. Но это и понятно. Кабы про них много знали, их бы не было. Они все специалисты по несчастным случаям. Или все обставляют так, чтобы было похоже на естественную смерть, если человек уже в годах или чем-то болеет. Короче, работают они так чисто, что уголовные дела практически никогда не возбуждаются. Поэтому их и не ищет никто. И никто не знает их настоящих имен и фамилий. Только клички.

— Много их, как вы думаете?

— Да откуда, — махнул рукой старик. — На всю страну — по пальцам пересчитать. Профессионалы высокого класса. Есть один такой, насколько я знаю, в Ростове, кличка Бурят. Потом еще где-то в Приморье не то в Хабаровске — Хирург. Потом еще, дай бог памяти, Карден, наш, московский. В Сочи — Блэк. Больше никого не припомню. Может, еще несколько человек есть, но их всех не больше десятка. Это уж точно.

— А они как, специалисты широкого профиля?

— Да кто как. Бурят, например, с техникой любит возиться. Поэтому он автомобильные аварии

устраивает. Это его конек. Хирург море любит, курорты. Его вызывают, когда нужно несчастный случай на воде устроить. Опытный аквалангист, говорят. Галл — тот, наоборот, простора не любит, он все больше в домах и квартирах работает. Про Итальянца говорят, что он занимается пищевыми отравлениями. Карден и сочинский этот, как его, Блэк, — универсалы, они действуют по обстановке, поэтому они — самые дорогие.

— Как вы думаете, Степан Игнатьевич, кто бы мог устроить смерть от электротравмы?

— Практически любой из них. Кроме, пожалуй, Хирурга. Если мы говорим, что они на чем-то специализируются, так это ведь не значит, что они только таким образом и действуют. Они делают так чаще всего, но все-таки не всегда. Это первое. А второе — я же не всех тебе назвал. Я, Витюшка, конечно, больше тебя знаю, но и я не господь бог. И мои сведения могут быть неточными или неполными. Они хороши для общей, так сказать, ориентировки.

— Я понял, Степан Игнатьевич. Спасибо вам.

Гордеев заметил, как при этих словах болезненно дернулась щека старика Голубовича. Раз «спасибо вам», значит, все, визит окончен. Он снова остается один. Украдкой глянув на часы,

Гордеев виновато улыбнулся.

— Давайте-ка еще чайку согреем, а, Степан Игнатьевич? Этот остыл уже.

— Давай, давай, — радостно подхватил старик и пошел на кухню.

Гордеев с грустью думал о том, сколько же таких вот стариков живет на свете, стариков, воспитавших и обучивших десятки и сотни сыщиков и следователей, стариков, обладающих уникальными знаниями и опытом. К ним продолжают приходить бывшие преступники, с которыми когда-то обошлись по-человечески, кого-то вовремя остановили, кому-то помогли сохранить семью. А вот те, кто занял их место в служебном кабинете, к ним почему-то не приходят. Неужели их советы никому не нужны? Обидно это. Несправедливо.

* * *

Удобно устроившись в кресле, Александр Евгеньевич Павлов с вялым любопытством наблюдал за перипетиями интриги, развивающейся в шикарном доме красавца Антонио. Отвратительный Макс строил грязные козни против своего братца, Ракель страдала, а ее родственники совершали глупые поступки… Супруга Александра Евгеньевича искренне переживала за героев и, когда на

самом интересном месте серия закончилась, от досады стукнула кулачком по столу.

— Опять ждать до завтра! Как ты думаешь, чем все кончится?

— Да ну тебя, — отмахнулся Павлов. — Нельзя же всерьез воспринимать эти глупости.

— Это не глупости, Сашенька, это очень правильный фильм.

— Ты еще скажи, что твои рыдающие «Богатые» — тоже правильный фильм.

— И скажу. Ты ничего не понимаешь. — Жена начала сердиться. — Это, конечно же, не высокое искусство, кто спорит. Но такие фильмы учат людей, как правильно поступать в сложных с морально-этической точки зрения ситуациях. Они учат простой истине: если любишь, не считай своего любимого хуже или глупее себя.

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовался Павлов. — Послушаем.

— Не иронизируй, пожалуйста. Отчего все неприятности у Ракель? Оттого, что она боится сказать правду Антонио, считая, что он ее неправильно поймет. В точности то же самое происходит у Марианны. Она тоже скрывает от мужа правду не потому, что эта правда ее порочит, а потому, что боится, что Луис Альберто

не так подумает о ней. Они обе, понимаешь ли, такие умные и проницательные, что уже заранее знают, кто и что о них подумает, хотя сами в аналогичной ситуации подумали бы совершенно иначе. То есть за собой они доброту и благородство признают, а за своими любимыми мужьями — нет. А это неправильно. Вот оба эти фильма и объясняют нам, что это неправильно. Людей надо судить по себе, а не приписывать им бог знает какие побуждения. Не зря же в Писании сказано: какою мерою мерите, такою и вам отмерено будет…

— А еще говорят, между прочим, — вставил Павлов, потягиваясь, — что все люди разные и что на вкус и цвет товарища нет.

— Но, Саша, это же совершенно не о том, — возмутилась жена. — Я тебе толкую о том, что нельзя считать человека, которого уважаешь, глупее себя. Неужели это не понятно?

— Понятно, понятно, — успокоил ее Александр Евгеньевич. — Пойду пса выгуляю, пока «Вести» не начались.

Взяв на поводок белесого красноглазого бультерьера, он вышел на улицу. Медленно прогуливаясь в прохладных сумерках по скверу, Павлов предавался неспешным размышлениям и не

сразу услышал торопливые шаги за спиной.

— Александр Евгеньевич!

Павлов с удивлением узнал голос Лебедевой.

— Откуда вы, Лариса? Что вы здесь делаете?

— Вас ищу. — Лебедева засмеялась. — Зашла к вам домой, жена сказала, что вы гуляете с собакой в сквере. Все просто. Я хотела поблагодарить вас за Рудника. И, как полагается между деловыми людьми, материализовала свою благодарность.

Она вытащила из сумки обернутую в папиросную бумагу бутылку.

— Что вы, Лариса, не стоит, право… Мне даже неловко, — запротестовал Павлов.

— Стоит, Александр Евгеньевич, стоит. Вы извините, что побеспокоила вас в нерабочее время, но так будет лучше.

Что-то в ее голосе заставило Павлова насторожиться. От недоброго предчувствия закололо в боку. Он протянул руку и молча взял бутылку.

— У меня для вас есть еще один подарок, — продолжала Лебедева. — Он вот в этом конверте. Вы посмотрите на досуге, может быть, вам будет интересно. А может быть, и нет. Но если содержимое конверта вас заинтересует, мы сможем завтра поужинать. Я вам позвоню, а вы мне дадите ответ. В котором часу мне позвонить?

— В пять, — растерянно произнес Павлов, но тут же спохватился: — Нет, подождите, в пять я могу быть не у себя. В половине шестого.

— Договорились, Александр Евгеньевич, — весело сказала Лариса. — Я позвоню завтра в семнадцать тридцать. Спокойной ночи.

Она исчезла так же стремительно, как и появилась. Павлов услышал, как хлопнула дверца машины и заработал двигатель.

Оправившись от неожиданности, он сообразил, что не давал Ларисе своего адреса. Как она его нашла? Да еще домой заходила. Нахалка! Теперь перед женой придется оправдываться. Интересно, что в конверте? Он собрался было вскрыть его тут же, на улице, но сумерки сгустились настолько, что он не смог бы ничего разобрать. Придется потерпеть до дома.

Жена, к удивлению Александра Евгеньевича, ни словом не обмолвилась о Ларисе.

— Никто мне не звонил? — осторожно спросил Павлов.

— Никто, — спокойно ответила жена. — А ты ждешь звонка?

«Странно», — подумал Александр Евгеньевич и, пройдя в комнату, надел очки и вскрыл конверт. Сначала он не понял, что это за листы, отметил

только, что бумага не очень хорошая, текст виден плохо, а на полях — рукописные, черной шариковой ручкой пометки. Всего листов было четыре, сверху на каждом проставлены номера страниц: 24, 97 и 153. На последнем листе номера не было. Это был титульный лист монографии «Криминология. Коррупция. Власть», автор — Филатова Ирина Сергеевна. До завтрашнего звонка Лебедевой оставалось двадцать часов.

Глава 9

За эти двадцать часов Александр Евгеньевич Павлов постарался по возможности объективно оценить ситуацию. Вариантов было два. Либо Лебедева работает на Петровку, стало быть, они его подозревают и провоцируют. Либо она — обычная шантажистка. Как к ней попала рукопись? Скорее всего тот, кто был нанят искать ее в кабинете Филатовой, нашел все четыре экземпляра, три отдал, а один придержал, чтобы вымогать деньги у Павлова. Если это так, то все нормально, рукопись можно выкупить и поставить на этом точку. Тот, кто ее продает, истинную цену ей не знает. Если же Лариса получила экземпляр другим путем, если она действует не от имени того типа, а сама по себе, если она эту рукопись прочла, то ситуация осложняется. Она — третий человек, который хорошо знает текст диссертации Павлова, после самого Павлова и, разумеется, Филатовой. Кто знает, к каким выводам она пришла. Собственно, если эта девица не с Петровки, то ни к каким особым выводам она прийти не могла. Всегда можно ей сказать, что Филатова была его

любовницей, он хотел ей помочь с монографией и позволил воспользоваться своей диссертацией, — все равно диссертации эти никто никогда не читает, пусть у любимой женщины хотя бы публикация будет. Он же не виноват, что она воспользовалась его благородством столь недобросовестно, переписала все дословно. Конечно, плагиат, но покойников не судят. Таким образом, задача решалась просто: выяснить, не связана ли Лебедева с расследованием убийства. Если нет, то не платить ни в коем случае, она не опасна. Если да — то придется еще подумать.

У Павлова был на Петровке свой человек, к нему-то он и обратился, попросив выяснить, кто такая Лариса Лебедева, журналистка, примерно тридцати пяти лет, замужем за работником МИДа, уроженка Азербайджана. Через час «свой человек» позвонил и сообщил, что Ларисы Лебедевой с такими биографическими данными в Москве не обнаружено. То есть Лебедевых этих тьма-тьмущая, но все они не подходят либо по возрасту, либо по роду занятий, либо по месту рождения. Первый этап проверки был завершен, теперь Павлов собирался сделать довольно хитрый маневр. Он поедет в ГУВД к Гордееву, якобы поинтересоваться, как идет дело с поиском

убийцы, и между прочим попросит его выяснить личность Лебедевой. Если она работает вместе с ними и действует по их указке, то Гордеев обязательно скажет, что такая Лебедева существует, и повторит слово в слово ее легенду. Александр Евгеньевич был доволен своей находчивостью. Он мог в случае удачи убить двух зайцев сразу: не только выяснить личность шантажистки, но и, в случае ее связи с Гордеевым, показать, что он ничуть ее не испугался, что ему скрывать нечего, что все подозрения в его адрес совершенно беспочвенны, ибо он не побоялся обратиться к Гордееву со своими неприятностями.

Несмотря на то что Александр Евгеньевич позвонил Гордееву и предупредил, что приедет, того на месте не оказалось. Павлов подергал запертую дверь кабинета и нерешительно отошел к окну, раздумывая, ждать ли ему возвращения Виктора Алексеевича или приехать еще раз попозже. Откладывать визит не хотелось, было уже почти двенадцать, в половине шестого позвонит Лариса, и к этому времени нужно быть готовым к разговору с ней. Услышав торопливые шаги по коридору, он обернулся и увидел Игоря Лесникова.

— Вы к Гордееву? Он у генерала, зайдите часа через два, — бросил тот на ходу.

Два часа! Это Павлова никак не устраивало. Он решительно шагнул навстречу и уверенным жестом протянул руку в приветствии.

— Полковник Павлов. Штаб МВД России, — представился он.

— Капитан Лесников, отдел борьбы с тяжкими преступлениями, — улыбнулся Игорь, крепко пожимая протянутую руку. — Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Думаю, да.

— Пойдемте ко мне в кабинет.

Игорь провел Павлова по коридору, открыл дверь и вежливо пропустил гостя вперед.

— Меня зовут Игорь Валентинович. Какие у вас проблемы?

— Видите ли, Игорь Валентинович, меня очень интересует одна женщина… — Павлов чуть замялся. — Красивая женщина, но она несколько странно себя ведет. Она была на брифинге в министерстве, брала у меня интервью по проблеме борьбы с коррупцией, но кое-что в ней меня настораживает. Одним словом…

— Я понял, товарищ полковник. Вы хотите, чтобы я проверил ее личность через центральное адресное бюро? Сейчас сделаем. — Игорь открыл блокнот, приготовившись записывать. — Дик-

туйте.

Павлов продиктовал ему все, что знал о Ларисе Лебедевой.

— А отчество?

— Отчества не знаю, — развел руками Павлов.

Лесников набрал номер телефона, долго что-то выяснял, делая пометки в блокноте, уточнял, просил проверить, наконец положил трубку и с огорчением сказал:

— Вынужден вас разочаровать, товарищ полковник. Или вы что-то не так поняли, или она сказала вам неправду. Такая Лариса Лебедева среди жителей Москвы не числится.

— Я так и думал, — облегченно вздохнул Павлов. — Большое вам спасибо. Не буду вас задерживать, Игорь Валентинович, вы передайте Гордееву, что я был, но не дождался его.

— Передам. Всего доброго.

Игорь долго стоял у окна, ожидая, пока фигура Павлова не покажется во внутреннем дворе. Убедившись, что он прошел мимо постового и направился к машине, Лесников снял трубку и позвонил по внутреннему телефону.

— Порядок, Виктор Алексеевич. Ушел.

— Молодец, — коротко ответили ему.

* * *

Ровно в 17.30 в кабинете главного эксперта Павлова раздался телефонный звонок. Александр Евгеньевич не торопясь снял трубку, любезно поприветствовал Ларису Лебедеву и, тщательно избегая упоминаний о предмете их взаимного интереса, предложил поужинать в тихом ресторане «Таджикистан», расположенном в переулке неподалеку от метро «Войковская». Если шантажистку Лебедеву тон разговора и его результат вполне устраивали, то майору милиции Каменской это не очень понравилось. Она знала, что рядом с «Войковской» находится Академия МВД, в здании которой располагаются и несколько подразделений института, в том числе и тот отдел, в котором работала Филатова. Павлов явно пытался спровоцировать ее на боязнь быть узнанной кем-нибудь из сотрудников, которые идут примерно в это время с работы в сторону метро и как раз мимо ресторана. Это говорило о том, что разыгранная Гордеевым и Лесниковым комбинация не до конца убедила Павлова. В эту минуту Настя с благодарностью подумала о своем начальнике, не позволившем ей опрашивать в институте коллег Филатовой. Впрочем, Ларису

Лебедеву они все равно не узнали бы.

С начала делового ужина прошел почти час, а собеседники все не приступали к главному вопросу. Каждый из них ждал первого шага противника, чтобы по характеру этого шага сориентироваться в его намерениях. Павлов злорадно предвкушал, как он будет разоблачать эту лгунью с ее байками о тюркоязычном детстве и липовыми документами. У Насти на этот счет были свои соображения. Составленная Володей Ларцевым психологическая характеристика Павлова позволила ей построить план разговора, опираясь на тезис: «Как правило, не старается думать на ход вперед. Имея на руках один козырь, уверен, что возьмет все взятки. Если обнаруживает, что это вообще не козырь, теряется и долго не может найти правильную линию. Некритичен по отношению к себе».

За соседним столиком обсуждали свои проблемы двое мужчин ярко выраженного скандинавского типа. Один из них, красивый флегматичный блондин, то и дело поглядывал на Ларису, что не укрылось от настороженного внимания Павлова.

— Швед за соседним столом смотрит на вас, как кот на сметану, — усмехнулся он.

— Датчанин, — машинально поправила она.

— Откуда вы знаете?

— Я не знаю. Я слышу, как он говорит.

— Вы знаете датский язык? — не скрыл удивления Павлов.

— И датский тоже. Я много чего знаю, Александр Евгеньевич.

Итак, первый шаг был сделан. В этот момент Павлов вдруг понял, что его так беспокоило с самого начала их сегодняшней встречи.

— Лариса, а куда делся ваш акцент?

— Ну наконец-то, — рассмеялась она. — Вы или не слишком наблюдательны, или очень терпеливы. Акцент я положила в шкаф до следующего раза. Пока он мне не нужен…

— Вы хотите сказать, что…

— Именно, Александр Евгеньевич. Уловка дешевая, но вы на нее попались. И вместе с собой потянули вашего приятеля Рудника. За все, что он мне рассказал, я получу хорошие деньги. Так что огромное вам спасибо.

— А жизнь с мужем на Востоке? Тоже выдумка?

— Разумеется.

— И мама-турчанка?

— Александр Евгеньевич, — терпеливо объяснила Лебедева, — я никогда ничего не добилась

бы, если бы всем рассказывала о себе правду. Неужели это не понятно?

«Жизнь полна причуд, — подумала про себя Настя. — За последние пять минут я ни разу не солгала. Я говорю ему чистую правду. И в то же время все это — отчаянное вранье. Умом можно тронуться».

— Я могу взглянуть на ваши документы?

— Не можете, — спокойно ответила она, глядя Павлову в глаза.

— Понятно.

Павлов залпом допил коньяк из рюмки и потянулся за сигаретами. Бессмысленно допытываться, подумал он. Сцена с разоблачением с треском провалилась. Лебедева была на брифинге, значит, какой-то документ у нее есть. В последующем он сам ее встречал у входа в министерство и проводил мимо постового.

— Но хотя бы имя у вас настоящее? Вас в самом деле зовут Ларисой? Про фамилию не спрашиваю, но ведь я должен как-то к вам обращаться.

— К чему эти вопросы, Александр Евгеньевич? Вы же не собираетесь на мне жениться.

— Я не могу вести серьезный разговор с человеком, о котором ничего не знаю, — настаивал Павлов.

— Что поделать, придется. Значит, вы все-таки решили поговорить? Это меня радует. Чтобы наш разговор был деловым и содержательным, я предварительно кое-что поясню. Не возражаете?

— Слушаю вас.

— Александр Евгеньевич, я отношусь к своей деятельности очень серьезно. И я бы попросила вас не называть меня шантажисткой даже в мыслях. Я добываю информацию, анализирую ее и продаю результат этого анализа. К каждой операции я готовлюсь тщательно и скрупулезно. Кроме того, я правильно себя веду. Именно поэтому по поводу моих, скажем так, сделок нет ни одного заявления в милицию. Так что надежду меня испугать отбросьте сразу. Судя по тому, что мы с вами здесь ужинаем, мое предложение вас заинтересовало. Во избежание лишних вопросов с вашей стороны скажу сразу: текст я продаю отдельно от информации. Может быть, вам нужна только рукопись? Это стоит сто тысяч. Возможно, рукопись вам не нужна, но вы хотите знать, как она ко мне попала и кто еще знает об этом. Это стоит пятьдесят тысяч. То и другое вместе — сто сорок. Делаю скидку. Теперь я хотела бы послушать вас.

— Честно признаться, я не готов к такой пря-

молинейности. С чего вы решили, что я буду вам платить? Откуда такая уверенность, что я вас боюсь?

«Действительно, откуда, — подумала Настя. — Из пустых домыслов, ничем не опровергнутых, но и ничем не подтвержденных. Черт возьми, неужели я ошиблась? Нет, даже если он непричастен к убийству, все равно история с диссертацией темная».

Пока Настю Каменскую грызли сомнения, Лариса Лебедева говорила:

— Вы и не должны меня бояться, это совершенно не входит в мои планы. Я не люблю запуганных людей. Предпочитаю иметь дело с равноправными партнерами, а не с жертвами. Вы не будете мне платить? Не надо. Я найду другого покупателя. Усвойте же наконец: я на вас не давлю и ничего не требую. Я предлагаю вам товар. Он вас не интересует? Тогда почему вы здесь?

— Меня интересуете вы, Лариса, и я просто воспользовался поводом вас увидеть. Вам это не приходило в голову?

— Нет. Если вы с готовностью отправили меня к Руднику, следовательно, вы пришли к определенным выводам в отношении меня. Сам характер этих выводов исключает ваш личный интерес

ко мне. Вы — ответственный работник МВД, я — закамуфлированная иностранка, занимающаяся сбором политической информации. Неужели вы до такой степени легкомысленны? Только не надо мне рассказывать, что вы потеряли голову, поддавшись моим роковым чарам. Итак, почему вы здесь?

— Из любопытства. Никогда не был в подобной ситуации.

— Захотелось поэкспериментировать?

— Допустим.

— Тогда пойдите к администратору, покажите ему ваше удостоверение полковника милиции, вызовите по телефону наряд и сдайте меня как шантажистку. Что вам мешает? Я не буду на вас в обиде. Если вы так поступите, я буду знать, что в своем анализе допустила ошибку и вы невинны, как младенец. Это мой промах, я за него и отвечу. Только имейте в виду, мне это ничем не грозит. Вы им скажете, что я вас шантажирую, а я воспользуюсь вашим же оружием: что влюбилась в вас без памяти и придумывала повод для свиданий. Вы моих документов не видели, но, уверяю вас, они в полном порядке. Меня доставят в отделение, пожурят и отпустят. Да, я переживу несколько неприятных минут, но это и есть плата

за ошибку в анализе. Профессиональный риск.

«Боже мой, я правдива до безобразия. Ведь я говорю абсолютно искренне, особенно про ошибку в анализе. И про профессиональный риск. Ну и ситуация!»

— И не забудьте, Александр Евгеньевич, вас непременно спросят, кто я такая. А вдруг в моих документах написано совсем не то? И что о вас подумают рядовые работники милиции? Главный эксперт Штаба МВД ходит на свидания неизвестно с кем. Еще, не дай бог, выяснится, что я стою на учете как проститутка или наркоманка. Не боитесь? Некрасиво получится. И еще вас обязательно спросят, чем я вас шантажирую. Так что неприятные минуты придется пережить не только мне.

Павлов молчал, не сводя глаз с тлеющего конца сигареты. Он был вынужден признать, что она права. Нужно было принимать какое-то решение, но для этого необходимо выяснить, как много она знает. Заплатить? А что дальше? Сто сорок тысяч он найдет, но где гарантия, что на этом все кончится? Не зря же существует правило: не платить шантажистам. Дашь слабину, заплатишь один раз — и повесишь себе на шею ярмо на долгие годы. Не платить? Если бы знать, кому она соби-

рается показать рукопись, если он откажется ее купить. Можно попробовать заплатить только за информацию, а потом решить, исходя из того, как далеко зашло дело. А если она обманет? Как проверить то, что она расскажет?

— Я не могу верить вам на слово, — глухо произнес Павлов, не поднимая глаз. — Мне нужны гарантии. Во-первых, я должен быть уверен, что у вас — последний и единственный экземпляр рукописи, что вы не наделали ксерокопий и не будете в дальнейшем вымогать у меня деньги. Во-вторых, если я заплачу вам за рассказ о том, как к вам попала рукопись, я хочу быть уверен, что вы расскажете мне правду. И в-третьих, я хочу иметь гарантии, что эту правду вы расскажете только мне.

— У вас высокие запросы, Александр Евгеньевич, — улыбнулась Лебедева. — Отвечу по порядку. Вы видели листы из рукописи и могли убедиться, что экземпляр почти «слепой». С него невозможно сделать копию даже на самом лучшем ксероксе. Что же касается гарантий моей правдивости, то здесь я взываю к вашему здравому смыслу. Я уже говорила вам, что веду себя правильно. Если бы я была нечестна со своими контрагентами, если бы я нарушала условия

сделки, то давно уже была бы в тюрьме или на том свете. К счастью, я пока еще жива и свободна. Вы удовлетворены?

— Не знаю. — Павлов вздохнул. — Я не привык разговаривать на подобные темы. Мне нужно подумать.

— Подумайте, — легко согласилась она. — Сколько времени вам нужно? День? Два?

— Пять, — попросил Павлов. — Лучше — неделю. Ведь если я решусь на эту… м-м-м… сделку, мне нужно будет утрясти вопрос с деньгами.

— Иду вам навстречу. Пусть будет неделя. Но это — максимум того, что я могу вам предоставить. Или вы платите, или товар уходит к другому покупателю.

— К кому? — не выдержал он.

— Голубчик, да вы мошенник! — от души расхохоталась Лариса. — Если я скажу вам, кому предложу свой товар, вы моментально вычислите добрую половину, если не всю целиком информацию, которую я оцениваю в пятьдесят тысяч. Вы что же, собрались получить ее бесплатно? Знаете, — добавила она серьезно, — мне кажется, мы — подходящая пара и стоим друг друга. После завершения наших с вами переговоров я, вполне возможно, сделаю вам деловое

предложение, касающееся совместной работы.

— Как вы смеете! — Павлов задохнулся от негодования.

— Не нужно, Александр Евгеньевич, — мягко сказала Лариса, положив ладонь поверх его руки, лежащей на столе. — Я ведь предупреждала, что отношусь к своей деятельности очень серьезно. Я не блефую. Никогда. И если я говорю, что мы стоим друг друга, значит, у меня есть для этого основания. А об уровне моего профессионализма вы можете судить по эпизоду с Рудником.

Павлов резко высвободил руку.

— Как я вас найду?

— Я вам позвоню через неделю.

— А если я приму решение раньше?

— Хорошо, я позвоню через три дня. Я могу звонить каждый день, если хотите. Только не устраивайте детский сад, своего телефона я вам все равно не дам. И не надрывайтесь в поисках телефонного аппарата с определителем номера, я буду звонить вам из автомата.

Лариса говорила по-прежнему мягко, голос ее был низким и вкрадчивым, а улыбка — нежной и теплой. Но у Павлова было такое чувство, что его держат за горло ледяной железной рукой.

* * *

И потянулась неделя, самая, наверное, трудная в жизни Насти Каменской. Живя в чужой квартире и не имея возможности вести привычный образ жизни, она маялась от съедавшей ее тревоги и неуверенности, умирая от страха, выходя на улицу. Они с Гордеевым разыгрывали комбинацию, результатом которой должно стать появление на свет убийцы возле Ларисы Лебедевой или ее квартиры. С места убийства Филатовой эксперт Зубов изъял кое-какие следы, которые ничего не давали для поиска убийцы, но позволили бы его идентифицировать. Иными словами, поймай они этого «заказника», при помощи изъятых Зубовым следов можно было точно сказать, этот ли человек был в квартире Филатовой, когда она погибла. Несмотря на задержание Димы Захарова прямо у трупа Филатовой, Зубов, человек хмурый, неразговорчивый и невероятно упрямый, не поддающийся ни внушению, ни уговорам, отреагировал на теплый чайник единственно правильным образом: если убитую здесь ждали, надо попытаться найти следы этого ожидания. Форточки в квартире были распахнуты настежь, но времени прошло очень мало с того момента,

как убийца покинул квартиру. Зубов опытным взглядом окинул комнаты, многолетняя практика подсказала ему, что если что и есть, то скорее всего — запах, микрочастицы кожи и волосы, оставшиеся в верхней части спинки кресла, на мягкой ворсистой ткани. Эти микрочастицы не принадлежали ни Ирине, ни ее отцу. Найти преступника среди многомиллионного населения страны по таким следам невозможно, но если бы появился конкретный подозреваемый… Вот этого самого подозреваемого и приманивал Гордеев на «живца»-Лебедеву.

Расчет был на то, что Павлов вынужден будет воспользоваться услугами того же человека, который убил Филатову. Для того чтобы расчет оправдался, необходимо было сконструировать ряд условий: Павлов должен по-настоящему испугаться Ларису Лебедеву, но при этом он не должен обращаться ни к кому с просьбой дать ему выход на платного исполнителя. Он должен воспользоваться той связью, которая у него уже есть. Судя по тому, что Павлов смог прибегнуть к услугам «заказника» самого высокого класса, в числе его близких знакомых есть представитель (а может, и не один) преступной элиты, который и дал ему эту связь. Либо это и есть тот человек,

которого Александр Евгеньевич так панически боится, что вынужден был убирать Филатову, либо нет. Шансы — пятьдесят на пятьдесят. Если это разные люди, то надежды на то, что Павлов обратится к тому же убийце, почти нет. Он просто попросит другую связь, это было бы во всех отношениях грамотно. Но если это все-таки один и тот же человек, то Павлов должен побояться просить его о помощи, иначе пришлось бы признаваться в каких-то своих грехах. В этом случае вполне реальна возможность выявить убийцу Филатовой. Либо пан, либо пропал.

В такой постановке задача предстала перед сотрудниками отдела по борьбе с тяжкими преступлениями против личности. Но сам Колобок-Гордеев собирался вести игру гораздо более тонкую и хитрую. Для этого ему пришлось воспользоваться Настей, с которой с момента выхода ее из ресторана «Таджикистан» общаться можно было только по телефону.

— Анастасия, я тебе кое-что продиктую, только ты ничего не записывай. Хирург, Бурят, Галл, Итальянец, Карден, Блэк. Запомнила? Вот тебе развлечение, чтобы мозги не застаивались. Примерь каждую кличку к возможному убийце Филатовой.

— Ладно, — растерянно сказала Настя. — Я попробую.

Она с раздражением посмотрела на свое отражение в зеркале. Образ Лебедевой был ей противен до оскомины. От толстого слоя грима, да еще в такую жару, у Насти испортилась кожа, покрывшись пятнами и прыщами. Она боялась пользоваться снотворным, чтобы не потерять ночью реакцию и ясность мышления, но от бессонницы болела голова и одолевала слабость. Затихшая, казалось, на мертвой точке ситуация могла взорваться в любой момент, поэтому даже в квартире Настя обязана была быть Лебедевой и каждое утро подолгу сидеть перед зеркалом, завивая крашеные волосы и рисуя лицо. Даже на ночь часть грима нужно было оставлять, на случай, если придется открывать дверь какому-нибудь «визитеру». По поводу этих случайностей Настя пыталась поговорить с Гордеевым, но так ничего и не добилась. Ей казалось, что куда проще было бы «подсунуть» Павлову ее адрес и спокойно ждать, когда появится «заказник». Однако Гордеев упорно делал из Лебедевой человека-невидимку, а вернее — неуловимку, женщину без имени и адреса. Если их план срабатывает, это доставит Павлову или нанятому

им убийце дополнительные хлопоты по установлению если не личности шантажистки, то, по крайней мере, ее местожительства. А это означает, что каждую минуту в дверь может позвонить «слесарь», «столяр» или «юноша, который ищет Катю. Здесь не живет? Извините». Это вовсе не обязательно будет убийца, это может быть кто угодно, кому заплатили за то, чтобы он выяснил, в какой квартире живет длинноногая красотка с рыже-каштановыми волосами и карими глазами. Конечно, это причиняло Насте множество неудобств, заставляя ее двадцать четыре часа в сутки жить в образе Лебедевой, но, позлившись на Колобка полдня, она оценила его замысел, вернее — другую задачу, которую он пытался таким образом решить.

Получив от начальника шесть кличек, она несколько минут побродила бесцельно по квартире, потом принялась за обустройство рабочего места. Чистый стол на кухне, крепкий кофе, сигареты, шесть листов бумаги, на каждом — ничего не значащий для постороннего взгляда заголовок. Настя отхлебнула кофе, прикрыла глаза. Хирург… Карден… Любит модно одеваться? Или сам художник-модельер? Бурят… По месту рождения? По внешности? Блэк. Ничего в голову не приходит.

Набор звуков или в переводе с какого-нибудь языка имеет смысловую нагрузку? Итальянец… Похож на известного киноактера? Изучал итальянский язык? Темпераментный брюнет, но не кавказского типа?

Настя методично повторяла про себя непонятные слова-клички, снимая слой за слоем возможные объяснения и привязки, начиная с самых поверхностных и кончая абсолютно алогичными, не имеющими никакого смысла. В какой-то момент она почувствовала знакомый холодок в желудке, но не успела заметить, в ответ на какую мысль он возник. Через несколько минут все повторилось, и опять Настя не успела зафиксировать мысль, не мысль даже, а мимолетное движение на уровне подсознания. Она начала раздражаться. Чужая квартира, этот вынужденный переезд нарушили ей все планы. Побаливает спина, но нет привычного уютного Лешки, который знает, как ей помочь. Она не высыпается, нервничает, она плохо себя чувствует — и вот результат. Она не в состоянии решить аналитическую задачу. То есть дело, конечно, не в том, что она не может ее решить, на свете множество задач, решить которые Настя Каменская не в состоянии. Дело в том, что решение есть, она

в этом уверена, она это чувствует по знакомым спазмам в животе, но впервые в жизни ей не удается «вытащить» это решение на уровень сознания и сформулировать его. Видимо, она и в самом деле не годится для оперативной работы, если в условиях физического дискомфорта у нее в буквальном смысле слова отказывают мозги. Не зря за ее спиной коллеги насмехаются и злятся. Наверное, сидя в спокойном кабинете, каждый сумел бы работать, как Каменская. А вот когда ей пришлось впервые поработать так, как все оперативники, оказалось, что она ничего не может. Все бессмысленно. Все зря. Она провалит всю операцию. Сколько усилий затрачено впустую…

Настя подтянула колени к груди, уткнулась в них лицом и горько заплакала. Майор милиции Каменская, сидя на чужой кухне в чрезвычайно легкомысленном неглиже, которое в случае появления «визитеров» должно подчеркнуть ее длинноногость, оплакивала свою службу в уголовном розыске, готовясь завтра же признаться в профессиональной несостоятельности. Внезапно слезы волшебным образом высохли. Размазывая по лицу потекшую тушь, Настя быстро прошла в комнату и молча уставилась на развешанные по стенам полки. Она внимательно и последова-

тельно оглядела все, что на этих полках стояло: книги, безделушки, фотографии — обычный набор. Потом нахмурилась, несколько раз глубоко вздохнула, резко выдыхая воздух, чтобы унять дрожь в руках и сердцебиение. Подошла к телефону.

— Виктор Алексеевич, мои ключи у вас? Пусть кто-нибудь откроет мой сейф, на нижней полке лежат фотографии из квартиры Филатовой.

Ожидая звонка, она еще раз осмотрела библиотеку Гордеева-младшего в поисках энциклопедий. Ничего подходящего не было, но, на ее счастье, нашлось много книг по древней истории. Быстро пролистав их, Настя остановила выбор на первом томе «Истории Франции», открыла нужную страницу и уселась возле телефона. Когда позвонил Миша Доценко, Настя задала ему всего несколько вопросов, на которые тот ответил, глядя на одну из фотографий. Теперь она знала, кто из тех шестерых мог побывать в квартире у Филатовой. Она была уверена, что не ошиблась. Сняла трубку и позвонила Гордееву.

* * *

От платформы Трудовая Гордеев пошел не по гравиевой дорожке, полукольцом опоясывающей

дачный поселок, а направился ближней дорогой по едва заметной тропочке, утонувшей в траве. Дачи на Трудовой были известными, «генеральскими», на обширных территориях которых умещались не только огороды, но и рощицы, и теннисные площадки.

Виктор Алексеевич отворил калитку и покорно остановился, ожидая появления хозяина. Он хорошо знал эту дачу и помнил, что пройди он без ведома и разрешения хозяина еще три-четыре шага — и объясняться ему придется сначала с породистым доберманом, а потом — с врачами, а то и с самим господом богом. Увидев показавшуюся на веранде знакомую седую голову, Гордеев вовремя одернул себя, чтобы не замахать рукой (этого собака тоже не любила), и негромко (опять же учитывая нрав добермана) позвал:

— Евсей Ильич! Это я, Гордеев!

Седой человек не спеша спустился с крыльца и двинулся в сторону гостя. Подойдя почти вплотную, он удивленно протянул:

— Ты смотри, и в самом деле Гордеев. Ты зачем пришел, Гордеев? Я тебе ясно сказал: пока пуд доказательств против меня не принесешь, ноги твоей чтобы здесь не было. Принес?

— Нет, — признался Колобок.

— Тогда убирайся, — твердо сказал Евсей Ильич, собираясь уйти обратно в дом.

— Я долг пришел вернуть, — тихо сказал Гордеев ему в спину.

Евсей Ильич остановился и медленно, очень медленно повернулся.

— Я тебе, Гордеев, в долг не давал. Сказано — убирайся.

— Вы мне парня спасли.

— Так это я ему, считай, в долг дал, он пусть мне и отдает. А с тобой, Колобок, у меня никаких дел нет. И быть не может.

Это небрежное «Колобок» из уст Евсея Ильича хлестануло по Гордееву, словно пощечина вымазанной в дерьме рукой. Прозвище это прилипло к нему много лет назад, но даже старый Голубович никогда не называл его так в глаза. А вот статный, на голову выше Гордеева, крепкий, несмотря на годы, профессиональный преступник Евсей Ильич Дорман, в молодости неоднократно судимый, а последние десять лет официально находящийся на заслуженном отдыхе, — он мог себе это позволить. Ибо, понаделав в юные годы много глупостей, совершив много ошибок, Дорман научился годам к шестидесяти не пересекаться с правоохранительными органами. Это была его

как бы официальная доктрина, но он никому не пояснял, означала ли она, что он научился жить, не нарушая закон, или что он научился нарушать закон так, чтобы продолжать спокойно жить. В прошлом году на даче у Евсея Ильича гордеевские ребята брали двух вооруженных преступников, и Дорман, поддавшись внезапному и необъяснимому порыву, спас Юру Короткова от верной гибели. Руководивший задержанием Гордеев уже мысленно простился с Юрой, понимая, что живым тому не выбраться. В этот раз Дорман с легкостью доказал свою неосведомленность о преступной деятельности задержанных, укрывательство ему вменить не удалось, да и не очень, честно признаться, старались, учитывая его помощь в спасении Короткова.

Знакомство Гордеева с Дорманом было многолетним, отношения — сложными, больше напоминающими добрую ссору, нежели худой мир.

— Подождите, Евсей Ильич, — почти безнадежно окликнул его Гордеев. — Это нечестно.

— Да? — Дорман снова подошел к Гордееву. — Это интересно. Ты приехал подискутировать на философско-этические темы?

— Вы связываете мне руки, — твердо и уверен-

но сказал Гордеев. Это был шанс заинтересовать Дормана, к вопросам чести он относился с какой-то болезненной щепетильностью. — Вы прекрасно понимаете, что парень, который вам жизнью обязан, никогда против вас ничего не найдет. Он еще молод, хватка у него слабовата. А я смогу найти, если, конечно, будет что искать. Но как я смогу это сделать, если я вам обязан жизнью мальчишки? План задержания разрабатывал я, руководил я, то, что он чуть не погиб, — моя вина, моя ошибка, мой недосмотр. Случись несчастье — я бы себе до могилы не простил, всю жизнь казнился бы. Вы меня избавили от этого, вы мне помогли, и я чувствую себя вашим должником. Вы не хотите со мной разговаривать? Это значит, что я никогда не смогу прийти сюда, к вам, с пудом доказательств. Мне совесть не позволит. Может быть, она у меня неправильно устроена, но уж какая есть. Что же получается? Раньше мы с вами всегда воевали честно: ваше мастерство против моего. А сейчас? Ваша хитрость против моей совести?

Монолог получился убедительным, Евсей Ильич смягчился. Щелкнул пальцами, успокаивая собаку, которую Гордеев не видел и не слышал, сделал приглашающий жест и повел

гостя к дому мимо роскошных клумб с цветами. Дорман не любил физический труд, не признавал «копания в земле», денег у него было достаточно, чтобы покупать фрукты и овощи на рынке, и на даче, где он жил круглый год, разводил только цветы, к которым был с детства неравнодушен. Правда, ухаживать за ними приходилось женщине из поселка. Дорман был ленив, но красоту любил и готов был за нее платить.

Усевшись на просторной веранде за большой круглый стол, Дорман сухо произнес:

— Я тебя в гости не звал, поэтому чаю не предлагаю. Говори.

— В ночь с двенадцатого на тринадцатое июня в Москве убита женщина, сотрудник милиции. Убийство было замаскировано под несчастный случай, смерть от электротравмы. Но замаскировано очень неумело, грубо, вся фальшь прямо в глаза бросалась. Убийца оставил много следов. Более того, он забыл об осторожности и позволил себя увидеть. У нас есть свидетель, который готов его опознать. Но самое главное — он стал болтлив, этот убийца. Он стареет, нервы сдают. И теперь мы знаем его кличку — Галл. Он живет в Ленинграде, то есть в Санкт-Петербурге. Я не знаю, кому эта информация может оказаться полезной, да

и не хочу знать. Но я уверен, что найдутся люди, которые будут вам благодарны за то, что вы их предупредите: Галл выработался, он теряет квалификацию и осмотрительность. Впервые за все годы по совершенному им убийству возбуждено уголовное дело, поэтому его будут искать, пока не найдут, и будут примерять на него все то, что он оставил на месте преступления. Я вижу здесь только два выхода. Или дать нам возможность закрыть дело, имея на руках убийцу с крепкими доказательствами, и таким образом спасти Галла. Либо отдать нам Галла с наименьшими для себя потерями. Это все.

Евсей Ильич молчал так долго, что Гордеев испугался. Наконец Дорман расцепил пальцы, на которые опирался подбородком, постучал ими по столу, куснул зубами нижнюю губу. Его влажные выпуклые глаза медленно прошлись по лицу Гордеева, по его круглой упитанной фигуре. Губы, даже в старости не потерявшие четких очертаний, дрогнули в усмешке.

— Ладно, Гордеев, на чай ты заработал. Посиди, сейчас вернусь.

Оставшись один, Виктор Алексеевич почувствовал, как внутри отпустило. Он даже не подозревал, до какой степени напряжен.

За чаем разговор пошел легче.

— Жаль мне тебя, Гордеев, — говорил Евсей Ильич, помешивая ложечкой варенье в хрустальной розетке. — Таким, как ты, система руки выкручивает, кислород перекрывает и при этом требует работы, результатов, успехов. Ты никогда не задумывался, какая хитрая сволочь придумала вашу милицейскую систему? Да ей наверняка миллионные взятки давали, сволочи этой, чтобы она придумала те самые правила, по которым вы сейчас живете. Вы же о каждом своем шаге обязаны докладывать. Чтобы за мной, всесоюзно известным преступником Евсеем Дорманом, наружное наблюдение пустить, тебе придется килограмм бумаги извести на рапорта да справки всякие. Пока ты их сочинять будешь да пока они до адресата дойдут, я в Австралию успею улететь. Какой дурак придумал, что вы должны быть коротко стрижены и прилично одеты? Если милиционер в форме на улице патрулирует — тогда согласен, пусть стрижется. А если он — опер, сыскарь, ты же на него ярлык метровыми буквами вешаешь, мол, имейте в виду, граждане, я из легавки. Кто милиционеру зарплату установил такую, что на нее ни квартиру, ни машину не купишь? Не знаешь? А я знаю. Все

это специально было сделано, чтобы обеспечить утечку информации. Чтобы всегда быть в курсе, кто чем занимается, кто куда поехал, кто за кем слежку установил. Чтобы держать вас всех под контролем и вовремя вам рты затыкать, если не туда полезете. Чтобы ты не мог себе жилье сам купить, а целиком от доброго дяди зависел. Чтобы ты не мог на своей машине по городу мотаться и преступления раскрывать, а чтобы служебную попросил, тогда они знать будут, куда и зачем ты ехал. А заодно и поунижаться заставят, когда просить машину будешь, чтобы, значит, место свое не забывал. А сейчас тебя вообще страшная жизнь ожидает.

— Почему? Страшнее, кажется, уже некуда.

— У-у, голуба моя, есть куда, еще как есть. На смену той сволочи хитроумной новая пришла, которая придумала строить правовое государство одновременно с рыночными отношениями. Это же абсурд, а вы молча глотаете и терпите. Как ты работать-то будешь теперь, Гордеев? Под эти рыночные отношения, под коммерцию и прочие большие деньги твои сыщики все разбегутся, им на нищенских милицейских харчах ловить нечего. Кто останется? Кто поглупее, кто нерасторопный, ленивый, одним словом — балласт.

Еще останутся те, кто или на нас работает, или научился взятки брать, то есть те, кому и у вас сытно и тепло. Ну и молодая поросль из институтов, которые ничего не умеют, а как только научатся — так либо в первую группу попадут, в коммерсанты, либо в третью — во взяточники. А не научатся — во второй группе останутся, с двоечниками и второгодниками. Вот такой естественный отбор у вас грядет, Гордеев. И параллельно с такой радостной перспективой вы затеваете строительство правового государства. Прокуроры надзирают, блюдут, арестовывать не дают. Адвокаты защищают с момента задержания. Судьи дела на доследование не отправляют, а выносят оправдательные приговоры. Райская жизнь! Для нас. А для вас — цепь мучительных кошмаров. Чтобы в этот райский сад войти, надо уметь работать. А кто у вас будет уметь работать, учитывая описанный выше процесс рассредоточения сил? Если бы кто и захотел вызвать в нашей стране криминальную катастрофу, лучше бы не смог придумать. Вот поэтому мне и жалко тебя. Хороший ты мужик, Колобок, грамотный и честный. Такое сочетание редко встречается. Съедят тебя. Тебе сколько до пенсии?

— Да выслужил уже. Могу уходить.

— И не уходишь? Что ж, уважаю. Хотя мне, как ты понимаешь, было бы спокойнее, если б ушел. Хочешь правду, Гордеев? Боюсь я тебя. Из всех ментов, что я в жизни встречал, такой, как теперь, я только тебе по зубам. Уйдешь — вздохну свободно. Может, успею еще на старости лет преступление века совершить, громкое, красивое, изящное. Что ты смеешься? — Дорман лукаво улыбнулся, положил себе еще варенья. — Думаешь, совсем спятил старый Евсей? А может, мне славы хочется. Чтобы все говорили: нам со стариком Дорманом не тягаться. Ладно, шучу. Буду доживать свой век тихо.

— Сделайте одолжение, — шутливо попросил Виктор Алексеевич.

Возвращаясь в Москву в грязной полутемной электричке с разбитыми стеклами и ободранными сиденьями, Гордеев думал о том, что говорил Дорман. Если следовать его логике, то он, Гордеев, может поймать только того преступника, которого ему позволят поймать. А разве на самом деле это не так? Звучит чудовищно, но в то же время ничем не опровергнуто. Примеров тому — множество. И еще думал Виктор Алексеевич о том, что он правильно сделал тогда, в 1987 году, когда начал вырабатывать свой стиль руководства

отделом. Когда только пошли первые разговоры о правовом государстве, он уже знал точно, во что это выльется. Идеи умами овладеть не успеют, а практику будут под эти идеи подстраивать. Времени наращивать профессионализм не было. Для этого нужно как минимум вырастить поколение учителей и дать им время выпестовать учеников, а это — не меньше двадцати лет. И он решил, что если нельзя иметь пятнадцать опытных сыщиков, пусть будут пятнадцать талантливых людей, но талантливых по-разному. Чтобы в итоге получился один хороший профессионал.

Полковник Гордеев терпеть не мог слова «универсал». Он полагал, что слову этому грош цена и вообще все универсальное — обман. С другой стороны, он был твердо убежден, что хороший начальник не тот, у кого все работают одинаково хорошо, а тот, у кого каждый занимается тем, что у него лучше всего получается, и при этом приносит пользу общему делу. За этот лозунг его в свое время нещадно бранили и подвергали всяческим гонениям, но Гордеев, в точности как резиновый колобок, больно ударившись о землю, подскакивал тем выше, чем сильнее его били. Все сотрудники, которых набирал он сам, имели добротную школу и еще какой-нибудь талант,

который работал на благо всего отдела. Коля Селуянов, например, обладал удивительной зрительной памятью, запоминал лица и маршруты мгновенно и на долгие годы. Кроме того, в детстве он хотел стать градостроителем (почему-то именно градостроителем, а не архитектором), знал Москву, как свою квартиру, каждый закоулок, каждый проходной двор. Миша Доценко, по общему признанию, был незаменим в работе со свидетелями, особенно когда нужно было заставить человека что-то вспомнить или отделить то, что было, от того, что показалось. Володя Ларцев по образованию был психологом, причем весьма квалифицированным, а милицейскую науку постигал уже по ходу дела.

Такой своеобразный подход к комплектованию отдела позволил Гордееву начать учиться, как он выражался, «жить в условиях правового государства», то есть искать преступников и добывать доказательства без применения старых испытанных методов, к коим относились и физическое воздействие, и содержание в камере, чье устрашающее воздействие хорошо известно, и многое другое. Без применения таких методов работать стало невероятно трудно, но зато ребята Гордеева прекрасно ладили со следовате-

лями и прокурорами, которым не к чему было придраться. Гордеев знал, что в глазах многих он смешон, что его усилия вызывают у людей лишь раздражение и недоумение. Он понимал, что сегодня он — рыжий на манеже, которого не трогают только потому, что он, непонятно каким образом, обеспечивает хорошие результаты и раскрывает преступления. Такое отношение было оскорбительным, Колобок нередко переживал минуты глубочайшего унижения и отчаяния. Но он был уверен, что наступит завтра, и его идеи себя оправдают. И пусть это завтра состоится через три года, через пять лет, пусть даже через десять, но его ребята, его сотрудники, которых он любовно и тщательно отбирал, будут уметь работать и не потеряют лицо в таких условиях, когда за каждым фигурантом по пятам будет ходить адвокат. Только бы они выдержали, только бы не разбежались, как предрекал Дорман. Еще год-два — и он сможет оставить отдел на своего зама, есть еще две кандидатуры, кто смог бы его заменить. Лишь бы у них хватило терпения переждать нынешний голодный период отчаяния и безнадежности. Им бы еще чуть-чуть подучиться…

* * *

Эта неделя была мучительной и для Юры Короткова, безуспешно старавшегося привести свои эмоции в соответствие с реальной жизнью. Пока получалось плохо. Десятое июля надвигалось с каждым днем все быстрее, а пожар, бушевавший в его душе, погасить никак не удавалось. Юра по уши увяз в своей влюбленности и ничего не мог с этим поделать. Надо заметить, что Людмила Семенова была далеко не первым увлечением Короткова за все годы его супружеской жизни, но раньше все как-то обходилось без тумана в голове и смещения акцентов. Из кинофильмов и книг он вынес твердое убеждение, что нельзя путать любовь с наваждением, что наваждение рано или поздно проходит, надо только набраться терпения и постараться не наделать глупостей в этот период. Однако на практике бороться с таким наваждением оказалось вовсе не просто. И надо же было этому случиться как раз тогда, когда они работали на таком сложном деле! У Юры все валилось из рук.

Если бы сама Людмила вела себя как-нибудь иначе — провоцировала бы ссоры или хотя бы размолвки, демонстрировала недовольство ну

хоть чем-нибудь! Но нет. Она была именно такой женщиной, о какой втайне мечтает каждый сыщик.

— Я не всегда была такой, — говорила она Короткову. — Пока работала следователем, нахлебалась от мужа всякого. Потом поняла, что состояние в браке с работником милиции — это профессия, которой далеко не каждый может овладеть. Ваша работа грязная, да-да, грязная, она вся построена на обмане, недоверии, хитрости, компромиссах. Иначе и быть не может, кто же ходит на преступников с поднятым забралом. Но и жены вам нужны особые, такие, которые помогали бы вам не ложиться в постель во всей этой грязи.

После решающего разговора Насти с Павловым в ресторане объединенными силами Гордеева и Захарова велось постоянное наблюдение как за квартирой, где пребывала Лебедева-Настя, так и за главным экспертом. Настя добросовестно звонила каждый день в министерство и голосом Ларисы вежливо осведомлялась, не надумал ли Александр Евгеньевич согласиться на ее предложение. Павлов пока не надумал, но тем не менее как-то вечером встретился со смуглым невысоким человеком в очках. Когда перед Коротковым

положили фотографию, запечатлевшую момент их встречи, Юра вспомнил, что видел его на похоронах Филатовой. Установить незнакомца в очках было несложно, он ни от кого не прятался и личность свою не скрывал.

Возле дома, где находилась Настя, никаких посторонних наблюдателей отмечено не было. Когда до окончания недельного срока осталось дня два, все упали духом. Похоже, их ловушка не сработала. У Павлова не было возможности установить адрес Лебедевой, если только от ресторана ее не «проводил» кто-то из его людей. Ответственный за маршрут «ресторан — квартира» Селуянов готов был дать голову на отсечение, что в тот момент за Лебедевой не следили, а уж в этих вопросах Коля был надежен. Если Павлов станет действовать по предусмотренной Гордеевым схеме, он должен будет показать шантажистку убийце. Другим способом ее не найти. Эти смотрины и должны, по замыслу Колобка, сыграть роль сигнала: Галл в Москве. Дальше работа предстояла чисто техническая: из всей массы людей, находящихся вблизи от места «показа», а также от дома Лебедевой, вычислить Галла и задержать его. Это казалось несложным лишь на первый взгляд. Никто из оперативников представления

не имел о том, как организована система связи и вызова «заказников». Никто не мог бы поручиться, что устанавливать личность и адрес будущей жертвы станет сам исполнитель, а не специальные помощники, выполняющие для «маэстро» черновую работу. Если поспешишь, ошибешься и задержишь не того человека, настоящий убийца тут же исчезнет, растворится, как призрак на рассвете. И второй раз выманить его уже не удастся.

В этой плоскости как раз и лежала одна из задумок Гордеева, о которой догадалась Настя. Подсунув Павлову адрес Ларисы, они существенно упростили бы ему задачу. А Гордееву хотелось посмотреть, как будут проходить поиски рыжей журналистки. Ему было интересно, существует ли в этой хитрой системе распределение работ и кто и как эти работы выполняет. Даже если они не смогут взять убийцу, операция даром не пройдет, они получат новые знания о той криминальной сфере, с которой им пока сталкиваться напрямую не приходилось. А знания эти впоследствии очень пригодятся. Конечно, Гордеев не говорил этого вслух, чтобы не расхолаживать ребят и не выглядеть посмешищем в недобрых глазах. Это же надо, затеял комбинацию в научно-исследовательских целях! Курам на смех. Но

Виктор Алексеевич знал в глубине души, что эта познавательная задача не менее важна, чем поимка Галла. Прежде чем объявлять войну, врага надо изучить, об этой старой истине многие позабыли. Только один человек на свете мог понять Гордеева. Только она, Стасенька, предпочла бы информацию о системе элитарных «заказников», даже с риском упустить убийцу Филатовой. Только она умеет смотреть вперед так же далеко, как сам полковник Гордеев.

На шестой день Павлов все еще «не созрел».

— Завтра я позвоню вам в последний раз, Александр Евгеньевич, имейте это в виду. Я не люблю испуганных людей, но еще меньше мне нравятся люди нерешительные. Вы украли у меня неделю, которую я могла бы провести более плодотворно.

Павлов колебался.

— Может быть, в качестве компенсации за потерянное время вы согласитесь завтра пообедать со мной? Независимо от того решения, которое я приму.

— Ну уж нет, — холодно усмехнулась в трубку Лариса. — Обед состоится только в случае вашего согласия. Я и так потратила на вас слишком много времени.

— Хорошо, — внезапно отвердевшим голосом

сказал Павлов. — Считайте, что я решился. Жду вас завтра в три часа возле «Елисеевского».

— В пять, — промурлыкала довольная Лариса. — На два часа я записана к парикмахеру, к трем никак не успею.

— Ладно, в пять. До завтра.

Настя осторожно положила трубку и задумчиво посмотрела на телефонный аппарат. Неужели приехал?

Глава 10

Он и в самом деле приехал. И с первой же минуты почувствовал неладное. Все в этот раз шло не так, как обычно. Не было условленной встречи с передачей задатка и четко сформулированным заданием. Был только номер телефона, по которому следовало позвонить в определенный день и час. Галл позвонил. Мужчина, с которым он разговаривал, цедил слова приказным тоном. Адреса и фамилии он не знает, он может только показать того человека. Галл попробовал возразить: на таких условиях он не работает. Он — одиночка, у него нет подручных, а заниматься всем самому — опасно. Тут надменный заказчик начал на него орать, дескать, он, Галл, вообще работать не умеет, по прошлому эпизоду возбудили дело, у милиции есть его приметы, а он тут строит из себя, понимаете ли, великого мастера. Пусть делает, что ему велят, он за это деньги получает. Девку надо выследить и убрать. И обязательно забрать у нее четвертый экземпляр рукописи. Да-да, милый мой, той самой рукописи, которую ты в прошлый раз не нашел. Плохо, стало быть,

искал. А может, нашел? А? И теперь вместе с этой девкой хочешь деньги из меня выкачать? Я пока еще никому об этом не сообщал, но я тебя очень сильно подозреваю. Будешь мне условия диктовать, скажу кому следует, что ты своевольничаешь и ставишь всех под угрозу. Да к тому же и работаешь ты грязно. Так что давай-ка не ерепенься, а исправляй свои ошибки.

Такого поворота Галл не ожидал.

— Это какое-то недоразумение, — спокойно сказал он.

— В общем, так, — чуть сбавил тон собеседник. — Завтра с семи тридцати до восьми ноль-ноль я буду гулять с собакой в сквере возле метро «Красные Ворота». Посмотришь на меня. В пять часов я встречаюсь с ней возле «Елисеевского», потом поведу ее в ресторан. Дальше — твоя забота. Когда все подготовишь, позвони по этому же номеру, договоримся о задатке. Все.

Галла душил гнев. Никому и никогда не позволял он кричать на себя, разговаривать таким хамским тоном. Все рушится, вот и в верхние эшелоны пролезло такое руководящее быдло. Раньше заказчики были уверенные в себе, спокойные, немногословные, не то что этот истерик. Но если отбросить эмоции, то что остается? Упре-

ки в неквалифицированной работе. Их Галл отмел сразу. Он понял, что нарвался на человека, который всю жизнь был начальником. Такие приемчики давления на подчиненных он хорошо знал. Нет, Галл был в себе уверен. Он прекрасно помнил свои расчеты по последнему эпизоду. Он ушел из квартиры в ночь с пятницы на субботу. Филатова должна была выйти на работу в понедельник, но в понедельник ее не стали бы искать, списали бы на прогул, среди научных работников это дело обычное. На квартиру к ней поехали бы в крайнем случае во вторник, к этому времени все запахи уйдут без следа. Он помнил, как оставил форточки открытыми. Любовник тоже вряд ли появился бы, не подходит к телефону — значит, не приехала. Почему же возбудили дело? Должна быть какая-то другая причина, но вины его, Галла, здесь нет. Может, дело в заказчике? Под него копают? Может быть, он на подозрении у милиции, а убитая с ним связана? Да, скорее всего так. Но если так, то зачем он делает второй заказ, да еще меньше чем через месяц? Он что, сумасшедший? Вызвать «заказника» в город, где идет работа по совершенному им убийству, — непозволительно. Более того, новый заказ явно связан с предыдущим, коль речь идет об одной и той же рукописи.

В квартире этой рукописи не было, он мог бы поручиться. И карточек, которые ему велели найти, не было тоже. Зато было кое-что другое…

Утром Галл приехал на «Красные Ворота», без труда углядел в сквере мужчину с бультерьером, но вместо того, чтобы уйти, задержался. Он на почтительном расстоянии проследовал с ним до дома, а спустя несколько минут отправился провожать его на работу. И хотя в прошлый раз заказ делал другой человек, Галл не сомневался: истинным заказчиком в обоих случаях был тот самый холеный, хорошо одетый мужчина, который уверенно взбежал по ступенькам и, предъявив служебное удостоверение, вошел в Министерство внутренних дел. Это было неприятно. Но главный удар ждал его впереди.

Поразмыслив, Галл решил воспользоваться связью для экстренных случаев. Он не имел права самостоятельно бросить дело и уехать из Москвы, дисциплина в организации была железная. А то, что браться за этот заказ ни в коем случае нельзя, было для него очевидным.

Экстренная связь была сложной, но срабатывала быстро, и уже через полтора часа Галл разговаривал с человеком, который должен был разрешить ему уехать. Но все получилось совсем

не так.

— Заказ должен быть выполнен, — сухо сказали ему. — Ты допустил много промахов, дело следует поправить. Пока не исправишь — из Москвы ни шагу. За некачественную работу надо расплачиваться. И придержи язык. Сумеешь все сделать — ляжешь на дно. Не сумеешь — сам знаешь, что тебя ждет. Это твои проблемы.

Его проблемы… Вот он и попал между двух огней. С одной стороны, заведомо провальный заказ. С другой — система отказала ему в помощи и в защите. Почему? Он стал не нужен? Ерунда, такие, как он, всегда нужны. Таких, как он, слишком мало, чтобы можно было ими разбрасываться. Тогда в чем же дело? Они думают, что он выработался, стал допускать промахи и его теперь ищет ментура. С чего они это взяли? Ведь не может быть, чтобы они пели с голоса этого истеричного заказчика, плясали под его дудку. А если все же… Он работает в МВД, сведения у него точные. Значит, это может быть правдой. Выходит, этот подонок пользуется его, Галла, услугами, а потом поливает его грязью вместо того, чтобы попытаться помочь. Ну и дерьмо!

А они? Почти двадцать лет он у них на службе, ни одного прокола, безупречная репутация. Он

свято соблюдал все их условия: не иметь семьи, постоянных женщин, близких друзей. Не поддерживать отношений с родственниками. Работать только там, где они скажут, где начальник — их человек и можно без лишнего шума уезжать в командировки, когда потребуется. И еще много всяких ограничений, которых он ни разу не нарушил. И за все это хорошую же благодарность он получил: чуть что — пошел вон, выкручивайся сам. Ясно, что он их не сдаст легавым, — самому пришлось бы признаваться, а только один эпизод с Филатовой тянет на «вышку», она же работник милиции. Да и доказать он ничего не сможет, против них у него ничего нет, кроме слов.

Ну что ж, подумал Галл, будем исправлять свои ошибки.

* * *

От назойливого грохота музыки и тяжелой духоты Настя была близка к обмороку. «Странно, — думала она, — я совсем не чувствую, чтобы за мной кто-нибудь наблюдал. А сколько разговоров всегда о сверлящих взглядах, которые прямо затылком чувствуешь, которые якобы спину тебе жгут. Наверное, я просто неопытная еще, — решила она, — или бесчувственная».

Когда бороться с дурнотой не осталось сил, она взяла сумочку и, извинившись, вышла в туалет. Павлов в первый момент испугался, что она просто-напросто сбежит, потом сообразил, что теперь его это не должно беспокоить. Он передал шантажистку Галлу, а уж от него ей не уйти.

В туалете Настя вынула из сумки ампулу с нашатырным спиртом, резким движением пальцев вскрыла ее и, обильно смочив жидкостью носовой платок, приложила его к вискам и ко лбу. По комнате растекся резкий запах.

Она присела на банкетку и закрыла глаза. Проклятые сосуды! Здоровья нет, а туда же, в сыщики записалась. Сидела бы дома, занималась репетиторством, натаскивала бы великовозрастных оболтусов по математике или иностранным языкам. Денежно и спокойно.

— Все в порядке? — раздался прямо у нее над ухом тихий голос.

Настя открыла глаза и увидела рядом красивую брюнетку в переливающемся платье и роскошных колготках-дольчиках — писк моды!

— У вас все в порядке? — настойчиво повторила брюнетка.

— Голова немного закружилась, — пробормотала Настя.

— Помощь нужна?

— Нет, спасибо. Мне нашатырь хорошо помогает. Отсижусь и пойду.

Брюнетка ласково улыбнулась.

— Если хочешь, могу сделать укол — глюкоза плюс стимулятор. У меня в сумке целая аптека.

— В другой раз.

Настя сделала попытку улыбнуться в ответ, но губы ее не слушались.

— Эй, подруга, — забеспокоилась женщина, — да ты бледная как смерть. Так не пойдет. Давай-ка руку.

Настя покорно протянула ей руку. В голове четко высветилась мысль о том, что, пожелай Галл убрать ее прямо сейчас, лучшего случая не придумаешь. Пузырек воздуха легко перекочует из шприца в вену, оттуда — в сердце, и конец. Ее найдут в женском туалете, рядом валяется шприц с сердечным стимулятором. Простая небрежность, никто не виноват.

Женщина между тем быстро вскрыла пакет с одноразовым шприцем, набрала по очереди из двух ампул. Держа готовый шприц одной рукой, другой перетянула жгут, ловко продезинфицировала место укола. Настя закрыла глаза. Ей было так плохо, что уже не было сил бояться.

«Что это со мной сегодня?» — вяло удивилась она. Такой сильный приступ был у нее раньше только один раз, тогда ее «Скорая» увезла прямо с улицы. Прежде чем игла проникла в вену, она успела подумать: «Это не может быть Галл. Ему нужна рукопись, а где я живу, он не знает. Или все-таки знает?» Поршень плавно пошел вниз. Женщина склонилась над Настей, ее лицо было совсем близко.

— Потерпи, миленькая, — прошептала брюнетка, — через пять минут будешь как новенькая.

Она вытащила иглу из вены, аккуратно сложила шприц в надорванный пакет, сунула туда же пустые ампулы и положила все это в Настину сумочку.

— Ты меня слышишь, рыжая? Я все тебе в сумочку положила. Если твой кавалер заметит след от укола, будет чем оправдываться. А то ты что-то подзадержалась в сортире, как бы он не занервничал.

— Спасибо вам.

Настя явственно ощущала прилив сил. Уже, пожалуй, можно встать.

— Мне с вами повезло. Если бы не вы, я бы тут свалилась, — благодарно сказала она.

— Тебе не со мной повезло, а с начальником.

Поняла, рыжая? — усмехнулась брюнетка. — Ну, я пошла.

Стоя на улице, Галл увидел через стеклянные двери, как из зала ресторана вышла женщина, которая была с заказчиком, и скрылась в женском туалете. Через две-три минуты туда же зашла эффектная яркая брюнетка, до этого курившая в холле в компании рослого мужика. По мнению Галла, рожа у мужика была откровенно бандитская, поэтому и женщину в переливающемся платье он определил для себя как дешевую ресторанную шлюху.

Брюнетка вышла из туалета первой и, подхватив «бандитскую рожу» под руку, направилась на улицу. Парочка остановилась неподалеку от Галла. Парень вульгарным жестом притиснул к себе женщину.

— Ну что?

— Да ничего. Не тот случай.

— А что же она там так долго делает?

— Сердечный приступ пережидает. Бледная такая — смотреть страшно. Ладно, еще не вечер. Ближе к ночи наша клиентура пойдет косяком. Между прочим, я сама сглупила. Могла бы сразу сообразить, что она не возьмет.

— Почему?

— Тот тип, с которым она пришла, — это полковник Павлов из МВД. Мне его Ариф показывал.

— Ну ты и дура, — разозлился парень. — Какого же черта ты за ней поперлась? Ты хоть что-нибудь соображаешь?

— А что, по-твоему, полковники милиции со шлюхами не путаются? — огрызнулась брюнетка. — Тоже мне, идеал советской морали.

«Значит, его фамилия Павлов. И даже полковник. Учтем, — отметил про себя Галл. — И еще какой-то Ариф. Это тоже учтем. Интересно, что эта девица ей предлагала? Наркотики? Вряд ли, сбытчики стараются иметь дело только с проверенной клиентурой. Скорее всего что-нибудь противозачаточное, презервативы или таблетки».

* * *

Телефонный звонок раздался, едва Настя переступила порог квартиры. Звонил Гордеев, сильно встревоженный.

— Как ты, деточка? Оклемалась?

— Более или менее.

Настя взяла аппарат и прошла с ним в кухню, плотно притворив за собой дверь. Она опасалась, что на лестнице возле квартиры могут оказаться

любопытные уши.

— Все сработало. Тебя провожали. Трудно пока сказать, кто это — сам или подручный. Но до подъезда он тебя довел. Так что с этим порядок, все идет по плану.

— Слава богу, не зря мучилась.

— Теперь вот что, Анастасия. Одну я тебя на ночь не оставлю. Не хватало еще, чтобы тебя «неотложка» увезла. Возражений не принимаю, но имеешь право выбирать. Кого к тебе прислать?

— Не надо никого, Виктор Алексеевич. Обойдусь.

— Ты плохо слышишь, Анастасия? Я сказал, ты имеешь право выбирать, а не решать. Решаю я. Так кого?

— А эту, из ресторана, нельзя? Она в вену с первого раза попадает.

— Эту нельзя. Ее видели. Может, Захарова?

— Только не Захарова, — поспешно, даже чересчур поспешно, ответила Настя.

— Коротков тебя устроит?

— Устроит. Только жалко его дергать. У него страстный, но ограниченный во времени роман.

Колобок, похоже, рассердился.

— Знаешь что, дорогая, ты эту благотворитель-

ность прекрати. У меня романы нашего Тристана в одном пикантном месте уже сидят. Всех денег, как говорят, не заработаешь, всех женщин не перелюбишь. Так что не валяй дурака.

Коротков приехал грустный, его массивная фигура словно уменьшилась в размерах, широкие, обычно развернутые плечи поникли.

— Неужели так серьезно? — сочувственно спросила Настя.

— Очень. Не знаю, что с этим делать. Просто болезнь какая-то.

Для влюбчивого Юры Настя всегда была наперсницей, плакательной жилеткой и спасательным кругом одновременно. Если роман заканчивался неудачно, она буквально за уши вытаскивала Короткова из депрессивной ямы, в которую он каждый раз собирался сваливаться. Настя и сама видела, что случай с Семеновой — особенный. Обычно Юра в разгар очередного увлечения бывал радостно воодушевлен, глаза горели, работа спорилась, у него словно крылья вырастали. А в этот раз он был подавлен и разбит, будто тащил неподъемную ношу. Настя не смогла бы точно определить, какое чувство в ней берет верх — сочувствие или белая зависть. Ей были недоступны любовные переживания ни в виде окрыленности,

ни в виде тоски. Нежная привязанность — самое большое, на что она считала себя способной. Может быть, когда-нибудь, думала она, это случится и с ней. Ведь случилось же в юности, но только однажды, больше десяти лет назад. И с тех пор ни разу не повторилось. Наверное, у компьютера на двух ногах не может быть сильных эмоций. Такая, видно, у нее судьба.

— Как себя чувствует сердечный друг Александр Евгеньевич? — поинтересовался Юра.

— Резину тянет. Ни да, ни нет, а гораздо сложнее. Принципиальное согласие дал, но просил еще несколько дней, чтобы собрать деньги.

— Судя по его передвижениям, он и не пытается их собрать. Не по служебному же телефону он решает свои вопросы. Разве что из дома звонит. Но скорее всего просто поручил кому-то. От руководящих замашек так просто не отвыкнешь.

— Хорошо, значит, схема пока работает. Будем ждать, когда Галл явится по мою душу и за рукописью.

— Не боишься?

— Боюсь. Ужасно боюсь. Особенно после сегодняшнего укола. Где вы такую медсестру выкопали?

— Колобок постарался. Он знает про твои хво-

робы.

— Все-таки трудно играть вслепую. Одни догадки. Просто удивительно, как это мы ухитряемся «в цвет» попадать. Ой, не сглазить бы. — Она торопливо постучала по деревянной табуретке.

— Ася, можно нескромный вопрос?

— Валяй.

— Когда Захаров здесь ночевал…

— Ну?

— У вас было что-нибудь?

— Почему тебя это интересует?

— Колобок сказал, что ты просила на сегодняшнюю ночь кого угодно, только не Захарова.

— Колобок — старый болтун и сплетник. Поставь чайник, пожалуйста.

— Так было или нет? — Юра зажег газ на плите.

— Что ты пристал? Было. И не было.

— То есть?

— Тебе не понять, у тебя сердце очень нежное. А у меня — деревянное. Сколько ни стучи — одни глухие звуки. Да, мы спали вместе. Но это — все.

— Ничего себе! А что еще должно быть?

— Перестань, Коротков. Неужели ты думаешь, что я должна влюбляться в каждого, кто переспит со мной из спортивного интереса?

— Но ведь не только он с тобой переспал, но и ты с ним. Тоже из интереса?

— Тебе это так важно? Сахар мне не клади.

— Важно. Я в себе пытаюсь разобраться. Не сердись, Ася. Поговори со мной об этом, пожалуйста.

— В таком случае давай будем говорить о тебе.

Но поговорить им не удалось. Снова позвонил Гордеев.

— Анастасия, тебя предупредили, что вся квартира нашпигована микрофонами?

— Нет. Зачем?

— Затем, чтобы не нестись, ломая ноги, задерживать каждого, кто порог переступит. Может, тебя сначала проверять будут. Поняла?

— Да.

Настя не торопясь допила чай, поставила чашку на блюдце, громко и отчетливо произнесла:

— Спасибо вам, товарищи, за благородство. Обещаю больше вас не смущать.

— Ты что? — удивился Коротков. — Крыша поехала?

Настя расхохоталась.

— Они нас слушают. Ты представляешь? Тут же Колобку донесли про наши альковные разговоры. А я его старым болтуном и сплетником обозвала! Вообще-то зря он меня предупредил. Теперь за

каждым словом придется следить.

— Ерунда. Он прав, так лучше для дела.

— Для какого дела? Если Галл явится меня убивать, он устных комментариев давать не будет. Молча сделает свое дело и уйдет.

— Молчание — тоже сигнал. Не считай всех дураками.

— Я не считаю. — Настя вдруг всхлипнула. — Я боюсь, Юрка, я смертельно боюсь. Господи, если бы ты только знал, как мне страшно.

Ночь они провели без сна, прислушиваясь к звукам на лестнице, вздрагивая каждый раз, когда начинал гудеть лифт. Утром Коротков ушел. В течение дня никто не звонил в квартиру, никто не пытался выяснить у жильцов, где живет Лариса Лебедева. Настя вышла в магазин, купила молока и хлеба и сразу вернулась. Гордеев строго-настрого приказал как можно меньше бывать на улице — кто знает, какой несчастный случай придумает убийца. Квартиру они подстраховали крепко, но обеспечить Настину безопасность на улице у них не хватало возможностей. Когда Настя вернулась из магазина, Гордееву сообщили, что «хвоста» за ней нет.

Никто не появился ни в этот день, ни на следующий. Галл не проявлял интереса к шантажистке.

Операция оказалась под угрозой срыва. Похоже было, что «в цвет» они не попали.

* * *

Галл был достаточно сообразителен, чтобы понять, что номер телефона, по которому он звонил заказчику, не был ни его домашним, ни служебным. Он зашел в два-три магазина около дома Павлова и убедился, что это совсем другая АТС. На какие цифры начинаются телефоны в Министерстве внутренних дел, он знал и без того.

Галл позвонил, услышал автоответчик, коротко произнес:

— Я буду звонить в 22.15, — и повесил трубку.

Дальнейшее было делом техники — отследить заказчика с места работы до дома и квартиры, где установлен телефон. С этим Галл справился легко. Павлов позвонил в дверь, а не открыл ее своим ключом, и это вселило в убийцу уверенность, что он действует правильно. Ровно в 22.15 он позвонил из ближайшего автомата, сообщил, что все готово, договорился о передаче задатка, дождался, когда Павлов уйдет. Внимательно огляделся вокруг. Дом, куда он собирался зайти, стоял прямо на Садовом кольце, возле Курского вокзала. Шумное место, и в квартире наверняка

тоже нет тишины. Что ж, тем лучше.

Галл бесшумно поднялся по лестнице, он терпеть не мог в ответственные моменты пользоваться лифтами: вдруг застрянет, и это нарушит все его планы. Он постоял перед дверью, еще немного подумал, потом решительно нажал кнопку звонка.

— Кто там? — почти сразу же откликнулся голос из-за двери. По-видимому, хозяин еще не ложился.

— Я от полковника Павлова.

— Что вы хотите?

Голос хозяина был с легким кавказским акцентом. «Видно, это и есть Ариф», — подумал Галл.

— Откройте, пожалуйста. Мой голос есть у вас на автоответчике, вы можете проверить. В 22.15 я разговаривал с полковником. Он дал мне ваш адрес и просил обговорить кое-какие детали.

— Подождите.

Шаги хозяина удалились от двери. Через некоторое время щелкнул замок. Молниеносным движением Галл втолкнул Арифа в прихожую и захлопнул дверь. Тот опомниться не успел, как одна рука гостя оказалась у него на горле, другая крепко держала его сзади за волосы.

— Ты — Ариф?

— Да, — выдавил он.

— Знаешь, кто я такой?

— Да.

— Тем лучше. Рассказывай, быстро.

— Что рассказывать? — прохрипел Ариф.

— В какую игру играет твой полковник? Я тебя пока так подержу, но могу и больно сделать. Хочешь, чтобы было больно?

— Отпустите меня, я же задыхаюсь…

— Потерпишь. Ну?

— Я ничего не знаю. Отпустите.

— Слушай меня внимательно, Ариф. Ты знаешь, кто я такой. Поэтому у нас с тобой два варианта. Или ты умрешь прямо сейчас, или я избавлю тебя от полковника, а ты за это поможешь мне исчезнуть. Уедем туда, где война, у тебя там наверняка друзья есть или родственники. Там нас не найдут. Будешь говорить?

— Буду, только отпустите.

— Нет. Говори.

Ариф Муртазов хотел жить. И приходилось выбирать — жить ему в спокойной Москве, но рядом с Павловым, или в воюющем Карабахе, но без него. Павлов становился для Арифа с каждым днем все обременительнее и опаснее, он требовал все больше денег, а теперь затевал уже второе

убийство, и Арифу это совсем не нравилось. В последние два дня он много думал об этом. Его дело — бизнес, в прошлом незаконный, в нынешнее время вполне легальный, но именно бизнес, а не «мокрые» дела. Связываться с убийствами он не хотел категорически.

Великий грех — жадность, часто думал Ариф. Павлов пожалел денег, обманул девочку — и вот какие теперь из-за этого неприятности. Разве несчастные десять тысяч стоят того? И он, Ариф, поддался этому непростительному греху, обрадовался, когда Павлов сказал ему, что за прекращение уголовного дела не обязательно платить деньгами, а можно отслужить верой и правдой, расплатиться преданностью и взаимовыручкой, а деньги — что ж, они всегда деньги, если понадобится — заплатит потом. Сколько уже Павлов из него высосал? На десяток уголовных дел хватило бы, не то что на одно. И гоняет его, как мальчика на побегушках.

Ариф, собственно говоря, уже принял решение, остался лишь последний шаг. Он не сомневался, что гость выполнит свою угрозу, но тогда он не доберется до Павлова, даже если все ему рассказать. Смерть Арифа, даже случайная, будет Павлову сигналом об опасности, и он сразу же примет

меры. Значит, есть шанс остаться в живых, по крайней мере пока.

И Ариф выложил все: про диссертацию, про Филатову, про Энск, про карточки.

— Зачем нужно убирать журналистку?

— Она что-то знает. Она его шантажирует рукописью.

— Рукопись — не признание в убийстве. Что конкретно она знает? Почему твой полковник ее боится?

— Я не знаю. Правда, не знаю. Он думает, что она знает все.

— А что думаешь ты? Насколько она опасна?

— Клянусь, не знаю больше ничего! Он мне не рассказывает. Дает поручения — я выполняю. Я у него в долгу.

— Мы все друг у друга в долгу. Он тебя от одного срока спас, а под другой подставил. За соучастие в двух убийствах дадут больше, чем за твое вонючее золото. Согласен?

— Да. Отпустите меня.

— Рано. Ты еще не все сказал. Какие поручения он тебе давал после убийства Филатовой?

— На похороны сходить, послушать, что говорят.

— Еще что?

— Сведения о Филатовой собрать.

— До убийства?

— И до, и после, когда уже дело возбудили.

— Зачем?

— Хотел ее давним любовником прикинуться.

— Получилось?

— Да.

— Что еще?

— За бабой из уголовки последить. На всякий случай.

— Что за баба?

— Каменская Анастасия Павловна. Про нее говорят, что хваткая очень, хорошо соображает. Павлов ее боялся, хотел выяснить, нельзя ли ее на чем-нибудь зацепить.

— Зацепили?

— Она в отпуск уехала.

— Выходит, ничего не нашла. Если бы заподозрила что-нибудь, не уехала бы.

— Мы тоже так решили.

— Но она как уехала, так и вернется. Как раз ко второму убийству поспеет. Об этом вы подумали?

— Нет. Тогда шантажистки не было. Мы думали, она обычная журналистка.

— Ладно. Так что эта Каменская?

— Ничего особенного. Обыкновенная, незаметная. Ни кожи ни рожи. С мужиками не путается. На такую никто не позарится.

— Замужем?

— Нет, и не была. Детей нет. Живет одна.

— Выгодная невеста, — хмыкнул Галл. — Еще раз повтори, почему Павлов ее боялся.

— У него на Петровке свои люди есть, они рассказывали, что она — уникум, распутывает самые хитрые дела.

— Что ж она это дело не распутала, если она такой уникум?

— Павлов ей мозги запудрил. Сам лично к ней ходил.

Галл нутром почуял несостыковки. Если Каменская такая умная, то Павлов никогда не смог бы запудрить ей мозги. Для этого Павлов должен быть на порядок умнее ее. А Павлов — дурак, очень хитрый и самоуверенный, но дурак, в этом Галл уже убедился. Так, может быть, нет никакой феноменальной Каменской, все это сказочки про белого бычка, неясно, правда, с какой целью. Следовательно, Павлов чего-то недоговаривает своему дружку Арифу. Любопытно, кто кого обманул? Павлов — Арифа? Или самого Павлова ловко обманула эта Каменская? Но так или иначе дело

об убийстве Филатовой должно быть закрыто. Любым способом. Нельзя допустить, чтобы его, Галла, искали. А если полковник Павлов так глуп, что дал себя провести какой-то бабе из уголовки, так пусть за это поплатится. Начальничек, мать его!

Он чуть ослабил хватку, дав Арифу возможность повернуть голову.

— Предупреждать тебя не буду, сам все понимаешь. Запомни: вы с полковником меня не достанете. А я вас — в шесть секунд. Ты знаешь, что я не шучу. У него есть оружие?

— Кажется, есть.

— «Кажется» меня не устраивает. Выясни точно. Завтра позвоню.

Галл вышел из подъезда и неторопливо двинулся в сторону метро. В его голове уже почти сложился план. Теперь надо заняться этой рыжей.

* * *

Гордеев вторую ночь подряд проводил на работе. Душа его изболелась за Настю, особенно после разговора с Коротковым. Как же она, бедная, боится! Все-таки не женское это занятие. Но, с другой стороны, она так красиво, так лихо

вписалась в комбинацию, как вряд ли сумел бы мужчина. Гордеев мысленно похвалил Володю Ларцева, который, составляя психологический портрет Павлова, советовал не давить на него и не торопить. Когда пытаешься взять кого-нибудь нахрапом и даешь на размышление считанные часы, всегда есть опасность, что тебя не воспримут всерьез. Давишь, угрожаешь, спешишь — значит, позиции твои слабоваты и ты боишься, что жертва спокойно пораскинет мозгами и сообразит, что у тебя против нее ничего нет и ты на самом деле не так уж страшен. Типичный способ начальственной «давиловки»: крик, натиск, оскорбления — и вот уже ты чувствуешь себя виноватым и начинаешь оправдываться, хотя грехов на тебе вовсе не так много. У профессионального руководителя Павлова такая логика должна была сработать. И она сработала. Если человек держится спокойно и уверенно, дает тебе время подумать, значит, «компра» у него на руках серьезная.

Гордеев вел свою партию, тонкую, сложную, вел практически на ощупь, наугад. Когда ему сообщили, что объект «встретил» Павлова у министерства, дошел за ним до дома, где живет Ариф Муртазов, побывал у Арифа и двинулся в

сторону проспекта Мира, где обитает Лебедева, он вздохнул с облегчением. Наконец-то, после двухдневного сбоя, схема снова заработала. Знать бы еще, кто он — этот объект. По всем признакам — убийца. А если нет? Или убийца, но не тот?

Половина первого. Настя, наверное, опять не спит. Бедная девочка! Сколько же ей еще ждать, пока Галл соберется к ней в гости. Нервы у нее на пределе.

Гордеев связался с теми, кто наблюдал за объектом.

— Сидит на подоконнике в подъезде напротив нашего.

— Он там ночевать, что ли, собрался?

— Не могу знать, ваше благородие. Пойти спросить?

— Пойди помоги ему. Пусть поспит немного. Ребятам тоже надо отдых дать.

* * *

Галл сидел на подоконнике в подъезде, напротив того, в который два дня назад вошла Лебедева. Он прикидывал, как лучше узнать номер ее квартиры. Раньше ему не приходилось этим заниматься, информация всегда бывала достаточно полной. Это и понятно: никто и ничто

не должно связывать его с жертвой несчастного случая. Их не должны видеть вместе, и уж тем более он не имеет права «светиться», наводя справки. Таков был непреложный принцип.

Но в этот раз его заставили работать по-другому. Правда, и ситуация в этот раз для самого Галла другая. Если все пойдет, как он задумал, то пусть его видят, все равно потом не найдут.

Он услышал шум мотора. Из-под арки во двор въехала машина, притормозив у подъезда, где жила рыжая. Из машины вышел мужчина, сделал несколько неуверенных шагов в сторону подъезда, схватился за стену и остановился. Видно было, что он сильно выпил. Машина уехала, а пассажир, видно, раздумав идти домой, дополз, качаясь, до скамейки и сел, обхватив голову руками.

Галл легко соскочил с подоконника и быстро сбежал вниз.

— Что, дружище, худо тебе?

Он постарался вложить в голос как можно больше теплоты и участия. Пьяный кивнул.

— Может, проводить?

— Не надо. Не пойду туда. Опять орать будет, сука драная, весь дом перебудит.

— Так и будешь до утра сидеть?

— Зачем до утра? Протрезвею чуток, чтобы не качало, и пойду. Она на запах не реагирует, а как видит, что шатаюсь, — прямо звереет.

— Жена, что ли?

— Ну. Гадина рыжая. Ненавижу!

— Погоди-ка, у тебя жена — красивая такая, рыжая, ноги длинные? Это она на тебя орет?

— Не, с ногами — это Лариска из сорок восьмой квартиры. А моя — мочалка рваная. Ты чего, мужик, — пьяный подозрительно посмотрел на Галла, — ты Лариску не знаешь? Не местный, что ли?

— Почему, местный. Из вон того подъезда. Недавно переехал.

— Как же ты Лариску не знаешь? — продолжал сокрушаться пьяный. — Ее все мужики знают, кто в этих домах живет. У нее машина шикарная была, иномарка. Она ее раз в неделю здесь, во дворе, сама, своими наманикюренными руками мыла. Представляешь? Баба — и машину моет. Мечта, а не баба.

— А муж что же? Не помогал? — как можно безразличнее спросил Галл.

— У-у, она с ним давно развелась. Машину уже после развода купила. А весной — тюк! — и нет машины. Теперь не моет.

— Угнали, что ли?

— Разбила. Баба есть баба, что ты хочешь. Теперь ни мужа, ни машины. Ну-ка погляди, я пройдусь.

Мужчина встал и неуверенно пошел к подъезду.

— Ну как?

— Не очень.

— Ладно, еще посижу. А ты чего тут околачиваешься?

— Знакомую провожал до метро, возвращался — тебя вот увидел. Пойду я, пожалуй, спокойной ночи.

— Бывай. — Пьяный покачнулся, изображая приветственный жест.

Галл вернулся к своему подоконнику. Свет на лестнице не горел, и мужчина на скамейке был ему хорошо виден. Минут через двадцать тот поднялся, немного походил вдоль дома и, убедившись в своей устойчивости, скрылся в подъезде. Еще через десять минут Галл вышел и отправился пешком в сторону Рижского вокзала, оттуда, поймав частника, поехал туда, где остановился. Это была пустая квартира, ключи от которой он забрал в автоматической камере хранения на Ленинградском вокзале.

Оперативникам, блокирующим квартиру, где находилась Настя, разрешили смениться и отдохнуть.

* * *

Гордеев, расслабив мышцы спины, обмяк в кресле. Хорошо ночью, не жарко. Если бы можно было днем спать, а ночью работать! Он позвонил Насте.

— Поспи, деточка. Твой ухажер тоже спать пошел.

— Не могу. Меня всю трясет.

— Ну что ты, Стасенька, не надо так. Ребята сидят в соседней квартире, они его не упустят.

— А вдруг упустят?

Вот, подумал Виктор Алексеевич, наша болезнь — ни в ком не быть уверенным до конца и никому не доверять полностью. И все-таки кто такой этот объект? Убийца или нет? Кто явится разбираться с шантажисткой Лебедевой?

* * *

Настя прилегла. Сказались длинные бессонные ночи, и ей удалось забыться тяжелой болезненной дремой. Ей снилось, что она стоит на

высокой, абсолютно гладкой скале, с которой нельзя спуститься. Ее охватил безысходный ужас. «Я разобьюсь, я разобьюсь, — думала она, — никакого выхода нет, стены гладкие и отвесные, ухватиться не за что. Я умру, это конец». В тот момент, когда страх и отчаяние достигли апогея и стали невыносимыми, пришла спасительная мысль: «Я же как-то сюда забралась, значит, где-то есть спуск, надо его найти». Радость и облегчение были такими острыми, что Настя проснулась, взглянула на часы — проспала восемь минут. Она закрыла глаза.

…В большой комнате за столом Гордеев что-то сосредоточенно писал. Почему-то он был в форме, с полковничьими погонами на плечах. В квартире расположилась группа захвата — Настя никак не могла сосчитать, сколько их. Под окном остановился грузовик, и из кабины вышла женщина со светлыми волосами в голубом пальто. Это же женщина, подумала Настя, это не может быть Галл. Блондинка подняла голову и встретилась глазами с Настей. У нее было немолодое приятное лицо с мелкими чертами. Господи, пронеслось в голове у Насти, это же моя смерть приехала, сейчас она войдет в квартиру — и я умру. Женщина вошла в подъезд. Насте казалось,

что она отчетливо слышит ее шаги по лестнице. «Виктор Алексеевич! — закричала она. — Я же сейчас умру! Сделайте что-нибудь, спасите меня!» Но Гордеев даже головы не поднял от бумаг. Женщина в голубом пальто вошла в квартиру. Настя вцепилась в рукав полковничьего кителя: «Помогите же мне! Не пускайте ее сюда!» Гордеев недовольным и каким-то брезгливым жестом выдернул руку и отстранился. Парни из группы захвата молча расступились, пропуская блондинку. Она строго посмотрела на Настю. «Ну, здравствуй, красавица», — тихо сказала она. «Это ошибка, — хотелось крикнуть Насте, — вы не ко мне пришли, я же никакая не красавица, это все знают. Это ошибка!» Она почувствовала, что летит куда-то назад, в темноту. «Я умерла», — подумала Настя и с этой мыслью проснулась.

К снам Настя относилась бережно. Сновидение — продукт работы мозга, считала она, просто так ничего не снится. Смерть в сновидениях — признак сердечной недостаточности или легкого приступа, произошедшего во время сна. Надо выпить горячего чаю, покрепче и с сахаром.

Она вылезла из постели и поплелась на кухню. Пальцы плохо слушались ее, в подушечках покалывало — верный признак приступа. Ну

смерть — ладно, а вот что означает все остальное? Неужели она и в самом деле не надеется на своих товарищей? Неужели она действительно до такой степени не уверена в них? И что же, получается, что в глубине сознания она считает Колобка способным бросить ее в трудный момент без поддержки?

«Наверное, это потому, что в первый раз, — успокаивала себя Настя. — Просто еще не приходилось на собственной шкуре испытать, насколько надежно и основательно планируются подобные операции». Но в голову упорно лезло совсем другое объяснение. За последние годы ей столько раз приходилось делать анализ различных комбинаций и операций — как успешно завершенных, так и проваленных, — столько раз приходилось выискивать слабые места и недостатки, что она хорошо, даже слишком хорошо знала, как часто случаются осечки, как часто кто-то халтурит, проявляет небрежность, забывчивость, подводит других. «Воистину, многия знания — многия горести», — подумала она.

* * *

Володя Ларцев с удовлетворением подумал, что Галл — или кто бы он там ни оказался, этот

«объект», — фактически выполнил за них грязную работу.

— Я вас ни к чему не принуждаю, — спокойно сказал он. — Вы можете выбирать. Если вы не с нами, вам это ничем не грозит. Подумайте.

Его собеседник нервно постучал пальцами по колену.

— Мне кажется, вы меня обманываете. Разве меня не могут привлечь за соучастие?

— Обязательно привлекут. Когда я говорил, что вам ничего не грозит, я имел в виду, что ваш отказ от сотрудничества с нами не повлияет на меру вашей ответственности.

— А согласие повлияет?

— Конечно.

— Что я должен сделать?

— Ничего. Не делайте ничего, этого будет достаточно.

— Вы хотите сказать, что я должен молчать о том, что произошло сегодня?

— Вы меня правильно поняли. Живите, как будто ничего не случилось. Поймите, вы оказались не между двух огней, а между трех. С одной стороны — организация, с другой — ваш друг, с третьей — мы. Единственный способ не обжечься — стоять неподвижно.

— Вы правы. А если меня о чем-нибудь попросят?

— Пообещайте. Но не делайте ничего, не позвонив мне. Хорошо? Все это долго не продлится, самое большое — дня три. Три дня выдержите?

— Попробую, — вздохнул собеседник. — Веселая жизнь — сидеть и ждать, когда тебя привлекут, да еще по такой статье.

— Согласитесь, это все же лучше, чем ждать, что тебя просто убьют, — рассудительно возразил Ларцев.

Глава 11

Утром схема опять начала пробуксовывать. Так, по крайней мере, думали Коротков и Селуянов, узнав о передвижениях объекта. Гордеев выслушал их и отослал, коротко сказав:

— Я подумаю. Сидите на месте, далеко не уходите.

К часу дня те, кто вел наблюдение за объектом, сообщили, что потеряли его. Группа, блокирующая квартиру на проспекте Мира, была немедленно приведена в готовность. Напряжение нарастало. Объект возле дома не появлялся.

Гордеев сидел красный и злой. Он видел, что ситуация выходит из-под контроля.

— И все-таки я не понимаю, почему мы не можем слушать телефонные переговоры из квартиры Муртазова, — недовольно говорил заместитель Гордеева подполковник Жерехов. — Я не сомневаюсь, что прокурор дал бы разрешение.

— Поздно, Паша. Да и опасно. Неужто жизнь тебя ничему не научила? Чем выше уровень преступной организации, тем активнее идет утечка

информации. Риск слишком велик.

— Но так мы ничего не добьемся. Это — нельзя, то — опасно, ты хоть понимаешь, к чему мы придем? Ты подставил убийце неопытную девчонку и рассчитываешь взять его голыми руками. Что с тобой, Виктор? О чем ты думаешь? Разрабатывать Павлова должно Министерство безопасности, а не мы с тобой.

— Да плевать я хотел на Павлова! — взорвался Гордеев. — Я убийцу ищу. А Павлов мне неинтересен. Кнопки нажимать каждый дурак может.

— Какие кнопки? — не понял Жерехов.

Гордеев вскочил и заметался по кабинету, раздраженно разбрасывая в стороны попадавшиеся на пути стулья.

— Пойми, Паша, мы столкнулись со сложной и четко организованной системой, о которой ничего не знаем. Считай, что это компьютер, у которого есть абонентская сеть пользователей. Павлов, Рудник, Иванов-Петров-Сидоров — любой из них, если он является абонентом, может нажать кнопку. Машина пожужжит, пощелкает, и на экране появится слово. Мне неинтересны эти пользователи, я и так про них все знаю. Мне интересно, что происходит в машине, когда она жужжит и щелкает. Ты прав, девчонка неопыт-

ная, но у нее есть мозги, и она сможет то, чего мы с тобой не сможем. Она эту машину всю по деталям разберет.

— Если жива останется, — тихо сказал Жерехов, не глядя на полковника.

— Прекрати! — Голос Гордеева сорвался на визг. — Я за нее не меньше твоего боюсь. В крайнем случае, дадим убийце уйти. Черт с ним, доказательств все равно мало.

Жерехов работал с Гордеевым не один год, вместе они составляли как бы систему сдерживателей и противовесов. Резкий и отчаянный Гордеев, который никого и ничего не боялся, несся сломя голову в одному ему видимые дали. Обстоятельный и консервативный Павел Васильевич Жерехов, хоть и был моложе Гордеева, играл при нем роль мудрого дедушки, бдительно следящего, чтобы не в меру резвый внучек не упал в пруд, не лазал через заборы и не играл со спичками. В главном они были единомышленниками, но в методах всегда расходились.

— Тогда ради чего все это? — продолжал настаивать Жерехов. — Павлов тебе неинтересен, убийцу ты готов упустить. Столько усилий, столько волнений — и все ради информации, которую ты то ли получишь, то ли нет. Я не узнаю тебя,

Виктор.

— А я не узнаю тебя, — уже спокойнее ответил Гордеев. — Ты не хуже меня видишь, куда мы все идем. Время той преступности, к которой мы привыкли и приспособились, кончилось. У нее были свои законы, свои правила игры, но теперь этого больше нет. Меняется страна, меняется политика и экономика, и вместе с ними меняются преступность. Это совсем другие преступники, и искать их, работать по их изобличению мы не умеем. И вот у нас появился шанс хоть чему-то научиться. Перестрой же наконец свои извилины в другом порядке, заставь себя признать, что и в нашей работе могут быть ситуации, когда процесс познания важнее результата. Пусть это во вред дню сегодняшнему, но зато на пользу дням завтрашним. Пусть мы сегодня не раскроем одно убийство. Мало, что ли, у нас этих «висяков»? Зато завтрашние заказные убийства мы встретим во всеоружии.

— Тебе голову оторвут за такие мысли, Виктор. Где это видано — сознательно идти на нераскрытие преступления, да еще убийство офицера милиции.

— Пусть отрывают, — махнул рукой Гордеев. — У меня выслуги тридцать один год, уйду на

пенсию. Все равно на мою зарплату нынешнюю я могу только две пары туфель жене купить. Цепляться за кресло не стану. А вот вы еще много лет будете мне спасибо говорить, если удастся то, что я задумал.

— Генерал, конечно, не знает о твоем наполеоновском походе?

— Конечно, не знает. У Павлова есть на него какой-то выход.

— Почему ты решил?

— А он пытался через генерала узнать, не нарыла ли Анастасия чего-нибудь эдакого в деле Филатовой.

— Но почему? Почему именно Каменская?

Гордеев довольно улыбнулся. «Вот тебе, Пашенька, доказательство, что я не ошибся, когда брал к себе никому не известную девчонку из райотдела. Как ты тогда сопротивлялся!»

— Потому что, — раздельно и веско произнес он, сделав паузу. — Вот ты мне не верил, когда я говорил, что из нее будет толк. И ошибся. А я оказался прав. Да, она многого не умеет. Да, у нее кое в чем нет опыта. Но репутация — это тоже оружие, и немаловажное. Знаешь, Паша, — добавил Гордеев, остановившись за спиной у своего зама, — я, честно признаться, сам не знал этого.

Только когда генерал меня вызвал и стал орать, что Настя — моя любовница, тогда я понял, что тот, кто его на меня натравил, интересуется в основном Каменской. А это значит, ему сказали, что реальная опасность может исходить только от нее. Конечно, в первую минуту мне было обидно. Что же, выходит, мы все не в счет? Я тридцать лет в розыске работаю, и меня преступник не боится, а она — всего шесть лет, и уже такая слава. Вот тогда, Пашенька, я и понял, что это — другие преступники. Поэтому они и не боятся тех, кто вырос из старой школы, они понимают, что у нас логика другая, мышление другое. Если хочешь, привычки другие. А Анастасия — она особенная. У нее мозги набекрень. А это означает, что я прав.

— Ну хорошо, пусть ты прав, — примирительно произнес Павел Васильевич. — И пусть ты такой храбрый, что ничего не боишься. Но объясни мне, бога ради, неужели нельзя никаким другим способом убедиться, что тот, кого мы пасем, и есть убийца Филатовой? Неужели так необходимо ждать, пока он придет убивать Настю? Тьфу, — с досадой добавил он, — даже произносить страшно.

Гордеев вздохнул, сел за стол, потер рукой лысину и лоб.

— Не знаю, Паша. Я ничего не могу придумать. То есть на самом деле способов много, но я боюсь его спугнуть. Я на сто процентов уверен, что оружие он при себе не носит и документы его в идеальном порядке. Так что имитация облавы ничего не даст. Задерживать его незаконно я не хочу. Ты мои принципы знаешь, и отступать от них я не буду даже ради этого «заказника». А уж если это и вовсе не убийца, а кто-то, кто делает по его поручению черновую работу, мы просто-напросто сорвем всю комбинацию. У нас есть улики, по которым можно судить, этот ли человек был в квартире Филатовой. Ну и что? Когда он там был? Как доказать, что именно в момент убийства, а не за час и не за день до него? У нас, Паша, есть повод для разговора с ним, но и только. А оснований для задержания и тем более ареста — ноль.

— И чего ты добиваешься? Ждешь, когда он начнет убивать Настю, и возьмешь его с поличным? Ты в своем уме?

— Я, Паша, жду, когда он принесет мне доказательства. Сам принесет, своими руками.

— А если не принесет?

— Тогда я скажу тебе, что прав ты, а не я. Оставлю отдел на тебя и уйду с позором.

* * *

В этот же день рано утром Ларцеву позвонили.

— Он хочет, чтобы я поехал с ним.

— Когда?

— Мы встречаемся через час.

— Он объяснил, зачем? Вы же дали ему адрес.

— Хочет, чтобы я сам его познакомил. Мол, свой человек, не с улицы пришел.

— Хорошо, поезжайте. Только будьте посдержаннее. И не мешайте ему, пусть делает все, что сочтет нужным. Можете даже ему помочь.

Когда оказалось, что наблюдатели упустили объект, Ларцев в следственном изоляторе допрашивал по поручению следователя четверых арестованных. Дело находилось в производстве у Константина Михайловича Ольшанского, который подробно проинструктировал Володю. Им нравилось работать вместе, Ларцев был, пожалуй, единственным из сотрудников Гордеева, к кому Ольшанский относился не просто с симпатией, а с огромным профессиональным доверием. Въедливый, дотошный, невероятно требовательный, Константин Михайлович пользовался авторитетом человека, знающего свое дело досконально, но работать с ним опе-

ративники и особенно эксперты в большинстве своем не любили. Ему все время казалось, что они что-то упустят, забудут при осмотре места происшествия, он был совершенно невыносим, гонял всех и распоряжался, как барин в своей вотчине. И хотя все понимали, что он прав, многие обижались на его резкую безапелляционность, граничащую порой с откровенным хамством. И только с Ларцевым он разговаривал не просто вежливо, а даже ласково, признав для себя, что допросы получаются у Володи намного лучше и результативнее, чем у него самого.

Проведя ночь, как и Гордеев, на Петровке и уходя в восемь утра из своего кабинета, Ларцев хотел было доложить полковнику о телефонном разговоре, но, приоткрыв дверь, увидел Колобка спящим, откинувшись в кресле, с расстегнутым воротом рубахи и съехавшим набок галстуком. Будить начальника было жалко, и Володя решил, что позвонит ему попозже, уже из Бутырки.

Во время коротких пауз между допросами дозвониться до Гордеева ему не удалось: дважды было подолгу занято, один раз никто не снял трубку. Собственно, острой нужды в этих звонках не было, он знал, что за объектом следят и ничего принципиально нового он Колобку не сообщит.

Кроме, пожалуй, одного. Но это может подождать, это не к спеху. Главное, сам он сделал все, что считал в данной ситуации правильным и необходимым. Уже выходя из следственного изолятора, он сделал еще одну попытку дозвониться до Гордеева, но опять безуспешно. Ларцев позвонил домой. Трубку сняла десятилетняя Надюшка.

— Папочка! — Она захлебнулась плачем. — Приезжай быстрей. Маму увезли.

— Как увезли? — оторопел он. — Рано еще.

Жена Ларцева была на девятом месяце беременности.

— Увезли! — рыдала дочка. — Ей плохо стало.

Ларцев кинулся домой, не разбирая дороги. Несколько раз он чуть не попал под машину, выбегая на проезжую часть в надежде поймать такси. Они с Наташей очень хотели второго ребенка. После Надюшки у жены была уже третья беременность. В первый раз она подхватила корь, которой не переболела в детстве, и случился выкидыш. Во второй раз ребенок родился мертвым. Жалея жену, Ларцев уговаривал ее, а заодно и себя отказаться от этой затеи, но Наташа была непреклонна. «Я пройду этот путь до конца», — говорила она. И в этот раз шло не очень гладко, но все же надежда была, ведь уже девятый месяц.

И вдруг такое… Надюшку жалко, одна в квартире, плачет, боится.

Ворвавшись домой, Володя схватил в охапку опухшую от слез девочку и помчался в больницу.

— Не буду напрасно вас обнадеживать, — сказал ему врач. — Положение очень серьезное. Не исключено, что придется решать — или мать, или ребенок.

Крепко прижав к себе дрожащую девочку, Володя Ларцев застыл на скамейке в коридоре, раздавленный случившимся. О звонке Гордееву он забыл.

* * *

Около десяти часов потерянный на целый день объект появился на проспекте Мира.

— Пошел, — сообщили Гордееву.

Тот мысленно благословил Настю и быстро побежал по длинным коридорам здания на Петровке вниз, к машине.

* * *

Когда раздался звонок в дверь, Настя словно очнулась. Внутренняя дрожь утихла, ладони из

ледяных мгновенно сделались горячими. Она уверенно пошла к двери.

— Кто?

— Лариса? — послышался приятный баритон. — Откройте, пожалуйста. Я от Александра Евгеньевича.

Щелкнул замок, Настя впустила гостя. Перед ней стоял мужчина чуть выше ее ростом, с застенчивым лицом и обаятельной улыбкой. Он был похож на старательного бухгалтера. Через плечо — темно-синяя мужская сумка на длинном ремне.

— Я никого не жду от Александра Евгеньевича, — недовольно сказала она. — Мы должны с ним созвониться завтра. Что за спешка?

— Где можно помыть руки? — не обращая внимания на ее слова, спросил Галл. — В вашем доме очень грязные перила.

— Проходите, — сухо сказала Настя, провожая его в ванную.

В ванной Галл быстрым движением повернул обе рукоятки, открыв воду на полную мощность, ловко развернулся, схватив Настю за запястье, и она в мгновение ока оказалась прижатой спиной к раковине. Справа была ванна, слева — стиральная машина, впереди — убийца.

Держа ее одной рукой за кисть, другой — за плечи, Галл приблизил губы к ее уху.

— Ну, здравствуй, красавица, — тихо сказал он.

«Как в страшном сне, — подумала Настя. — И никакой надежды проснуться».

— А почему шепотом? — громко спросила она.

Пальцы на ее запястье сжались сильнее, от боли выступили слезы.

— Потому что ты слишком умна, чтобы быть дурой, — не повышая голоса, ответил Галл. — Если ты работаешь на легавых, у тебя в квартире может быть полно микрофонов. А если ты настоящая журналистка и настоящая шантажистка, у тебя всегда под рукой есть диктофон, чтобы записать что-нибудь интересное. Я правильно рассуждаю?

— Правильно. Дальше что? — Настя постаралась, чтобы ее голос звучал вызывающе.

— Поэтому мы с тобой поговорим здесь.

* * *

Гордеев вытер о брюки вспотевшие от напряжения ладони.

— Ну, что там? — нетерпеливо спросил он.

— В ванной включена вода. Слышно только, что два голоса, но слов не разобрать.

— Ребята готовы?

— Готовы.

— Без моей команды не начинать.

* * *

— Ну что ж, давай поговорим. — Она легко перешла на «ты». — Тебя правда Павлов прислал?

— А кто же еще?

— Откуда я знаю? Может, ты из милиции. Вдруг наш бравый полковник ни в чем не замешан и заявил на меня.

— А в чем он замешан? Ну-ка расскажи.

— Пошел бы ты знаешь куда? — выразительно прошептала Настя и уже громче добавила: — Так вас и тянет все узнать за бесплатно. Запомни, ты, шустрый, я свой язык распускаю только за деньги. Говори быстрей, зачем пришел, мне стоять надоело. Но сначала докажи мне, что ты не из милиции. Тогда и поговорим.

— А если я из милиции, что ты сделаешь?

— Ничего не сделаю. Но разговор у нас с тобой не получится. А завтра телегу на тебя накатаю, что ты, представившись работником милиции, проник в квартиру и пытался меня изнасиловать. Или ограбить. Я еще не решила. Пока оправдываться будешь — поседеешь.

— Шантажируешь?

— А как же. Я больше ничего не умею.

— Ладно, кончай дурака валять. Павлов приготовил деньги, но он тебе не доверяет. Поэтому завтра мы с тобой поедем на встречу с ним. Ты ему — рукопись и информацию, он тебе — сто сорок штук, и разбежались.

— А ты-то тут при чем? Деньги будешь считать? Кассир на общественных началах! — фыркнула Настя.

— Посмейся у меня, — с угрозой сказал Галл и опять сжал ей кисть. — Досмеешься. Я пробуду здесь до утра. За это время я должен убедиться, что тебе можно верить.

— Врешь ты все, — неожиданно громко сказала она. — Убедиться в этом невозможно.

— Тихо!

— В этом невозможно убедиться, — понизив голос, повторила Настя. — Надо быть круглым идиотом, чтобы для этого прийти сюда. Говори, зачем пришел?

— Убить тебя.

* * *

— Голосов не слышно, — донесся из рации встревоженный возглас лейтенанта Шестака. —

Только шум воды.

— Приготовиться, — скомандовал Гордеев. Ему хотелось бежать впереди машины.

В сорок девятой квартире бесшумно приоткрылась дверь. Еще два человека появились на лестничной площадке между этажами.

* * *

Женщина обмякла в руках Галла. На лице ее был неподдельный страх.

— За что? — едва слышно прошептала она.

— За то самое. Ты влезла в чужую игру. Меня наняли тебя убить. Я лично к тебе никаких претензий не имею. Будешь умницей — останешься жива. Поняла?

— Мне плохо, — простонала она, едва шевеля побелевшими губами. — Дай мне сесть куда-нибудь.

Галл посторонился и усадил ее на край ванны, продолжая крепко держать обеими руками.

— Теперь слушай, — сказал он. — У меня с Павловым свои дела. Мне нужна эта рукопись, но заплатить за нее сейчас я не могу, у меня нет таких денег. Завтра ты пойдешь со мной, я получу гонорар за твое убийство и из этих денег с тобой расплачусь. Будешь меня слушаться — и

все пройдет хорошо.

Настя молча кивнула.

— Сейчас мы выйдем отсюда и будем вести себя как приличные люди. Язычок придержи. Одно неосторожное слово — и я могу подумать, что квартира прослушивается ментами. Я, знаешь ли, очень подозрительный и юмор плохо понимаю. Ты умрешь задолго до того, как сюда успеют прибежать твои дружки, даже если они засели в соседней квартире. Ну, признайся, есть там засада?

* * *

— Есть голос, — сообщил Шестак. — Но только один, мужской. Они все еще в ванной.

— Посторонних звуков нет? Шума борьбы?

— Нет, не слышно.

— Ждем еще тридцать секунд. Если через тридцать секунд она не заговорит — начнем.

Командир группы захвата взглянул на секундную стрелку.

* * *

Насте казалось, что аналитическая машина у нее в голове работает оглушительно громко. Надо

немедленно что-то сказать, все равно что, любую чушь, только бы подать голос. Иначе ворвутся в квартиру и все испортят. Галла ни в коем случае нельзя брать сейчас, пока она не поймет, что он задумал. Какая-то хитрая игра с Павловым… Что он спросил? Есть ли в соседней квартире засада?

— Ага, есть. В двух квартирах по десять человек и еще человек сто на лестнице. И здесь в каждом шкафу по засаде. Давай, ищи.

— Шутница, — процедил сквозь зубы Галл, закрывая воду. — Пошли отсюда, а то помрешь еще. Ты мне живая нужна.

* * *

Командир группы захвата посмотрел на часы. Прошло двадцать пять секунд. Он махнул рукой, и тут же три человека встали перед сорок восьмой квартирой. В руках у одного из них был ключ.

В машине, где ехали Гордеев, Коротков и Доценко, раздался голос Шестака:

— Женщина заговорила. Воду выключили.

Гордеев бросил взгляд на секундную стрелку. Двадцать девять секунд.

— Отставить! — заорал он.

* * *

Галл, по-прежнему держа Настю за руку, вывел ее на кухню и кивком головы указал на стоящий в углу диванчик.

— Садись туда. Так и быть, поухаживаю за тобой. Ты ужинала?

— Нет еще. Собиралась, да ты помешал.

— Давай поедим.

Он хозяйским жестом открыл холодильник и присел перед ним на корточки. Достал яйца, молоко, две банки консервов без этикетки.

— Что это? — спросил он, вертя банки в руках.

— Рыба какая-то, кажется, кильки в томате. А ты быстро освоился, — зло сказала Настя.

— Послушай, — Галл повернулся к ней, — нам с тобой еще ночь коротать придется. Так что давай дружить, так будет лучше. Омлет будешь? Сиди спокойно, я сам приготовлю.

— Да ладно, чего ты в самом деле.

Настя собралась встать с дивана. Она никак не желала проникнуться серьезностью мысли о возможной скорой смерти.

— Я сказал, сиди спокойно, — сказал Галл с металлом в голосе. — И руки положи так, чтобы я их видел. Третий раз повторять не буду.

— Черт с тобой, — вздохнула Настя, сворачиваясь калачиком на диване. — Раз в жизни мне мужик ужин приготовит — все-таки приятно. Трудись, шеф-повар.

Галл подивился ее самообладанию. Похоже, она и в самом деле профессиональная шантажистка. И не глупа, весьма не глупа.

* * *

Машина въехала в соседний двор. Из нее выскочили трое мужчин и бегом кинулись к стоящему возле арки микроавтобусу.

— Что там? — задыхаясь, спросил Гордеев.

— Ужинать собираются. Он ее подозревает. Усадил в углу на диван и не разрешает встать. Собирается торчать там до утра.

— Черт знает что, — задумчиво проворчал Виктор Алексеевич, — интересно, что он задумал? Кстати, — он повернулся к Короткову, — а где Ларцев?

— С утра был в Бутырке, — пожал плечами Юра. — Больше не объявлялся.

— Найди-ка его. Может, он что-нибудь нам прояснит.

Коротков подсел к радиотелефону.

* * *

Володя Ларцев неподвижно сидел в больничном коридоре, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить уснувшую у него на коленях дочь. На душе было черно. Наташа лежала в палате интенсивной терапии, и, судя по лицам врачей, выходящих оттуда, все было хуже некуда.

* * *

Настя с аппетитом ела омлет, хоть и не была голодна. В ней проснулся экспериментатор. Интересно съесть ужин, приготовленный убийцей.

— Вкусно! — похвалила она вполне искренне. — Ты, наверное, холостой?

— А ты, наверное, очень любопытная, — в тон ей ответил Галл.

— Естественно, — засмеялась она, — если бы я не была любопытной, у меня не было бы денег.

— Ну, денег-то у тебя, по всему видно, не так уж много, раз ты до сих пор новую машину не купила. Что скажешь? — поддел ее Галл.

«Удачно!» — подумала Настя. Она медленно отложила вилку и сузила глаза.

— Значит, ты все-таки мент. Вот ты и попался.

— Почему? — непритворно удивился Галл.

— Павлов про мои автомобильные дела не может знать. А милиция знает. Да и с адресом мне пока не все понятно. Как ты меня нашел, если Павлов тебе моего адреса не давал, а?

— Откуда ты знаешь, что не давал? Он в МВД работает, ему твой адрес узнать — раз плюнуть.

— Не свисти. — Она презрительно скривила губы. — Я здесь не прописана. Здесь прописан мой экс-супруг, а у него фамилия другая. До конца жизни буду гордиться, что меня капитан милиции кормил яичницей собственного приготовления. Или ты уже майор? Покажи удостоверение, хочу поглядеть, как ты в форме выглядишь.

— А тебя в самом деле Ларисой зовут? — парировал Галл. — Покажи-ка паспорт.

— Ты же вставать не разрешаешь, — усмехнулась она. — Принеси сумку из прихожей.

Не сводя глаз с женщины, Галл медленно вышел в прихожую и тут же вернулся с сумкой в руках. Настя протянула руку, но он сам открыл замок-«молнию» и высыпал содержимое сумки на кухонный стол.

— Ну ты и наглец, — возмутилась она.

Галл, не обращая внимания на ее слова, открыл паспорт. Настя была спокойна, она знала, что

Юра Коротков сделал все, как надо. И содержимое сумки она проверяла по нескольку раз в день, там тоже не должно быть ничего подозрительного.

— Убедился, контролер? — насмешливо спросила она. — Теперь вымой посуду и свари даме кофе. А заодно покажи мне свои документы, чтобы все по-честному.

— Обойдешься, — буркнул Галл, неторопливо собирая рассыпанные по столу дамские мелочи и складывая их в сумку.

— Но имя-то у тебя какое-нибудь есть? Мне же с тобой всю ночь разговаривать.

— Какое-нибудь есть. Выбирай любое, какое тебе нравится. Хоть Вася, хоть Петя.

— Мне нравится изысканное имя Эммануил. Можно, я буду называть тебя Эммануилом?

— Называй как хочешь. Какой губкой посуду мыть?

Галл поставил тарелки в раковину, привычным жестом повязал висевший на крючке фартук.

— Нет, хозяйственный ты мой, Эммануил тебе не подходит. Надо что-нибудь попроще. Придумала! Ты будешь Михрюткой. Годится?

* * *

— Что она делает? — с ужасом сказал Коротков. — Зачем она его дразнит? Она же выведет его из себя. Он ее прибьет со злости. Нашла, с кем шутки шутить — с наемным убийцей. Сумасшедшая.

— Беда в том, что мы так и не знаем, убийца это или нет. Будем надеяться, что она даст нам понять. Ты нашел Ларцева?

— Его нигде нет — ни дома, ни на работе.

— Родителям звонил?

— Звонил. Они ничего не знают.

— А родители жены?

— Она из Куйбышева. Родители там живут.

— Вот разгильдяй!

* * *

Галл разлил в чашки дымящийся кофе. Он думал о том, что если забыть обо всем, то жизнь может иногда показаться удивительно приятной. Чистая уютная кухня, красивая женщина в изящном пеньюаре, крепкий горячий кофе, неспешная беседа — чем не семейная идиллия? Почему в его жизни нет этому места?

— Сахару достаточно? — спросил он, когда Настя отхлебнула кофе.

— В самый раз, спасибо. Подай, пожалуйста, сигареты.

Галл протянул ей пачку и зажигалку, придвинул пепельницу. Он невольно залюбовался ее длинными пальцами с безупречным маникюром, когда она доставала из пачки сигарету.

— А ты что, не куришь? — спросила она, сделав глубокую затяжку.

— Нет. И никогда не курил. А вот ты зачем себя травишь, если у тебя сердце слабое?

— Да ну тебя.

Настя повертела сигарету, прочертила ею в воздухе какой-то замысловатый символ.

— Мое здоровье никому не нужно. Да и сама я никому не нужна. Мужа нет, детей нет. Родители далеко, небось забыли уже про меня. Что меня ждет? Одинокая старость в приюте для престарелых. Веселая перспектива. Лучше уж до такой старости не дожить.

Галл понял, что сейчас она не шутит. В глазах — настоящая боль.

— Ты можешь еще замуж выйти. Умная, красивая, богатая. Чего ж ты на себе крест ставишь?

— Замуж? — Она стряхнула пепел с сигаре-

ты. — Вот уж нет. Я привыкла быть одна. Когда надеешься на саму себя, как-то спокойнее. В этой хреновой жизни никому верить нельзя, только себе. Разве не так?

— Пожалуй, — согласился Галл.

— Вот видишь, — удовлетворенно сказала она. — И ты такой же волк-одиночка. Потому что знаешь, что так надежнее.

Галл молчал. После напряжения последних дней ему хотелось расслабиться хотя бы ненадолго. Просто посидеть в теплой кухне, поговорить с этой рыжей Ларисой о чем угодно, поговорить без суеты, доверительно, тепло.

* * *

— Это — убийца, — решительно сказал Гордеев. — Какие будут мнения?

— Я считаю, его надо задерживать, пока не стало поздно, — подал голос Доценко.

— А я думаю, пусть еще поговорят, — возразил Коротков. — Обстановка там вполне мирная. Может, узнаем что-нибудь интересное.

— Но она же там один на один с убийцей! — не сдержался Миша. — Как вы можете быть так спокойны?

— А он там один на один с Анастасией. Тебе это

ни о чем не говорит? Подождем, — резюмировал полковник.

* * *

Они выпили уже по второй чашке кофе. Настя переменила позу и стала растирать затекшую от неподвижного сидения ногу. Уже больше часа они вели спокойную дружелюбную беседу ни о чем, обсуждая достоинства и недостатки разных автомобилей, сортов коньяка, приморских курортов. Настя вглядывалась в лицо своего собеседника и удивлялась его обыкновенности и своеобразной привлекательности. Кто там говорил о пустых и холодных глазах убийц? Чушь все это, думала она. Нормальный мужик, с нормальными глазами, с приятной улыбкой. Спокойный, серьезный, будто на работе. Ну, в общем-то, он и был на работе. Пора, решила она. Будем менять пряник на кнут. Он уже достаточно отдохнул.

— Слушай, Михрютка, от тебя псиной разит. Ты что, не моешься?

Переход от дружелюбия к сарказму был таким резким, что Галл вздрогнул и залился краской.

— Пойди душ прими, — продолжала Настя.

— А ты в это время что будешь делать? В милицию звонить? Или в сумке у меня рыться? Нашла

дурака, — зло ответил он.

— Если хочешь, я с тобой пойду. Покараулю тебя, чтобы не утонул. Чего так смотришь? Думаешь, я голых мужчин не видела? Давай, давай, — она стала подниматься с дивана, — пошли в ванную. Самому должно быть противно.

Настя преследовала двойную цель. Во-первых, унизить его и поставить в положение оправдывающегося. И, во-вторых, поговорить о том, о чем в кухне и заикнуться было нельзя, чтобы не насторожить Галла.

Галл неохотно встал и, пропустив хозяйку вперед, пошел в ванную. Разделся до плавок, аккуратно сложил джинсы и рубашку на стиральную машину и остановился в нерешительности.

— Отвернись.

— Еще чего. Чтобы ты меня сзади по затылку стукнул? Умный какой.

— Я же сказал, ты мне живая нужна.

— Мало ли что ты сказал. Ты же мне не веришь, так почему я должна тебе верить?

Она включила воду. «Ну давай же, давай, — мысленно торопила его Настя. — Голый мужик — не боец, он уже не может сохранять достоинство».

— Да лезь ты в ванну, — раздраженно сказала

она, — не строй из себя девственника. Занавесочку задернешь — и порядок.

* * *

— Зачем она его в ванную потащила? — недовольно спросил Коротков. — Ведь не слышно же ничего.

— Затем и потащила, — загадочно ответил Гордеев, разгадавший маневр Каменской. — После того, как они выйдут из ванной, всем — предельное внимание. Она может попытаться передать какую-нибудь информацию. Судя по всему, он не исключает мысль о том, что мы их слушаем. В его высказываниях нет ничего, что можно было бы ему инкриминировать, он очень осторожен.

* * *

Галл с наслаждением подставлял тело под теплые упругие струи воды. Все-таки хорошая она баба, думал он, жалко, что придется ее убить. Двое волков-одиночек. У них могло бы получиться…

— Ну как, Михрютка? — раздался ее голос из-за непрозрачной пластиковой шторки. — Правда, хорошо?

— Правда, — ответил он, не скрывая удоволь-

ствия.

— А ты сопротивлялся. — Она негромко засмеялась. — Слушай, а можно я тебя кое о чем спрошу?

Галл насторожился, на всякий случай повернул ручки крана, чтобы усилить шум воды. Но Лариса, видно, крепко усвоила урок, потому что отодвинула шторку и придвинулась к нему почти вплотную.

— А Ирку… тоже ты?

Галл сделал вид, что не понял.

— Какую Ирку?

— Филатову. Она моей подругой была. Ее как раз из-за этой рукописи и убили.

— Впервые слышу.

— А кто же, если не ты?

— Я сказал тебе: впервые слышу. Не знаю никакой Филатовой.

— Не врешь?

— Да почему ты решила, что я должен ее знать?

— Этот экземпляр рукописи мне Ирка дала.

— Ну ты и ловка! Хочешь сорвать с Павлова сорок штук только за то, что скажешь ему об этом? Я бы тебе за эти сведения и рубля не дал.

— Так то ты, а то — Павлов. Он бы и больше дал.

А тебе рукопись зачем?

— Хочу с Александром Евгеньевичем по-мужски поговорить. Он мне не нравится. Похоже, это он твою подружку убил.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. Все, отойди, разговор окончен.

Настя послушно отошла к двери. Галл выключил воду и потянулся за полотенцем. После душа он чувствовал себя гораздо лучше. Можно было бы, конечно, признаться ей насчет убийства Филатовой. Все равно она не жилец. Завтра в это время ее уже не будет. Зато сейчас она бы стала его по-настоящему бояться и не изводила бы своими ядовитыми насмешками. Но Галл почему-то был уверен, что признаваться нельзя.

— Надень халат, — предложила Настя, видя, что он собирается одеваться. — Рубашку можешь выстирать, хозяйственный ты мой, к утру высохнет.

— Обойдусь, — ответил он сердито. Не хватало еще у нее на глазах стиркой заниматься. Придется вытаскивать все из карманов, и она увидит… Хотя, может, и не сообразит.

Но халат он все-таки надел, очень уж не хотелось натягивать на чистое тело пропотевшую за жаркий день рубаху.

— Пошли в комнату, хватит на кухне торчать, — скомандовал он.

— И сколько еще мы будем так сидеть? — спросила Настя.

— Спать хочешь? Ложись, я разбужу, когда надо.

— Еще что придумаешь? Нашел дурочку — спать, когда в квартире посторонний мужик. А может, ты и не мент вовсе, а обыкновенный ворюга.

— Да не мент я, сколько можно тебе повторять! — взорвался Галл.

— А ты докажи, — невозмутимо потребовала она.

— Как?! Я не знаю, как тебе доказать! Предлагай свой вариант, я на все согласен.

* * *

— Допекла она его, — довольным голосом прокомментировал Гордеев. — Посмотрим, как он будет выкручиваться.

— Виктор Алексеевич, вы понимаете, что она делает? — озабоченно спросил Доценко.

— То, что она делает, называется «метод научного тыка», — усмехнулся Коротков. — Она пробует разные варианты, импровизирует на

ходу, пытается понять, почему он ее не убивает.

— Черт побери, где Ларцев? — вскипел Колобок. — Ему самое место сейчас здесь. Михаил, начинай обзванивать больницы. Может, случилось что-нибудь с ним.

* * *

— Зайдите, попрощайтесь с ней, — шепотом сказал врач, чтобы не разбудить Надюшку.

Ларцев осторожно переложил девочку на скамейку и на негнущихся ногах зашел в палату. Наташа лежала по-девически худенькая, не было большого живота, к которому он уже успел привыкнуть. Как с ней прощаться? Володя никак не мог сообразить, что от него требуется. Поцеловать? Ему еще не приходилось прощаться с близкими в больнице. Он беспомощно взял жену за руку, погладил пальцы. Как же это, думал он, вот же она, она есть, я ее вижу, я до нее дотрагиваюсь, мне кажется, она даже слышит меня. И в то же время ее нет. Она же еще теплая. И в то же время мертвая. Его разум не мог с этим справиться.

Он очнулся на скамейке, рядом со спящей дочерью. Пусть спит, подумал Володя. Еще успеет узнать и наплакаться. Он оперся спиной на прохладную казенную стену, выкрашенную мас-

ляной краской, и закрыл глаза. Потом, потом, все потом.

* * *

То, что делала наедине с Галлом Настя Каменская, называлось «раскачиванием маятника». Легкое подшучивание, затем спокойная, ни к чему не обязывающая болтовня, затем подшучивание более грубое, более вызывающее, после чего следовал черед задушевной беседы, и так далее по нарастающей. Сейчас ей предстояло завершить период подшучивания оскорбительным хамским выпадом, после чего сразу перейти к чему-нибудь серьезному. Она внутренне собралась.

— Есть один способ доказать, что ты не мент. И мы с тобой убьем сразу двух зайцев, ты убедишься, что моя квартира не прослушивается. Как тебе такой вариант?

— Годится. Излагай.

Настя шагнула к нему, постояла, будто собираясь с мыслями, потом быстрым движением распахнула халат на убийце. Медленно, плотоядно оглядела его поджарое мускулистое тело, чистое, без татуировок. Она выяснила для себя то, что хотела.

— Так что же, хозяйственный мой? Кухню и

стирку ты освоил, а как насчет остального? Вам, ментам, с подозреваемыми трахаться нельзя, за это и погоны снять могут. Вот и докажи мне, что тебя Павлов прислал, а не кто-нибудь с Петровки, — медленно проговорила она.

— Да что я тебе, машина? — возмутился Галл. — Может, мне не хочется. Может, ты мне не нравишься? Я устал, в конце концов.

— Значит, не только мент, но и импотент к тому же, — задумчиво кивнула Настя, словно рассматривая в микроскоп диковинный препарат. — Ну да, у вас работа тяжелая, нервная. А жаль. Сейчас могли бы все недоразумения прояснить. А теперь вот придется что-нибудь другое придумывать, раз уж ты не научился свои сексуальные способности использовать на благо Родины и нашего общего дела.

Она уселась на подоконник, повернувшись боком к Галлу, закурила, выпустила дым в форточку. Помолчала, сосчитав в уме до ста.

— Слушай, ты боишься смерти? — тихо спросила она.

* * *

— Ларцева ни в одной из больниц нет, — доложил Доценко. — Но есть Ларцева Наталья

Константиновна, 36 лет, доставлена на «Скорой» в четырнадцать часов с Ольховской улицы.

— Это его жена, — поднял голову Гордеев. — Что с ней?

— Она умерла полчаса назад. И ребенок тоже.

— Господи! — ахнул Виктор Алексеевич. — Вот горе-то. Какое горе… Наверное, он все это время в больнице просидел, пока мы его искали.

Мысли полковника Гордеева разрывались между тем, как помочь Володе Ларцеву, в одночасье потерявшему жену и будущего ребенка, и тем, что делать с Галлом, наемным убийцей, находящимся в каких-то двухстах метрах от него.

Глава 12

Смерти Галл не боялся. Он много раз видел ее близко, он сам нес ее людям. Смерть в его исполнении не была ни страшной, ни мучительной. Ему хотелось верить, что и его конец будет мгновенным и легким. И вообще бояться можно того, что случается не со всеми. А если это неизбежно, если человек обязательно должен умереть, то какой смысл этого бояться? Бойся не бойся, а конец один. И не так уж много радости было в его жизни, чтобы сожалеть о ней.

Когда он, недоучившийся студент-медик, встретился со своим крестным отцом, ему, дурачку, казалось, что жизнь в преступной организации — сплошной праздник. Огромные деньги, которые платили за выполнение одного-двух заказов в год, позволяли вести вполне обеспеченную жизнь, ездить летом на море, покупать самых дорогих шлюх, пить хороший коньяк. Но чем дальше, тем больше оказывалось, что, если хочешь получить следующий заказ, нужно вести себя скромно, замкнуто и осмотрительно. Одиночество — вот плата за эти большие деньги. Галл

знал, что, когда он умрет, никто грустить не будет. Никто даже не заметит, что его больше нет. Разве стоит такая жизнь того, чтобы о ней сожалеть? И тюрьмы Галл не боялся. Под рукой всегда была спасительная таблетка, чтобы умереть сразу, не дожидаясь следствия и суда.

Однако вопрос Насти поставил его в тупик. Почему он должен обсуждать это с совершенно незнакомым человеком. С другой стороны, он был рад, что она ушла от скользкой и неприятной темы и перестала его дразнить. Нет, близости с ней он не хотел, во всяком случае, сейчас.

За окном начало светать. Галл сидел в кресле, Настя — рядом на полу. Убийца и его будущая жертва негромко говорили о смерти.

— Умирать не страшно, если не больно, — говорила она, словно подслушав его мысли. — А вдруг все, что пишут в книжках, — правда? Жизнь после смерти, наверное, лучше, чем такая жизнь, как сейчас. Как ты думаешь?

— Не знаю. Я этих книжек не читал.

— Интересно, а Павлов боится умереть?

— Такие всегда боятся. Иначе давно бы уже застрелился, вместо того чтобы огород городить. А он все тянет, все надеется на что-то. Вот и дотянул.

— Подумаешь! — Настя пренебрежительно тряхнула головой. — Заплатит сто сорок тысяч и будет жить спокойно. С чего ему стреляться? Экземпляр последний, больше нет, это точно. Никто его больше не тронет.

— Много ты знаешь…

— А ты знаешь больше? — недоверчиво протянула она.

Галл промолчал, мысленно выругав себя за несдержанность. Как же он так расслабился? Хорошо, что она, кажется, ничего не заметила. Он попробовал уйти от опасной темы:

— Сколько времени тебе нужно на сборы?

— А что, уже пора? — встрепенулась Настя.

— Нет еще, успокойся. Мне нужно время рассчитать.

— Далеко поедем?

— Не твое дело. Я задал тебе вопрос, — холодно сказал Галл.

— А я и отвечаю. Смотря куда мы поедем. Я же должна прикинуть, как мне одеваться. Если брюки и кроссовки — это быстро, если в приличное место идем — тогда дольше. Плюс душ, морду покрасить, то-се, девятое-пятнадцатое. Сам понимаешь.

— Мы идем встречаться с Павловым. Исходи

из этого.

Галла не так просто было сбить с толку.

— Ну, считай, минут сорок пять — пятьдесят.

— Подумать только, какая точность, — с издевкой произнес он. — По-моему, ни одна женщина не обладает чувством времени, поэтому они всегда опаздывают.

— У-у, ты, Михрютка, у нас главный специалист по женщинам. Оно и видно. Импотенты, конечно, в этом лучше разбираются.

«Вот дурак! Сам напросился. А ей палец в рот не клади. Одно неосторожное слово — тут же в дерьме вымажет», — подумал Галл.

* * *

— Как она сказала? — насторожился Гордеев. — «Морду покрасить, то-се», как дальше?

— Пятое-десятое, — подсказал Шестак.

— Нет, как-то по-другому. Прямо ухо резануло.

— Девятое-пятнадцатое, — отозвался Миша Доценко.

— Что это может означать? — допытывался Гордеев. — Она так никогда не говорит. Это что-то означает. Думать всем, быстро!

* * *

«Все бессмысленно, — думала Настя. — Они не поймут. Но ничего лучше я не придумала. Галл слишком умен, чтобы я могла попытаться передать информацию другим способом. Теперь вся надежда на них. Хоть бы знать, кто из наших сейчас нас слушает. Тогда проще было бы сориентироваться».

— Я есть хочу, — капризно сказала она. — Пойдем на кухню. Только чур — готовить будешь ты. У тебя лучше получается, Михрютка.

* * *

— Девять-пятнадцать, девять-пятнадцать, — тупо повторял Коротков, сидя на заднем сиденье микроавтобуса. — Адрес: дом девять, квартира пятнадцать. Или наоборот: дом пятнадцать, квартира девять. Номер машины: ноль девять пятнадцать. Или пятнадцать ноль девять. Что еще?

— Может быть, время отправления электрички с какого-нибудь вокзала? — предположил Доценко.

— Звони, узнавай, — распорядился начальник.

— Еще может быть номер телефона, который начинается на девятьсот пятнадцать или сто пятьдесят девять, — подсказал Коротков.

— Сто пятьдесят девять — это Ленинградский проспект. А девятьсот пятнадцать? Что это за АТС?

— Сейчас выясню, — ответил Юра.

Но ни одно из предположений даже отдаленно не приближалось к тому, что им хотели передать.

* * *

— Не возражаешь, если я мясо пожарю? — вежливо спросил Галл, доставая из морозильной камеры кусок свинины. — В микроволновой печи оно быстро разморозится.

Он решил все оставшееся время не поддаваться на ее подначки, соблюдая правила хорошего тона и сохраняя полную невозмутимость. Даже если она будет вести себя откровенно нагло и вызывающе, он не пойдет у нее на поводу. Но Ларисе, похоже, надоело резвиться. Она притихла, будто чувствовала близкую смерть. И снова Галл испытал что-то похожее на жалость.

— Хорошо, пожалуйста, — необычно мягко ответила она. — Хоть поем напоследок.

Только через несколько минут Галл сообразил, что опять допустил промах. Исправлять его было уже поздно. Неужели он и в самом деле выработался? За последний час — две ошибки. Сначала в разговоре о Павлове, и сейчас, когда она произнесла это «напоследок». А он, кретин, промолчал вместо того, чтобы удивиться: почему, мол, напоследок? Промолчал, потому что она все правильно сказала. Надо постараться отвлечь ее от этих мыслей.

— Слушай, а у тебя есть какое-нибудь хобби? — спросил он, устанавливая ручки СВЧ на время и режим.

— Есть. Теорему Ферма доказывать, — серьезно ответила она.

— Все шутишь, — неодобрительно поморщился Галл.

— Ну почему же, я не шучу. Тому, кто найдет доказательство теоремы Ферма, Нобелевскую премию дадут. Всемирная слава и вечный почет. Тогда и умирать не страшно.

— Да что ты все о смерти? Смотри: солнце встает, небо голубое, птички поют. Жизнь прекрасна, мадам! Получите свои деньги, скопите на новую машину и поедете отдыхать.

— А ты? — Она пристально посмотрела на

Галла. — Что будешь делать ты, получив свои деньги?

* * *

— При чем здесь теорема Ферма? — недоуменно спросил Миша Доценко.

Гордеев стукнул кулаком по колену.

— Идиоты! Мы все — идиоты! У кого есть телефон Чистякова?

— Виктор Алексеевич, время — пять утра.

— Плевать! Звони скорее! Да звони же, говорят тебе!

Видя колебания Доценко, Гордеев подскочил к аппарату.

— Давай номер, я сам с ним поговорю.

* * *

— Как мясо? Хорошо прожарилось?

— Вполне. Из тебя вышел бы отличный кулинар, Михрютка. Оставайся жить со мной, а? Я буду платить тебе ставку домработника. Не очень много, зато стабильно. Главное — все по закону.

— Доедай, и будем собираться, — сухо сказал Галл.

Настя заметила, что он перестал обращать

внимание на ее фокусы. Что бы это означало? Сосредоточился перед финальным прыжком? Или о чем-то догадался? Надо срочно менять тактику. Конечно, насчет теоремы Ферма — это было грубо. Но необходимо. Неужели и сейчас они не догадаются?

* * *

— Вы не уходите никуда, пожалуйста, — попросил Гордеев. — Может быть, мне придется еще вам позвонить.

Коротков и Доценко молча смотрели на начальника.

— Он говорит, эти цифры могут означать примерно следующее: это совсем другая закономерность, и у нее есть своя формула.

— Но почему? — в один голос воскликнули оба.

— Долго объяснять. Короче, если мы все правильно поняли, она хочет нам сказать, что Галл действует по другой схеме. Он собирается убить ее не в квартире, как мы предполагали, а где-то в другом месте. Там же будет убит и Павлов с инсценировкой самоубийства. На месте происшествия будут оставлены доказательства причастности Павлова к обоим убийствам. Что в квартире?

— Собираются уходить.

— Хитрая сволочь! Сейчас улицы пустые, проспект прямой, как стрела, просматривается во все стороны. Мы их упустим! Черт, куда же он ее повезет? Наиболее вероятны два варианта: квартира Муртазова и дача Павлова. Какие соображения?

* * *

Выйдя в сопровождении Галла из электрички на платформу, Настя не увидела никого из своих. «Они нас потеряли, — обреченно подумала она. — Они меня не поняли. Не судьба».

Возле кассы ожесточенно спорили двое мужчин.

— Всю жизнь до Москвы и обратно билет стоил два восемьдесят! Я десять лет езжу! — горячился тот, кто был постарше.

— С первого июля цены подняли! В два и семь десятых. Вон объявление висит, не видать, что ли? — убеждал его молодой парень в шортах и футболке.

— Ну правильно, в два и семь. Так почему она взяла с меня семь пятьдесят шесть? — не уступал первый мужчина.

Настя привычно разделила в уме новую цену на старую. Получилось ровно два и семь десятых.

Этот спорщик ломится в открытую дверь, подумала она, не сдержав улыбки.

— Все никак к росту цен не привыкнут, — сказала она и тут же осеклась. Стало легко и спокойно. Теперь она знала, что ей делать.

Они долго шли по дороге мимо березовой рощицы, миновали поселок и наконец вышли к дачам. Галл уверенно провел ее в калитку и подошел к добротному деревянному двухэтажному дому. Участок был просторный, кроме дома, на нем располагались кирпичный гараж и обитый жестью сарай с железной дверью.

Тут же от соседнего участка двинулся в их сторону забулдыжного вида мужичонка с большой овчаркой. Он шел чуть приволакивая ногу. Лицо его с двухдневной щетиной выглядело усталым и испитым. Под стать мужичонке была и собака — неухоженная, грязная, с выдранным сбоку клоком шерсти.

— Доброе утро, — вежливо поздоровался Галл.

— Здоров, — буркнул мужик. — С телкой приехал? Или это для хозяина? — Он противно подмигнул и хрипло закашлялся.

— Александр Евгеньевич велел пораньше приехать. Ты открой нам, мы его подождем, — уверенным тоном приказал Галл.

— Открою, открою, раз хозяин велел, — согласно закивал мужик.

Собака остановилась и зарычала, оскалив зубы.

— Ну тихо, тихо, — успокоил ее сторож. — Своих не узнал? Он же вчера здесь был.

«Странный пес, — подумала Настя. — Выглядит старым и больным, а глаза и зубы как у молодого. И породистый, хотя грязи на нем больше, чем шерсти».

Она быстро окинула взглядом участок — спрятаться негде, до соседних дач далеко, все подходы просматриваются. Где же они? Неужели в доме? В таком случае Галл, стоит ему почуять неладное, услышать малейший посторонний звук, тут же возьмет ее заложницей. Для этого он должен ни на шаг не отпускать ее от себя.

Что он сказал, этот забулдыга-сторож? Что Галл вчера здесь был. Стало быть, она правильно угадала. Он приезжал сюда на рекогносцировку, спланировал мизансцену. Труп Павлова, труп шантажистки, а рядом — доказательства. Павлов убил шантажистку и, поняв, что натворил, совершил второе убийство, покончил с собой. А что он собирается делать со сторожем? Это же свидетель. Наверное, убьет меня, сделает вид,

что уезжает, попрощается с ним и незаметно вернется. Не зря же он вчера здесь осматривался, все подходы и отходы изучал. Где-то должна быть запертая дверь. Где?

Сторож присел на скамейку и начал перебирать ключи.

— На, держи, — протянул он Галлу связку. — Сам открывай. Мне с моей ногой по ступенькам взбираться трудно.

— Пошли, — кивнул Галл Насте.

«Мне нельзя идти в дом. Нельзя ни в коем случае. Если там засада, я могу помешать. Или он схватит меня и будет держать как заложницу, или я окажусь на линии огня. Что же делать? — лихорадочно соображала Настя. — Как не войти в дом и при этом не вызвать подозрений? И где эта запертая дверь? Где она?»

Слева от Насти послышалось угрожающее ворчание. Овчарка подошла к ней почти вплотную, и морда у нее была не очень-то дружелюбная. Настя машинально посмотрела направо, ища путь отступления от враждебно настроенного животного. Она никогда собак не боялась, всегда умела находить с ними общий язык. Но этот пес ей доверия не внушал.

Она осторожно подвинулась чуть вправо и

снова оглянулась. Метрах в десяти находилась зеленая железная дверь сарая, запертая на внушительный висячий замок.

— Уберите собаку, — недовольно сказала она.

— Не бойся, он не тронет, он добрый, — ответил сторож и как-то странно посмотрел на Настю.

Собака зарычала громче. Настя беспомощно оглянулась на Галла, который, стоя на крыльце к ней спиной, отпирал дверь.

— Да уберите же собаку, в конце концов, — сказала она уже более нервно.

Галл с любопытством обернулся. На лице его было написано нескрываемое злорадство.

— А ты не бойся, он не кусается. Просто ты ему не нравишься, он таких вредных, как ты, за версту чует, — с издевкой сказал он.

Хозяин собаки равнодушно наблюдал за ними, не проявляя ни малейшего сочувствия к Настиному положению.

Настя сделала еще шаг вправо, и собака немедленно подвинулась в том же направлении.

— Заходи в дом, — потребовал Галл.

— Я не могу, я боюсь его, — жалобно сказала Настя, продолжая медленно отходить вправо, в сторону сарая. Собака, неотступно следовавшая за ней, вдруг оглушительно и яростно залаяла.

— Эй, мужик, — вдруг зло сказал Галл. — Ну-ка отзови своего кобеля. Хватит дурить.

До сарая оставалось несколько шагов. Настя опрометью кинулась к железной двери, с размаху ударила ее плечом и провалилась в темноту…

Дальнейшее произошло быстро, тихо и буднично. Операция, которую готовили и разворачивали больше двух недель, завершилась в несколько минут без единого выстрела.

Настя очнулась от того, что кто-то жарко дышал ей в лицо. Она протянула руку, нащупала собачий бок, и тут же шершавый язык облизал ей щеку. Она с трудом поднялась. Нестерпимо болело плечо, которым она саданула о железную дверь. Балда, сказала она себе, могла бы догадаться, что достаточно легкого толчка. При падении она, как выяснилось, разбила колено, а кроме того, сломала каблук.

Настя осторожно выглянула наружу. Галла в наручниках уже усаживали в машину. Сколько же она провалялась в этом сарае? Она вышла и уселась прямо на землю, с тоской разглядывая испорченную туфлю и кровоточащее колено. Кажется, она еще и головой ударилась…

— Подсчитываете боевые потери? — послышался рядом насмешливый голос.

Она подняла голову и увидела хромого сторожа. Настя вымученно улыбнулась.

— Хороший у вас пес. Нашкодил, но попросил прощения.

— Он не нашкодил, — как-то очень серьезно ответил сторож. — Он хорошо подчиняется командам. У нас с ним полное взаимопонимание.

Брови ее поползли вверх.

— Вы хотите сказать… Ну да, конечно, я должна была сама сообразить.

Она с шутливой досадой швырнула туфлю на землю, попыталась рассмеяться и вдруг громко расплакалась. Это была классическая истерика, когда после длительного напряжения достаточно малейшего эмоционального толчка. По лицу ее текли слезы, плечи сотрясались от рыданий, она всхлипывала, обняв «сторожа» за шею и уткнувшись в его грудь.

— Ну, успокойся, успокойся, — ласково уговаривал он Настю, гладя ее по спине. — Все прошло, все хорошо. Ты держалась молодцом. Ну же, милая, хватит плакать, смотри, твой начальник сюда идет. Давай, моя хорошая, вытирай глазки.

— Тебе бы нянькой в яслях работать, — услышала Настя усталый голос Колобка. — Где это ты научился так девушек утешать?

— Я всю жизнь с собаками вожусь, Виктор Алексеевич. Бывает, когда псину успокоить надо, каких только слов не придумаешь. По часу уговаривать приходилось.

Настя шмыгнула носом и оторвала лицо от уютной широкой груди. Гордеев аж присвистнул.

— Ну ты хороша, Анастасия! У тебя зеркало есть? Где твоя сумка?

— В сарае, наверное, осталась.

— Кирилл, принеси сумку, пожалуйста, — негромко попросил «сторож».

Из двери не спеша вышла овчарка, аккуратно держа в зубах сумочку.

— Странная кличка у твоей собаки, — удивился полковник. — Их человеческими именами называть вроде не принято.

— У нее в родословной такая кличка записана, что за неделю не выговоришь, — махнул рукой «сторож».

— Кстати, Анастасия, познакомься, это Андрей Чернышев, задушевный друг и коллега нашего Ларцева, из областного управления.

— Очень приятно, — пробормотала Настя, открывая пудреницу и разглядывая себя в зеркало. — Бог мой, ну и видок!

На ее лице была высокохудожественная смесь

из пыли, грязи и растекшейся косметики, особенно в том месте, где прошелся собачий язык. Она перевязала колено носовым платком, сняла с ноги не пострадавшую туфлю и собралась вставать.

— Андрюша, отвези ее домой, — распорядился Гордеев.

— А вы?

— А я буду ждать Александра Евгеньевича. А то некрасиво получится: человек приедет с такими деньгами, а его здесь никто не ждет.

Настя уже вполне пришла в себя.

— Между прочим, а зачем ему гараж? Разве у него есть машина?

— Есть, а то как же. Только он на бензине экономит, поэтому редко ею пользуется. Это он у себя в Энске на ворованном бензине ездил, а в Москве, видно, еще знакомствами не оброс.

— И много у него будет денег с собой? Интересно, сколько стоит меня убить?

— Нездоровое у тебя любопытство, Анастасия. Ты лучше скажи мне, зачем ты Галла мыться заставила?

— Хотела, чтобы он разделся. Он вещи на стиральную машину сложил, а я сверху на них облокотилась. Занавесочка-то у вашего сына в

ванной непрозрачная. Я, правда, успела только карманы рубашки проверить. Хорошо, что аптечка прямо на машине лежит. Но руки у меня тряслись, как будто кур воровала.

— Плохо. Глупый риск, могла попасться. На первый раз прощаю.

— А оружие у него нашли при обыске?

— Нашли одну хитрую штуковину. Электрошоковая мини-дубинка, размером с карманный фонарик. Человек теряет сознание минут на пятнадцать-двадцать, вполне достаточно, чтобы успеть инсценировать то, что захочешь.

— Значит, вот с чем он Филатову у двери встретил, — задумчиво произнесла Настя. — И меня, наверное, так же собирался… Ну все-таки, Виктор Алексеевич, сколько стоит меня убить?

— Убить человека обычно стоит примерно столько, сколько хорошая машина. Вот и посчитай, с учетом инфляции.

— Наша машина или иномарка?

— Иномарка, конечно. Это же «заказники» высшего класса. Обычно киллеры обходятся дешевле.

— Надо же, — она покачала головой, — целая машина. И с хромой ногой. Везите меня, Андрей, как бесценный груз.

И, опираясь на руку небритого «сторожа», она поковыляла к машине.

* * *

Настиного терпения хватило только до тех пор, пока Андрей не вывел машину на шоссе, потом она не выдержала.

— Вы мне ничего не расскажете? — спросила она.

— Спрашивайте — отвечаем, — пошутил Андрей. — Только давай на «ты».

— Когда ты здесь появился?

— Вчера утром, как только Ларцев узнал, что они собираются на дачу.

— Кто «они»?

— Убийца и Муртазов.

— Откуда он узнал?

— Муртазов сообщил. Его Галл так прихватил, что Ларцеву этот Ариф достался еще тепленьким, долго уговаривать его не пришлось. Настоящего сторожа попросили временно удалиться куда-нибудь подальше. Галл тут все осмотрел, по дому походил, все двери и окна проверил. Он, оказывается, мужик предусмотрительный, доказательства причастности к убийству оставил вчера на даче. Мало ли как дело обернулось бы у

тебя дома, вдруг он не сумел бы тебя живую сюда привезти. Сообщил бы потом, куда следует, что Павлов на своей даче кое-что прячет.

— А Гордеев знал об этом?

— В том-то и дело, что не знал, как выяснилось. Когда я вчера хотел с Ларцевым связаться, его нигде не было. А у меня связь только с ним была. Ты же знаешь наши дела милицейские. А вдруг Володька не хотел, чтобы обо всем знал его начальник? Он же меня не предупредил, что в случае чего можно выходить на Гордеева.

— И что же Галл спрятал на даче?

— Блокнот и два листка. Судя по всему, прихватил их в квартире у Филатовой — так, во всяком случае, Гордеев говорит. В блокноте — записи по июньской командировке в Краснодар.

— А листки? Что в них?

— Списки фамилий. На одном — девяносто четыре, на другом — девяносто две.

— Теперь мне понятно. И что было дальше?

— А дальше — на рассвете примчались ребята, перепилили петлю в двери сарая. С виду — крепкий замок, а на самом деле дверь легко открывалась. Только я понял, что ты эту дверь никак не углядишь.

— Верно. Я знала, что должна быть запертая

дверь, но думала, что это какой-нибудь боковой вход или чулан. Что-нибудь в этом роде, но только в доме. Про сарай я сразу не подумала, меня как раз этот замок сбил с толку.

— На то и рассчитывали, чтобы Галла обмануть. Тебя надо было отделить от него. Ребята сказали, что в квартире он тебя ни на шаг от себя не отпускал, поэтому боялись, что и на даче будет то же самое. Пришлось дать Кирюше команду, чтобы он тебе подсказал. Испугалась?

— Только не Кирюшу, — засмеялась Настя. — Я собак люблю, они меня никогда не трогают. Я боялась, что ему надоест меня терроризировать и у меня не будет повода двигаться в нужном направлении. Я же не знала, что он специально это делает.

— Но ты молодец, сообразительная, — похвалил Андрей.

— Стараюсь.

— Кирюша на меня здорово обиделся, когда я ему бок выстригал, да еще заставил в грязи вываляться, а купаться на речку не пустил. Надулся, лег под лавку и смотреть в мою сторону не хотел. Но когда меня в образе неумытого сторожа увидел, простил. Умница моя, — ласково добавил он. — Слышишь, Кирилл, это я тебя хвалю.

С заднего сиденья донеслось одобрительное урчание.

— Я в это дело недавно влез, — пояснил между тем Андрей. — Может, ты мне теперь объяснишь насчет доказательств?

— Понимаешь, Филатова прилетела поздно ночью из командировки, а через два часа ее нашли убитой в своей квартире, и никакого блокнота при ней не было. Следовательно, блокнот мог взять только тот, кто с ней за эти два часа встретился, то есть убийца. У кого блокнот — тот и преступник. Видимо, Галл всегда так подстраховывался, брал что-нибудь с места преступления, чтобы при неблагоприятном раскладе можно было подбросить кому-нибудь улику и навести подозрения на другого человека. А с листками другая история. Но суть в том, что эти фамилии выписывались с карточек в зональном информационном центре. То, что в одном списке на две фамилии меньше, говорит о том, что две карточки были изъяты. Это как раз и было то, чего так боялся Павлов и из-за чего погибла Филатова. Одну из этих двух фамилий я, кажется, знаю. Но вторая меня интересует больше. Это должна быть очень крупная фигура.

* * *

Машина подъехала к дому на Щелковском шоссе, и Настя сразу увидела на лавочке у подъезда знакомую лохматую шевелюру. Она тепло попрощалась с Андреем, дружески потрепала по загривку Кирилла, надела свои разновысокие туфли и, припадая на одну ногу, пошла навстречу Леше.

— Спасибо, милый, — тихо сказала она, крепко обнимая его.

* * *

Ей хотелось только одного — смыть с себя грязь, пот, усталость, напряжение, а главное — отделаться наконец от этой отвратительной шантажистки Ларисы Лебедевой. Как хорошо быть невзрачной, ленивой, обыкновенной Настей Каменской, носить удобную обувь и привычную одежду, коротать выходные дни рядом со спокойным, надежным Лешей Чистяковым — молодым доктором физико-математических наук, спасшим ей сегодня жизнь.

Когда кожа была отмыта до скрипа, а волосы снова стали светлыми, Настя вышла на кухню,

где Леша, по заведенному ритуалу, накрывал по всем правилам на стол.

— Садись, Настюша, уже все готово. Объявляю сегодня праздник в честь твоего боевого крещения, — торжественно сказал он.

Она прижалась щекой к его плечу.

— Солнышко мое, — нежно сказала она, удивляясь сама себе, — ненаглядный мой, ты лучше всех на свете. Я тебя ни на кого не променяю.

— Да кто ж на тебя польстится, на такую ленивую и нехозяйственную, — отшутился Леша, стараясь скрыть, как он растроган.

* * *

Пока Настя Каменская дома приходила в себя, купаясь в волнах заботы, которой окружил ее Леша, на Петровке кипела работа. После задержания Галла с доказательствами в руках шли интенсивные допросы Павлова, Рудника и Муртазова. Теперь можно было разбираться и с фамилиями, и с тем, кто, как и Антон, составлял список, но на два месяца позже, будучи в Энске в составе бригады, проводящей инспекторскую проверку. Дело раскручивалось с головокружительной скоростью, людей катастрофически не хватало, но Гордеев не хотел трогать Настю, по

крайней мере, до завтрашнего дня. Еще двух человек он отпустил к Володе Ларцеву: надо помочь с организацией похорон жены и с поминками.

* * *

Виктор Алексеевич допрашивал Галла сам. Уже при задержании он понял, что этот человек умеет проигрывать достойно. Он не оказывал сопротивления, не изображал возмущение и негодование, упорно стоял на своем: к нему обратился его знакомый, чтобы помочь уладить одно деликатное дело. Дело это состояло будто бы в том, что некая журналистка с темным прошлым начала вымогать деньги у вполне уважаемого человека, и этот человек хотел бы, чтобы в момент передачи денег присутствовало доверенное третье лицо. Кроме того, его просили познакомиться с журналисткой поближе, чтобы выяснить, не блефует ли она и можно ли ей доверять. И все, никакого криминала. Он не вламывался к ней в квартиру, она сама открыла дверь и впустила его, а утром совершенно добровольно поехала с ним за город.

Сам факт засады на даче доказал Галлу, что квартира, где он провел ночь, конечно же, прослушивалась. Но все, что он там говорил, должно было, по его замыслу, укладываться в эту версию.

Кроме, разумеется, того, о чем они разговаривали под шум льющейся воды. Он никак не мог для себя определить роль Ларисы. Он мог бы поклясться, что она его не провоцировала, не пыталась сказать вслух что-нибудь не то, не задавала ему коварных вопросов. Она вела себя именно как человек, который легко подстраивается под ситуацию, хочет получить свои деньги и не желает лишних неприятностей. Но, с другой стороны, не может быть, чтобы квартира прослушивалась без ее ведома. Значит, она все-таки связана с милицией.

Спокойно и обстоятельно давая показания, Галл строго придерживался своей линии. Он хорошо помнил, что к блокноту и листкам из квартиры Филатовой он прикасался только в перчатках, отпечатков его пальцев на них не должно быть, если только он не допустил какую-нибудь оплошность. Бумаги были изъяты не у него, а найдены на даче у Павлова. Так что здесь был шанс выскользнуть. Правда, у него отобрали образцы для биологической экспертизы, но пока не готовы результаты исследования, можно еще поиграть.

Галл хорошо понимал, что, независимо от того, какие показания он даст, доживет он, самое

большее, до окончания следствия, потом ОНИ его все равно достанут. Но жить так долго он и не собирался. При обыске во время задержания у него отобрали все, что было в карманах, в том числе и спасительную салатового цвета таблетку. Но он найдет способ до нее добраться. В конце концов, это не так уж сложно. Пакет с изъятыми при обыске вещами лежал здесь же, на столе у Гордеева.

Сам Виктор Алексеевич тоже события не форсировал. Он подробно расспрашивал задержанного о Павлове, о том, подо что у него вымогали деньги, чем шантажировали. Он, казалось, полностью принял версию Галла, во всяком случае, задаваемые им вопросы за рамки этой версии на первый взгляд не выходили.

Наконец Галл решил, что время настало.

— У меня к вам просьба, если позволите, — обратился он к полковнику.

— Пожалуйста, — с готовностью отозвался Гордеев.

— При обыске у меня отобрали лекарство, я бы хотел его принять, очень болит желудок. Можно?

— Конечно, конечно, — засуетился полковник, открывая пакет. — Это?

Он достал салатового цвета пилюлю, налил в стакан воду, протянул Галлу.

— Может быть, врача вызвать? — заботливо спросил он.

Галл улыбнулся, отрицательно качнул головой, положил таблетку в рот и запил водой.

* * *

Закончив работу, Юра Коротков и Коля Селуянов решили, прежде чем идти по домам, выпить кофе.

— Пойди стрельни у Аськи, у нее в столе целая банка, — сказал Коротков, протягивая товарищу ключи от кабинета Каменской.

— Убьет, — с сомнением покачал головой Селуянов.

— А ты покайся, тогда не убьет. Иди, иди, — засмеялся Коротков.

Когда кофе был наполовину выпит, Селуянов спросил:

— А что за фокус был с цифрами? Я так и не понял.

— Никто не понял бы, если бы она про теорему Ферма не сказала. Тогда Колобок догадался, что нужно звонить Лешке Чистякову. Оказывается, когда они еще в физматшколе учились, у них

такое упражнение было — найти формулу простого числа. Ну вроде как у нас — выбить пятьсот из пятисот. В принципе, наверное, возможно, но что-то пока ни у кого не получилось. И Аська тогда предложила: давай найдем сначала формулу нечетного непростого числа, а потом пойдем от обратного. Ты, говорит, возьми число девять, а я возьму число пятнадцать. Сидели они сидели, решали-решали, потом в кино пошли, на какой-то французский детектив, а в нем очень похожая ситуация развивалась: преступник хочет подбросить кому-то улики и инсценировать самоубийство. И вдруг Аська говорит: все, мол, понятно, даже смотреть неинтересно, пошли отсюда, лучше будем формулу девяти и пятнадцати искать. Вот такая история. А я, как дурак, к чему только эти цифры не прикладывал: и к адресам, и к номерам машин, и к телефонам. Кстати, Лешка нам как раз и подсказал насчет сцены у кассы на платформе. Знаешь, когда люди столько лет вместе, у них вырабатывается свой язык, который постороннему не понять. Короче говоря, все эти слова у кассы должны были означать: не ломись в открытую дверь, Аська же умница, она их правильно перевела с птичьего языка на человеческий: не входи в ту дверь, которая будет

открыта, ищи ту, которая заперта.

— Фантастика! — восхищенно вздохнул Коля. — Иногда так страшно бывает, когда представишь себе, на каком тоненьком волоске подвешена вся наша работа. А ну как не оказалось бы дома этого Чистякова? Что тогда?

— Считай, что нам повезло. И прикинь, сколько раз до этого везло Галлу. Ему и сейчас повезло бы. Если бы не стечение обстоятельств, дело по Филатовой не возбудили бы.

— Да, баланс, пожалуй, не в нашу пользу.

* * *

Галл неподвижно сидел перед Гордеевым, стараясь собраться с мыслями. Он никак не мог понять, что же произошло. Ведь ему сказали, что смерть будет мгновенной и безболезненной. Как же так?

Гордеев тоже молчал, внимательно наблюдая за задержанным убийцей.

— Что-нибудь не так? — наконец спросил он. — Если у вас и в самом деле болит желудок, лекарство должно помочь. Это темпалгин, очень хорошее обезболивающее.

— Темпалгин? — рассеянно произнес Галл. — Почему темпалгин?

— Послушайте, не могу же я позволить вам умереть прямо в моем кабинете, — жестко сказал Гордеев. От его заботливости не осталось и следа. — Лекарство вам подменили еще ночью. Вы что же, считаете нас совсем никудышными работниками? И замысел был разгадан тогда же.

— Лариса? — спросил Галл одними губами.

— Конечно, — кивнул Гордеев. — Она вас раскрутила, как мальчишку, и нашла способ сообщить нам о ваших планах.

— Поздравляю, — криво усмехнулся Галл. — Профессионализм нашей милиции растет на глазах у изумленной публики.

— Не надо, прошу вас. Давайте обойдемся без взаимных оскорблений. Я же не рассказываю вам, как упал ваш профессионализм и сколько ошибок и глупостей вы совершили. И еще больше ошибок допустила ваша организация, но уже с нашей помощью. Мы вынудили вас действовать в непривычных для вас условиях, заставили делать то, чего вы раньше не делали и делать не умеете. Поэтому сейчас вы здесь, а не в самолете Москва — Баку.

— Муртазов?

— Естественно. Разве вас не учили, что бизнесменов нельзя запугивать такими методами?

Они потому и преуспевают в коммерции, что у них нормальная психика и трезвая голова. Они очень хорошо умеют считать, причем не только деньги. А вы договариваться с людьми не умеете, это не ваш профиль. Ваша профессия — лишать жизни тех, с кем не смогли договориться другие ваши коллеги, которые знают, как это правильно делать. Универсальных специалистов не бывает. Даже доктор технических наук, случается, не может починить дома кран. А вы действовали до такой степени неграмотно, что женщина легко с вами справилась.

Это было последней каплей. Галл сломался.

* * *

— Знаешь, чего я больше всего боялся? — говорил Насте на другой день Гордеев. — Я боялся, что ты ошиблась с кличкой и у Филатовой был вообще не Галл. Тогда вся комбинация пошла бы псу под хвост. У нас ничего не вышло бы. Мне не удалось бы опорочить убийцу в глазах его хозяев, а на это и был расчет. Ну признайся, Анастасия, пальцем в небо попала?

— Почти, — улыбнулась Настя. — Его любовь к истории подвела. Вот, смотрите.

Она положила перед начальником фотогра-

фию, на которой была запечатлена полка с книгами и безделушками.

— Мне с самого начала эта фотография не нравилась, только я никак не могла сообразить, что в ней не так. Все смотрела на нее, думала, но так и не придумала. А когда вы меня кличками озадачили, в голове какой-то механизм сработал. Эти стеклянные фигурки — символы годов по восточному календарю. Тигр, обезьяна, петух, овца и так далее. Я в доме у Филатовой не была, но Зубов сделал много снимков, и по ним хорошо видно, что все вещи и книги у них расставлены в идеальном порядке. Особенно это заметно по собраниям сочинений. А в расположении фигурок есть некоторая… ну, неправильность, что ли. Вроде они все расставлены как раз в том порядке, в каком идут по календарю. Все, кроме вот этих двух: змеи и барана. Они стоят рядом и чуть-чуть под углом друг к другу, хотя по календарю идут не подряд. У галльских племен было языческое божество: змея с головой барана. Убийца провел в квартире много времени, видно, заскучал и нашел себе развлечение, решил посмотреть, как выглядит змея, если ей приставить баранью голову. А порядку фигурок он значения не придал, поэтому и не поставил их на место. А может,

забыл или его что-то отвлекло.

— Однако, — покачал головой Виктор Алексеевич. — И на таком пустом месте ты сделала вывод? Хорошо, что я об этом только сейчас узнал. Когда ты звонила, у тебя голос был такой уверенный, что я не сомневался: основания для вывода у тебя достаточно крепкие.

— Но вывод-то оказался правильным, — возразила Настя.

— Посмотрим, — усмехнулся Гордеев. — Спросим у Галла, что он по этому поводу думает.

* * *

Всю вторую половину дня полковник опять допрашивал задержанного. Когда его увели, Виктор Алексеевич заглянул к Каменской в кабинет.

— Ну, Анастасия, с меня бутылка. Но я-то какой молодец, я-то умница какая! — сказал он, сияя всем своим круглым лицом. — Как это я в тебе, сопливой девчонке, в свое время разглядел гениального сыщика!

— Что случилось?

Настя уже «въезжала» в другое дело и поэтому не могла взять в толк, о чем это говорит ее начальник.

— Я, Анастасия, мужик простой и без затей.

Взял да и спросил у Галла про фигурки и языческого бога.

— И что Галл?

— Представь себе, подтвердил. Ты оказалась права. Хотя мне и сейчас с трудом в это верится. Между прочим, Лесников не объявлялся? — круто свернул в сторону Гордеев. — В последние дни я дело Шумилина совсем из виду выпустил.

— Там все в порядке, Виктор Алексеевич. Ковалев не только сам умыл руки, но и Виноградова придерживает. Так что Ольшанский с Лесниковым работают вовсю.

— Ну, слава богу, — вздохнул Гордеев.

* * *

Миша Доценко и Юра Коротков с головой ушли в писанину, составляя отчет об операции. Мише не давал покоя один вопрос, и он наконец решился его задать:

— Юра, а что было бы, если бы Галл согласился на Настино предложение?

— На какое предложение? — поднял голову Юра.

— Ну, переспать с ней, чтобы доказать, что он не из милиции. Неужели ей пришлось бы… — Миша не договорил. Все-таки он был еще очень молод,

старший лейтенант Доценко.

— Знаешь, в нашей работе часто бывают радости. Но чтобы до них добраться, порой приходится сначала вываляться в грязи, — уклончиво ответил Коротков.

Он с нежностью подумал о Люде Семеновой. До десятого июля оставалось четыре дня.